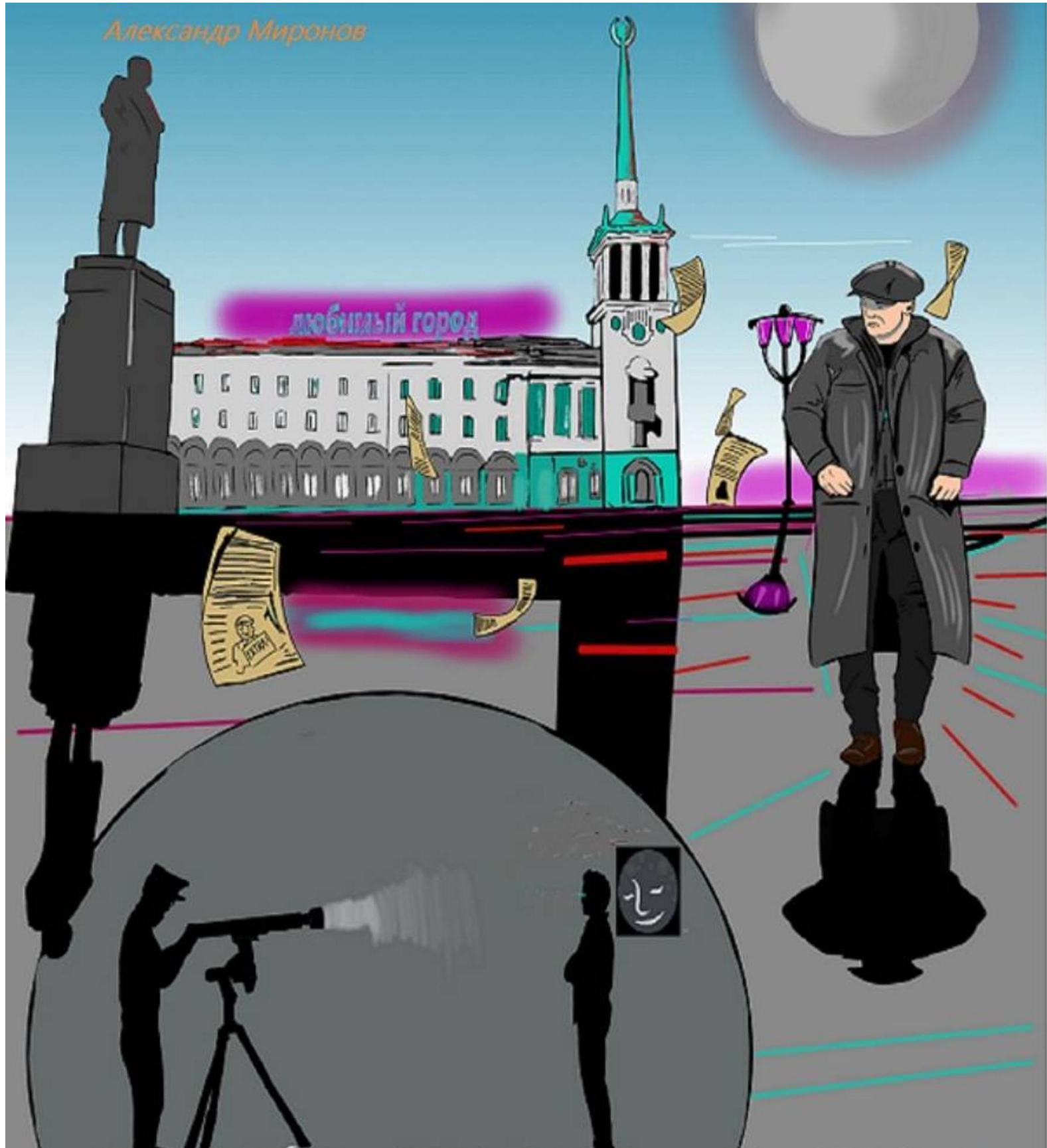

Александр Миронов

УЛЬТРАФЕН

Роман

18+

Автор рисунка: Миронов Александр мл

Александр Миронов
Ультрафен. Полная версия

«Автор»

2025

Миронов А. Л.

Ультрафен. Полная версия / А. Л. Миронов — «Автор», 2025

Драма, детектив, фантастика. Период расцвета Застоя. Пропал человек. По этому уголовному делу работает капитан Феокистов. Поиск сводит его с изобретателем Бердюгиным, который предлагает с помощью Ультрафена провести ряд расследований. По двум делам находят настоящих убийц, позже, и третьего. Но, первое и третье убийство, затрагивают «честь» правоохранительных органов. К расследованиям подключаются люди из прокуратуры города и области, но с целью эти дела снивилировать. Следователь ведёт сбор данных и выходит на бывшего прокурора автономной республики. На Феокистова совершается нападение...

© Миронов А. Л., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Введение	5
Часть 1	6
Май. 1977 год Москва. Ярославский вокзал	6
Майск	8
1	8
2	12
3	18
4	20
5	24
6	28
7	30
8	35
9	40
10	44
11	46
12	48
13	50
14	51
15	53
16	55
17	56
18	58
19	60
20	61
21	65
22	67
23	70
24	73
Часть 2	74
Поезд “МОСКВА – ИРКУТСК”, “Байкал”	74
Майск	76
25	76
26	79
27	81
28	84
29	86
30	87
31	91
32	93
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Ультрафен. Полная версия

Введение

Эта история произошла давно, хотя услышал я о ней несколько лет спустя после её свершения. И, быть может, она меня не заинтересовала бы, прошла бы мимо моего внимания, как очередной забавный случай, сочиненный людской фантазией. Наверное, всё так бы и произошло. Но, в этой истории я услышал нечто интересное, выходящее из ряда проходных вещей, что осело в моём сознании и моей памяти. И чем дальше уходило время от этих событий, тем всё чётче прорисовывался сюжет повести, которую впоследствии, из-за многоплановости и сложных сюжетных линий, плавно перетёк в роман.

В нём меня подкупили три вещи.

Первая. Наличие некоего уникального прибора. Некоторые, очень малый круг посвященных, утверждают, что он был, и что это не фантастическая выдумка, а плод рук человека и его ума, который помогал следователю в раскрытии тяжких преступлений, убийств.

Вторая. Это персонажи, прототипы которых я когда-то знал. С некоторыми из них я был знаком близко, и не очень. Иных просто раз-другой видел. Некоторых любил, и уважаю до сих пор. Ради них я и взялся за перо, ибо нет другого мотива у писателя, как поведать о хороших людях, которых окружают, к сожалению, немало плохих, и с которыми в силу служебного долга, товарищеского долга, или просто по человеческой сути своей приходится бороться. Порой даже в меньшинстве, не в выгодных для них условиях. Порой заведомо обрекая себя на проигрыш, фиаско, ибо не во всякой общественно-политической обстановке в обществе и в стране им можно существовать. Тут грустное и прекрасное в человеческой судьбе переплетаются, если смотреть со стороны равнодушным наблюдателем. А каково ему самому в жизни на самом деле? И что им руководит, что его направляет? Этого не всегда удается понять, раскрыть. В жизни они редко становятся героями. В жизни они в большинстве своем изгои, неудачники. Правда и честность – это ведь такие понятия, которые в отдельных сообществах воспринимаются как нечто презренное, нарицательное. Это только в сказках русские простофили в конце своего пути достигают счастливого конца, каких-то благ, каких-то почестей. В жизни же гораздо сложнее.

Третья. Естественно, любовная составляющая, как это и должно быть во всех романах, ибо без этого они просто были бы скучны и неинтересны, безвкусны. Но в данном случае, любовь немного не обычная между главным героем и его визави – пылкая, юношеская, безотчётная. И рядом – осторожная, мучительная, грустная, поскольку безответная. И тут же – неожиданная, случайная. Словом – сколько людей, столько и любовных вариантов. Но в романе речь пойдёт о не придуманных историях. Однако, имена героев повествования с именами и фамилиями здравствующих людей, прошу не отождествлять – это чистое совпадение.

Но, пора и к делу. И так...

Часть 1

Май. 1977 год Москва. Ярославский вокзал

Ночь. Слышны редкие объявления о прибытии и убытии поездов. Вызовы служащих вокзала... Одни пассажиры прибывают, другие уходят. Неспешная ночная суতোлка. Люди спят: кто на сиденьях, кто на вещах возле стен и окон, кто на полу, подстелив под бока газеты. Поезда, по не понятным для пассажиров причинам, задерживаются от часа до суток, и более.

Один из пассажиров, лет сорока, тёмно-русый, с лёгкой проседью, с приятными чертами лица волевого и сильного человека, спит в кресле, немного скатившись с сиденья, голова запрокинута на спинку, ноги вытянуты. Под рукой желтый полупустой портфель, на который он навалился боком и смял.

Сон у пассажира тяжёлый, и в зависимости от сновидений, лицо его меняется от переживаний.

Ему снится помещение старого дома, похожее больше на барак. В продолговатой комнате на столе стоит гроб. В гробу покойник в офицерском френче без погон. На груди наградные планки и нашивки за ранения. В комнате пусто и голо.

У стола возится мальчик. Ему четыре года. Он пытается дотянуться и посмотреть на того, кто лежит в гробу, он хочет увидеть его лицо. Ребёнок тянется из последних сил, и ему удаётся увидеть лишь половину лица: заострившийся нос, восковой лоб, сжатые губы, раздвоенный с ямочкой подбородок.

Он понимает, что это его отец. В его глазах недоумение и слезы, но мальчик не плачет. Он весь сосредоточен на своих усилиях. Ему очень хочется увидеть отца...

По залам ожидания по рядам пассажирских сидений проходит милицкий наряд, двое. Останавливаются. Их взгляды пробегают по спящим и бодрствующим пассажирам.

– Слушай, – говорит один другому, – этот мужик, который день здесь ошивается.

Второй милиционер кивает и, подойдя к спящему, пинает ему в подошву ботинка.

– Эй, дядя, хватит спать. Приехали.

Пассажир вскидывается и на доли секунды растерянно смотрит на стоящих перед ним милиционеров. Глаза его широко открыты и в них нардели слёзы.

– Ваши документы?

Спавший встряхнул головой, прогоняя остатки сна, провёл рукой по лицу и тяжело вздохнул. Достал из кармана костюма паспорт и подал.

Милиционер, просматривая документ, спросил:

– Проездом?

– Да, ненадолго... Дня через три обратно.

– А что же на вокзале?

– В гостинице мест нет.

Милиционер, как бы соглашаясь, кивнул и в то же время строго сказал:

– Но и на вокзале спать не положено.

– Я понимаю... Но ситуация такая. И остановиться негде.

– А вы что здесь, по делу?

– Да.

– И какому же? – спросил милиционер, постукивая паспортом по ногтю пальца.

– Да как вам сказать... На прием я... В ЦК партии.

– Фьють!..

– Вызывали или сам?

– Сам.

– Значит, жаловаться.

Мужчина пожал плечами.

– Понятно, – по лицу блюстителя порядка пробегает ирония.

– Ну, так вот, гражданин, – сказал второй милиционер, – освободите вокзал. Здесь вам не ночлежка.

– Да-да, я понимаю... Сейчас, – заторопился гражданин, ещё раз стирая с лица сонливость, тревогу от сна и от неожиданной встречи с блюстителями порядка.

Мужчина поднялся, принял поданный паспорт и направился к выходу из вокзала, обходя спящих пассажиров. Сотрудники некоторое время смотрят ему вслед, потом тот, что проверял документы, сказал:

– Очередной жалобщик, склочник.

– Поразвелось их. Откуда?

– Из Сибири, из Майска.

– Сами не живут спокойно и другим не дают.

Милиционеры направляются дальше по залу, кое-где переступая через ноги спящих пассажиров. Некоторые из них бродячего вида. Но этот контингент, населяющий вокзал, привычный, мало интересуется их, и потому могут спать спокойно.

Ночь прохладная. Город в огнях. Но на душе человека, вышедшего на улицу, одиноко и тоскливо. Мужчина поёживается, осматривается и медленно направляется к Ленинградскому вокзалу.

Прежде чем войти в вокзал, он внимательно посмотрел сквозь стеклянные двери – нет ли милиционеров? Вошел. Какое-то время походил по залам, затем, найдя уединенное свободное место, сел на сидение, достал из портфеля старую газету, стал просматривать её, – в который раз. Вскоре, незаметно для себя, уснул, навалившись на сумку боком.

Майск

1

В сквере “Пионеров”, что раскинут за кинотеатром “Победа”, на скамейке лежит человек. Одет он просто, едва ли не по-домашнему: клетчатая рубашка, тёмно-зелёные с лавсановой нитью штаны, у него на ногах домашние тапочки. Можно предположить, что человек прилёг отдохнуть на свежем воздухе, пригретый солнышком, под птичий гомон и шелест листвы. От сладкого сна, в уголке рта нардепа слюнка...

Идиллия не заслуживала бы особого внимания, если бы непорожняя бутылка “солнцедара”, тоже отдыхающая в тенёчке под скамейкой на зелёной травке. Столь милое соседство, разумеется, не осталось без такового.

По аллее, патрулируя, прогуливались два милиционера. У них тоже было лирическое настроение, и потому один из них сказал, проходя скамейку:

– Пусть спит.

Но у второго служебный долг преобладал над сантиментами, и он выразил несогласие.

– В вытрезвитель надо. Нечего засорять город. Читал постановление горсовета и приказ по отделению: всех пьяных отправлять в медвытрезвитель.

– Читал, – со вздохом ответил его товарищ, пытаясь, видимо, этим выразить своё либеральное отношение к тем пьяницам, что умеют наслаждаться природой, не нарушая её прелести и общественного покоя. Но он был в подчиненных.

– Дуй в “Победу”! Звони, пусть приезжают, – приказал старший сержант, что младшему пришлось выполнить, подчиняясь не только приказу, но и вместе с ним всем важным инструктивным предписаниям.

Вскоре у воротца сквера, со стороны улицы Олега Кошевого, остановился медвытрезвительский воронок. Два сержанта, прагматик и либерал, объединенные общей задачей и долгом, подхватили спящего на лавке человека под руки и поволокли к машине.

Мужчина, проснувшись, запротестовал, от испуга, видимо, заикаясь.

– Ребята!.. С-сынки!.. З-зачем? Я рядом живу. Я, я сам у-уйду. Я только подышать вышел.

– Идём, идём, там подышишь.

– С-сынки, да вот мои окна. В-вон, поди, моя бабка смотрит...

– И любитесь, как её муженька под белы ручки волокут.

– Да я ж н-не пьяный!

– Ага бутылку “солнцедара” залудил и трезвёхонький. Ха!

У машины их встретил старший сержант, водитель “воронка”. Чернявый, с татарской наследственностью на лице, резким взглядом в слегка раскосых глазах.

Старший сержант, встречая клиента, заговорил с ласковой грубоватостью:

– Ах ты мой трезвенник остекленевший. – Подхватил мужчину, помогая коллегам, и вместе они стали заталкивать его по ступенькам в будку. – Лезь, лезь, скатина! Поерепенсья тут, не то, как дам по кумполу, в раз похмелка выскочит.

Такая остратка сержантам понравилась, и они рассмеялись.

– Да не пьян-ный я! – с плачем прокричал человек, но за ним захлопнулась дверь “воронка”.

Мужчина со слезами на глазах прошёл ближе к решетке, к кабине водителя. Правую руку завел под рубашку и держал её на груди, морщась от неприятного в ней покалывания, жжения в области сердца.

Скрипнул запор. За будкой слышались шутки милиционеров.

– Трезвенник, в душу мать! Ха-ха! – смеялись они, удовлетворённые своей работой. – Ну, ладно, пока. Если что, звоните, прискочим. У нас сейчас пусто, всех принимаем.

– Годится, Саша, позвоним.

Машина тронулась. Водитель ехал, ничуть не беспокоясь о пассажире, на ухабах и неровностях на дороге скорость не снижал и тормозил так, как если бы в кузове вёз дрова. А от такой болтанки в будке, человек из последних сил держался за прутья в окошечке, чтобы не дать разрастись огню в груди, всё более усиливающимся.

“Воронок” остановился в ограде медвытрезвителя. Старший сержант, выскочив из машины, открыл дверь кузова и спросил:

– Ну чё, мужик, сам выйдешь или мне за тобой лести?

– Выйду, выйду...

Задержанный, пошатываясь, после пережитой тряски, подошёл к выходу. Подслеповато щурясь от яркого света дня, осторожно стал спускаться по ступенькам машины. На ступеньке с ноги свалился тапчек, но он не успел подцепить его на ногу, поскольку милиционер, схватив за руку, поволок мужчину к белому одноэтажному зданию.

– погоди! погоди, молодой человек, тапчек... Тапчек дай надеть!

– А, ёх калагай! Ну!..

Вернулись. Задержанный едва надёрнул тапчек на ногу, и его тут же поволокли к зданию.

В дежурной комнате медвытрезвителя продолжали бушевать страсти. Они начались ещё при Саше, не затихали и в его отсутствие. За столом сидели трое: начальник «богоугодного» заведения, старший лейтенант Бахашкин Борис Николаевич, или Шалыч; круглолицый, с искривленным на переносице носом, с узкими глазками, на вид добродушный, но, однако, капризный бурят. Старший лейтенант грузноват, налитой плотью и кровью, взгляд безразличный, пренебрежительный.

Медбрат, Андрей Глотко, среднего возраста белёсый украинец, он в белом халате, с закатанными до локтей рукавами. Младший сержант Вася Мизинцев, молодой, улыбающийся всему и всегда, услужливый мальчик, в медвытрезвителе новый человек, поэтому больше на подхвате, на исполнительстве. Все трое к поступившему пациенту не проявили интереса. Продолжали игру в карты.

– Куды его, Шалыч? – спросил Саша, подведя посетителя к стойке.

– Ошманай, да в третью сунь. Пуцай поохладица, – ответил старший лейтенант. – Храплю!

– Я пас, – младший сержант сбросил карты.

Старший сержант бесцеремонно, заученными движениями, вывернул карманы посетителя и обескуражено проговорил:

– Каво они нам подсунули?.. Ну и клиент пошёл, – и прикрикнул: – А ну, скатина, раздевайся!

Мужчина взмолился, на его вспотевшем рыхловатом лице, проступила бледность.

– Товарищи! Сынки! Да не пьяный я! Ей-богу, не пьяный. Это недоразумение.

– Все вы не пьяныя, – лениво проговорил Бахашкин. – Все трезвыя, как стеклышка...

– Да нет же!.. Доктор, голубчик, дай трубку, дыхну. У меня сердце больное, мне вообще пить нельзя. Мне худо было, вот я и прилёг на скамеечке, уснул.

Медбрат посмотрел оценивающе на одутловатое, отмеченное печатью недуга лицо пациента, в его глазах промелькнуло намерение проверить посетителя, он даже отложил карты, но начальник медвытрезвителя имел свой внутренний прибор, который ставил диагноз безоши-

бочно, натренированный за долгие годы службы на вверенном ему объекте. Диагноз он ставил точный и окончательный.

– Са вчерашнева ешо не одыбал. Не отвлекайса, Глот, ходи!

И медбрат осел.

– Да товарищ старший лейтенант! Да посмотрите вы! Да не пьян я! Не пьяный!..

– Заткнись!

Мизинцев услужливо спросил:

– Может записать в журнал?

– Потом запишу. У меня очко! У тя сколь?

– Семнадцать, – ответил Глотко.

Бахашкин, самодовольный, с ленивой ухмылкой стал собирать выигранные деньги.

Саша заученными движениями рук ловко расстегнул и выдернул из брюк посетителя ремень и бросил его на стойку перегородки.

– Скидай штаны! Рубаху! Ну!

– Нет, да вы что здесь?.. Совсем оскотинились? Человеческого языка не понимаете? Да я...

– Сашька, да успокой ты ево! – недовольно проговорил Шалыч.

Посетитель ойкнул и задохнулся от сильного удара по боку. Он согнулся и, чтобы не упасть, одной рукой ухватился за перегородку, другой за грудь, медленно опуская её на бок на ушибленное место. Он выдал стонущие звуки, которые Шалыч понял по-своему.

– Он, однаха, нарыгат здесь. Давай, помоги Сашьке, – толкнул он Мизинцева.

Младший сержант проворно выскочил из-за перегородки. Они вдвоём стащили с обмякшего посетителя одежду и в одних трусах поволокли в душевую кабинку. У двери мужчина, ещё пытаясь сопротивляться, упёрся рукой в косяк, но новый удар по боку, ослабил его усилия. Он стал оседать на пороге.

Два молодца подхватили обессиленное тело и затащили в кабинку. Без особых церемоний опустили на решётку на полу и для убедительности, чтобы не представлял всяк сюда вошедший, медвытрезвитель раем, Саша отвесил посетителю под зад приварок от сапога сорок третьего размера. Глаза Саши были злыми, лицо выражало крайнюю степень недовольства – бедных посетителей он не любил.

Саша последним вышел из кабинки, закрыл на задвижку дверь и, не глядя на сборку смесителя воды, находящуюся в промежутке между дверями кабинок, открыл воду, быстро вращая штурвальчик вентиля. В кабинке зашумела вода из рассеивателя.

Сержанты вернулись в дежурку, и игра продолжилась вчетвером.

Какое-то время из душевой доносились возгласы, зов о помощи, стоны. На что Шалыч заметил:

– Ишь как забрало, однахо!

Потом все стихло.

Сотрудники увлечённо играли, вскрикивали, матерились. И чаще всего слышался взрывной голос Саши. Ему фартило. Служба шла, денежки капали.

А тем временем по помещению расплзался туман. Он был насыщен влагой, прилипал к стенам, к окнам, к потолку, конденсировался и выходил в открытую дверь на улицу. Окно в дежурке постепенно помутнело, чего не сразу смогли заметить игроки, ибо азарт хоть и широко раскрывает глаза, но в них свой алчный свет.

Первым внимание обратил на капли, упавшие с потолка на пол, Вася. И воскликнул по-детски искренне и удивленно:

– Ой! Капает... Кажется, дождь начинается!

– Из-под носа у тя капит, – усмехнулся меланхолично Бахашкин и поднял глаза от стола. – Ох, ты ё..!

Какое-то время всех сковала общая неподвижность, непонимание сути происходящего. Но первым в движение пришёл Саша. Он сорвался с места и, изрыгая ругательства на русском и татарском языках, скрылся в пару, в глубине помещения.

Душ стих. И оттуда, из душевой, послышались ещё более громкие вопли, Сашина матерщина.

– Суки-и!.. Чё мы на-де-ла-ли!.. – это был рёв отчаянной души.

Крик привёл в движение игроков. И все бросились к источнику его извержения.

Первым в кабинку вбежал Бахашкин. Переломившись пополам, приседая под паром, стал разглядывать то, что могло так не то напугать, не то удивить Сашу, – а он парень на редкость толстокожий. Наша школа. И то, что увидел Шалыч, его заставило потерять самообладание.

– Однаха, бляха, он скипел! Ай-яй, сварился, бляха! – Шалыч хотел было встать на четвереньки, чтобы получше разглядеть лежащего на решетке человека, но обжег руки и колени о кафель пола. – Ай-ой! Однаха, горячо!

– Ага, – поддакнул Мизинцев, вбежавший следом и стирая с лица пот или влагу от пара.

Пар от кафеля курился, но видно было, что человек, лежащий на нём, был мёртв. Кожа на его ногах полопалась, и белело сваренные ткани.

– Скипел!.. Савсем сварился!.. – стонал Бахашкин.

И Вася участливо поддакивал ему в тон, присев на корточки. Чувствуя, как самого принимает жуть и подпирает тошнота.

Бахашкин в недоумении обернулся на товарища, поморгал глазками, смаргивая с них не то пар, не то слезы, и вдруг ударил кулаком по участливой физиономии. Из кабинки раздался крик, возня и ругань Шалыча.

– Ты включил горячий кран, да?! Ты, ублюдка русская!.. Убью, однаха!

Медбрат, выскочивший из дежурки последним, тут же потерял из вида своих товарищей. В это же время, к выходной двери на улицу, от кабинки метнулся Саша. Он хотел было перепрыгнуть кушетку, типа скамейки, стоявшую посередине зала, на которой обслуживались клиенты совершенно не дееспособные, ломающиеся на десятки составных частей, но, зацепив за край, опрокинул её, едва сам не упал и не зашибся о кирпичный угол дверного косяка.

В этот момент на пути падения кушетки и возник Глотко. Напуганный трагическим предчувствием и промелькнувшей в пару тенью Саши, он не распознал движения скамьи, и та, как гильотина, опустился на ноги медбрата. Это вызвало ещё больший рёв в гулком помещении медвытрезвителя.

– О, шоб ты обдриставси! О, шоб тоби очи повылазылы! Ты ж мени усе ноги переполомав...

Но Саша его проклятия не слышал, да и было ему не до них. Он метался по двору медвытрезвителя и там клял себя.

– Как?! Как я мог ошибиться? Как я мог включить горячую воду? Ну, м.....к, анан сагаям! Сварил мужика! Что будет?!.

2

По Ленинградскому проспекту, в квартал “А”, следуют две легковые автомашины. Первым идет “москвич-412” – на капоте – ГАИ. Вторая – белая “Волга”, ГАЗ-24. Её ведёт сам начальник ГАИ города, Заичкин Владимир Васильевич. Это его личная машина, новая приобретённая неделю назад.

В “Волге”, кроме хозяина, четверо. Трое, друзья Владимира Васильевича, ведут трёп и как всегда – о женщинах. Шёл разбор полётов на пикнике по случаю обмывания колёс, которые сейчас весело шурша по асфальту, передвигали пассажиров в заданном направлении.

Пятый, сидящий с боку на заднем сидении, смотрит в раскрытое окно, подставив встречному ветру лицо. Он молод, двадцати семи лет, русоволос, лицо слегка удлиненное, лоб широк, нос прямой. Глаза голубые, веки и брови белесые, выгоревшие на солнце. По-мужски он красив. На нём белая рубашка, рукава закатаны, ворот расстегнут, за отворотом видна полосатая маечка-тельник.

Капитан Феоктистов возвращался к себе в отдел. Возвращался из поселка Звереве, где принимал участие в осмотре выловленного из Ангары трупа. Туда и обратно на рейсовом автобусе и уже от второго отделения милиции, что у кинотеатра “Победа”, повезло, с комфортом и в компании начальника ГАИ города.

Феоктистов не принимал участие в разговоре, ему не столь интересном, раздумывал о делах своего отдела. В принципе работа шла нельзя сказать что плохо, но кое-какие проволочки мешали её проведению.

Да вот хотя бы их новый начальник отдела – майор Прокудин. Нет, от него явного вреда нет, но и пользы пока не заметно. Человек новый, несколько странноватый, не до конца ещё им (Феоктистовым) понятый, а потому – настораживающий. И дела, в которых начали проявляться некоторые лица, в городе не последние, приходится до поры до времени придерживать, вести скрытно. Какая-то поверхностность в деятельности майора наблюдается, формалистика, показушка. Много обещает товарищ, а на практике – все его слова никоем образом положительно не сказываются на отделе.

Вот взять хотя бы отсутствия транспорта, легковой машины. Ну, хоть какой-нибудь задрипанный “москвичонок” был. Или, как этот аппарат называет Миша Михалёв, – “москвач”. Никакой оперативности. На срочные вызовы или задания – на перекладных или побирайся, клянчи всякий раз тот же ПМГ в дежурном отделении. Да и так, похоже, ни рыба ни мясо...

Параллельно шоссе, с правой стороны, тянется трамвайная линия, по которой бегут трамваи. Встречаясь, они перезваниваются.

Проехав 11, 12 и 13 микрорайоны, машины ГАИ повернули направо, на перекрестке простучав колесами по трамвайным путям, и направились в квартал “А”.

Микрорайон квартал “А” утопал в зелени. По сути – это целый комплекс, состоящий из нескольких кварталов. Наряду с кварталом “А”, здесь есть кварталы “Б” и “В” и “Г”... Но с того момента, как был заложен этот городок, и так необычно, на некотором расстоянии от основного города, за лесами, за полями, и строительство его вело загадочное предприятие под военным литером, что в народе именуется “ящиком”, то есть Средмаш, – то и до сего дня его, этот жилой массив, прозывают по первому построенному микрорайону – кварталом “А”.

В отличие от городских, где нумерация ведётся числами, тут – в алфавитном порядке. Первые годы квартал “А” и город соединяла дорога, отсыпанная гравием. Затем её заасфальтировали, расширили, и по сибирским масштабам – значительно, эта дорога стала автострадой и прямой, как стрела. Наверное, поэтому ее назвали Ленинградским проспектом, подразумевая, видимо, ту, что соединила когда-то Санкт-Петербург и Москву. И эта аналогия стала ещё более существенна, когда с боку проспекта пролегли рельсы, и застучали трамвайные колеса.

Машина миновала ателье мод, магазин “Одежда”, ресторан “Баргузин”. С левой стороны обогнули стадион “Ермак”, выехали на улицу “Красная” и там остановились у белого кирпичного трёхэтажного здания – Управление Внутренних дел города, о чём свидетельствует бордовая доска под стеклом у входа.

Из “Волги” вышел один Феоктистов. Он поблагодарил Владимира Васильевича за предоставленную услугу, за оказанное внимание.

– Будьте здоровы, ваше сиятельство, – сказал в ответ Заичкин, усмехнувшись иронично. И эскорт начальника ГАИ, развернувшись, последовал дальше, в “четвёртый поселок”, где находится отделение ГАИ. “Контора” – как называет свой отдел сам майор Заичкин.

Со второго этажа здания за машинами наблюдал молодой человек. Он улыбался, и что-то говорил, оборачиваясь к кому-то, кто находился внутри кабинета. Феоктистов заметил его, усмехнулся и быстрым шагом взошёл по ступенькам невысокого крыльца в здание.

Прошёл фойе дежурной части, приветливо кивнув дежурному, сидевшему за стеклянной перегородкой, и нескольким милиционерам, находящимся там же. Тем же торопливым шагом поднялся на второй этаж, пошёл по коридору, в котором стояли и сидели на подоконниках посетители, вызванные по повесткам в разные отделы.

В кабинете Феоктистов застал всех троих.

– Привет, парни!

– О! Граф Феокт! Здравия желаем! – ответил за всех Михалёв, следивший из окна за его приездом. – Такой эскорт, такое сопровождение! Сам начальник ГАИ города почтил вас своим вниманием. Он у вас, ваша светлость, не за личного ли шофера изволит служить?

– За личного, сударь, за личного, – поддерживая тон, ответил Феоктистов.

– О, ну тогда мы просто снимаем шляпы. Дослужились. Спасибо нашему начальнику, добился-таки нам транспорт, и какой! Теперь ни один бандит или вор от нас не уйдёт. Во время вязать будим.

– Так, сударь, и продолжайте.

– Слушаемси, граф...

За их дурашливостью наблюдали Юрочкин и Анонычев, молодые сотрудники, и посмеивались.

Кабинет следователей представлял собой продолговатое помещение в одно окно, в котором вдоль стен, по два у каждой, стояли столы, при которых четыре небольших сейфа – наличность каждого следователя. Феоктистов шёл к своему столу, стоявшему справа у окна.

– Кстати, граф, – остановил его Михалёв, – вас хочет видеть, по каким-то нам неведомым делам, наш шеф. Пред его величием ваше сиятельство, как нам кажется, несколько слиняет. Больно вид у них сегодня мало приятельский, – почмокал уголком губ, подражая начальнику.

Феоктистов, доставший ключи от сейфа, бросил их обратно в карман брюк. Остановился. Посмотрел на улыбающиеся лица коллег и, повернувшись вновь к двери, спросил:

– Мне кто-нибудь звонил?

– Я там, у тебя на столе, записал, – ответил сударь. – Два телефончика. И оба от женщин, – подмигнул. – Везунчик вы, граф Феокт.

– Да и какой-то мужик звонил, – сказал молодой следователь из аборигенов Эхирит-Булагатского района, Анонычев Андрей, бурят.

– Телефон оставил?

– Нет, сказал, позже перезвонит.

Феоктистов согласно кивнул и вышел из кабинета.

При его появлении в коридоре двое парней, вызванных по повесткам, привстали с подоконника. Феоктистов, не обращая на них внимания, вошёл в следующую дверь, такую же, как и все на втором этаже, обитую чёрным дерматином.

Кабинет начальника отдела уголовного розыска города такой же по форме и размерам, как и у его подчиненных. Но внутреннее расположение мебели в нём несколько отличалось: два стола стояли посередине, приставленные Т-образно один к другому, шкаф у входа под одежду и второй, напротив него, со стеклянными дверцами, с книгами и брошюрами внутри. У окна, где сидел хозяин кабинета, два сейфа, поставленные один на другой, и на столе три телефона: белый, красный, черный – последний без диска, прямая связь с начальником горотдела.

– Здравия желаю, товарищ майор. Разрешите?

– Привет, Толя, входи, садись, – показал майор на стулья, стоявшие по обе стороны приставного стола.

Феоктистов прошёл, выдвинул стул из-под стола и сел.

Майор был в милицейской форме, но без кителя. Тот висел сзади него на спинке мягкого стула.

– Я вот чего хотел тебя видеть, Толя... Нет, сначала доложи, что там у тебя с угонщиками?

– Они не угонщики, Евгений Моисеевич.

– Вот как? Ты уже установил?

Феоктистов помедлил. Ответил:

– По крайней мере, нет прямых улик по вскрытию ими гаражей.

– А газовые баллоны, резак в “Жигулях”. Это что, не улики? Не доказательства?

– И баллоны, и резак – это их имущество. Они перевозили их из одного гаража в другой.

Из гаража Бахаревского в гараж Смирнова. Поскольку Бахаревский уезжает жить в Иркутск, и это установлено, он передал свой аппарат Смирнову. А какой автолюбитель откажется иметь у себя газосварку?

– Которую им понадобилось перевести ночью?

– Ну, это была не ночь, вечер.

– Ты их выпустил?

– Да. Прошло трое суток. Нельзя их более держать.

Майор Прокудин, продолжительно глядя на подчиненного, но не в глаза, а куда-то в переносицу, отчего взгляд кажется тяжёлым, пронизывающим, сказал:

– Да, Анатолий, да. У нас сколько, шесть вскрытых гаражей, три угнанных машины, так? В руках были два потенциальных взломщика, возможно, и угонщика, а что мы имеем? Мы что тут вообще делаем?

“Кое-кого вычисляем и вот-вот возьмём за жабры”, – пронеслось в голове у Феоктистова, но вслух сказал:

– Михалев работает и близок к раскрытию.

– А взломщиков-угонщиков?.. – перебил Прокудин. – Вот то-то.

– Время нужно.

– Кто нам его даст больше, чем мы сами себе установили в обязательствах. Мы обязались каждый квартал иметь два-три раскрытых преступления? Обязались. Июнь на носу, а у нас ничего.

Феоктистов едва заметно усмехнулся.

– Ты извини, Женя, но у нас тут не производственные мощности по выпуску готовых болванок. У нас живой человек и использовать его в качестве исходного материала, штук, процентов как-то даже не этично.

– Ты что же полагаешь, что наш отдел и отдел ОБХСС, с которым мы соревнуемся, в своей работе проявляют бестактность, беззаконие?

– Но и навязывать какую-то арифметику неуместно и смешно.

Прокудин не согласно покачал головой, недовольно причмокивая уголком припухлых губ.

– Оно так. Но не нами это заведено. И, хотим мы того или нет, это нас подстегивает и дисциплинирует. Как по пословице: давши слово – крепись... И надо сказать, что отдел до сегодняшнего дня неплохо выглядел. Если мы постараемся, то в конце квартала нас вновь ожидает премия. Что тебе, плохо что ли иметь в кармане дополнительно тридцать-пятьдесят рубликов?

Феоктистов вновь иронично усмехнулся.

– Мы с тобой, как прорабы на стройке.

Прокудин зачмокал уголком губ.

– Что-то у нас не получается сегодня разговора. Ну ладно. Что там за утопленника прибило к нашему берегу?

– Зверевский участковый сообщил, что документов при нём не было. При осмотре, врач телесных повреждений не обнаружил. Похоже, утонул по собственному желанию.

– Где сейчас труп?

– В сангородке, в морге.

– А что не в городском морге?

– У них что-то с оборудованием не в порядке, закрыт.

– Когда наступила смерть?

– Предположительно, двое суток назад.

Прокудин достал из папки, лежащей на столе, листок и протянул Феоктистову.

– Вот заявление. От некой гражданки Шпарёвой. Мужик у неё пропал. Две или три недели назад. Не он ли ходил рыб кормить? Поработай. Возьми у неё фото муженька, сличи. А нет, так тащи её в морг на опознание.

Феоктистов принял заявление и поднялся.

– Хорошо, Евгений Моисеевич.

Задвинув стул на место, направился к двери.

– Относительно тех двух друзей, – догнал его голос майора, – не выпускай их из виду. Раскручивай, не рассусоливай.

Феоктистов выслушал, спросил:

– Можно идти, товарищ майор?

Майор махнул рукой: иди... Он был несколько обескуражен действиями своего заместителя, хотя особых претензий к нему и к сотрудникам отдела нет: работает неплохо, несмотря на молодость.

– А, сиятельство! Посмотрите-ка, всего лишь слегка порозовел, – встретил Феоктистова сударь, не поднимаясь из-за своего стола, также стоящего у окна напротив стола Анатолия.

– Сейчас и вы, господин Михалёв, у меня покраснеете. Что там у тебя по гаражам?

Феоктистов прошёл за свой стол.

– Ах, во-от оно что. С вас за нас стружку снимали... – наигранно почмокивая уголком губ. – Ну что ж, докладáю. Мы на верном пути, товарищ замнач отдела уголовного розыска. Сегодня организуем ещё одну засаду. Есть все данные, что этой ночью в Байкальском кооперативе будет угон. Жду звонка от своего агента. Кстати, я уже докладывал, кто именно занимается этим промыслом, но хочу взять с поличным. Конечно, пока не его самого, но его подельников.

Феоктистов утвердительно кивнул, но заметил:

– Смотрите, не пролетите мимо, как стая рашпилей.

– Постараемся, – Михалев чудачил. Это была обычная манера его поведения.

Сергей Юрочкин собирался уходить. У двери остановился.

– Ну, я пошёл. Кого больше не увижу – пока! – попрощался он.

– Серёжа, – обратился к нему Михалёв, – ну ты подъедешь на облаву?

– Постараюсь.

– Сбор в двадцать два, в Байкальске. В пункте ДНД.

– Понял. Пока! – Сергей плечом толкнул дверь и вышел.

Феоктистов, молча, читал переданное начальником заявление, медленно доставая из кармана ключи от сейфа.

“Начальнику городского отдела милиции города Майск тов. Сапожникову В.М. от Шпарёвой Юлии Петровны, проживающей в квартале... дом 13, квартира 13, – (“симпатичное сочетание”, – мелькнуло в голове.) – работающей в п/о “Майскнефтеоргсинтез”, ЛОУТ – инженер-программист. Телефон рабочий... Телефон домашний... Заявление. Прошу Вас помочь мне найти моего мужа, Шпарёва Юрия Максимовича, 1944 года рождения, который ушел из дома 25 мая. 1977 г. и до сегодняшнего дня не вернулся. У родственников, к которым я обращалась, его нет, и не было. У друзей и знакомых его тоже нет. Прошу помочь мне в его поисках.

Дата: 07.06.77 г. Подпись”.

– Похоже, шеф чем-то озадачил? – спросил Михалев.

– Да, Миша, у женщины пропал предмет. Просит организовать поиски.

– Предмет-то хоть стоящий?

– Наверно, коли так волнуется.

– И что же?

– Ни что, а кто: муж.

– Ха! Так делай правильно ударение.

Следователи рассмеялись.

– Раз так, то где-нибудь бульдулит, – сказал Андрей Анонычев, молчавший до этого.

– Третью неделю догуливает.

– Ну-у, это только чуть больше полмесяца, – констатировал Михалев.

– У меня в Усолье такой случай был. Я там практику преддипломную проходил, – продолжал Андрей. – Потерялся мужик. Жена туда-сюда, всех на ноги подняла. Как же, тоже муженька где-то недели две нет, пропал. То ли в лесу заблудился, поскольку ягодный и грибной сезон был; то ли в Ангаре утонул, поскольку рыбак заядлый. А может, кто пришил и концы в воду. Словом, по всем направлениям крутим дело, каблуки до пят сбили. А он, хм, в конце месяца сам объявился. В Тулуна на чужом огороде пасся у какой-то матери одноночки, клубничку собирал. Чем-то не угодил – выперла... Так и этот. На чужой, поди, клумбе засиделся. Пресытится, объявится.

– Всё может быть, Андрюша, – согласился Анатолий. – Но заявление есть, завизировано, надо работать. Кстати, труп утопленника опознать надо. Может он... Андрюша, ты сегодня тоже подключайся к Мише.

– Да мы уже договорились. Я тут по квартирной краже в шестом микрорайоне пробежусь и подъеду.

– Миша, дружинников подключи. Только цель вашего вояжа обозначь в последний момент.

– Бу сделано, ваша светлость... – Михаил хотел ещё что-то сказать, но зазвонил телефон.

Феоктистов поднял трубку. Не успел ответить, как услышал голос Прокудина.

– Анатолий, немедленно поезжай в медвытрезвитель! Там чепе.

– Что случилось?

– Там эти м...ки мужика сварили в кипятке.

– Как?!

– “Как” – узнаешь на месте. Езжай. Кто-то из прокуратуры туда выехал тоже.

– Есть!

Феоктистов бросил трубку и закрутил от удивления головой.

– Час от часу нелегче!

– Что случилось? – спросил Михалёв. – Машину Заичкина угнали?

– Ещё чуднее. – Анатолий достал записную книжку и стал переписывать в неё телефонные номера с заявления Шпаревой. – В медвытрезвителе мужика сварили.

– Ха!.. – возглас Михаила погас на полутоне. – Ну и ну...

Феоктистов открыл сейф и положил в него заявление. Поднялся.

– Толя, мне с тобой? – спросил Анонычев.

– Нет, Андрюша. Заканчивай по квартире и подключайся к Мише. Если у меня получится, то я тоже подъеду. Да, и по Заичкину пока начальнику не докладывайте. Надо самим тут разобраться. А то наделает шуму невпопад.

Феоктистов вышел из кабинета и быстрым шагом поспешил по коридору, мимо стоящих у стен и у окон людей.

“Все-таки надо настоять, чтобы выставили для посетителей стулья, или сделали лавки”, – подумал он на ходу.

Анатолий спустился на первый этаж в дежурную часть. Подошёл к бордюру, за которым сидел помощник дежурного.

– Вася, машина свободная есть? – спросил он краснощёкого сержанта.

– Нет, граф.

– В город, в город никто не едет?

– Да нет. Силантич недавно на вызов уехал. Где ты был раньше?

Феоктистов посмотрел на часы: 11.15.

– Торопишься? – участливо спросил Василий.

– Да.

– Сожалею, граф, но ничем сейчас помочь не могу – все в разъездах.

– Ну, ладно, Васек, спасибо за сочувствие. Побегу.

3

В медвытрезвителе находилась бригада “скорой помощи”: врач Полина Васильевна, медсестра Мая и молодой водитель Володя.

Володя, прохаживался по помещению, равнодушно осматривал место происшествия.

Труп был осмотрен, Бахашкин и Саша уложили его на носилки и унесли в “скорую”. На лице Шалыча уже не было прежней меланхолии, выпирающего высокомерия, оно было красным и нервным. В глазках едва скрываемый страх и недоумение. Губы тряслись, как у загнанной лошади. Он пытался закурить, но не мог достать из пачки папиросу, дрожали пальцы. Казанки на пальцах были сбиты и ранки закрашенные йодом, бордово темнели.

– Сашька, пошто так получилось? Пошто горяча вода в кране получилась, а?

Саша был спокоен. Он пережил минуты страха и упрёка, в том числе и переживаний. Ему хватило тех нескольких минут прогулки во дворе, чтобы сосредоточиться, пока Шалыч разбирался с Мизинцевым, а Глотко с кушеткой. Чтобы найти узкий коридорчик в этом безрадостном событии, по которому была бы хоть малейшая возможность выкарабкаться. И, кажется, такую трещинку нашёл. Пусть она несколько подванивает подлостью, но какие тут могут быть сантименты? Выкарабкаться надо! И потом, вспомнились кое-каких друзей, поди, не оставят в беде, отмажут...

Саша взял у начальника пачку папирос и вытряхнул из неё себе и ему по белому стволу. Пачку вернул. Достал из своего кармана спички, прикурил сам и подал огонёк Шалычу. Действия его были расчётливыми, глаза в напряжении. Он старался скрывать своё состояние, и это ему удавалось

– Сашька, кто включил горячу воду, я спрашиваю, а?

Саша пожал плечами и небрежно ответил:

– Не помню... Кажется, Васька.

– У-у, ублюдка русская! Мало я ему морду начистил. Сабака... Ох-хо-о, ох-хо-о, веть тюрьма. Тюрьма на мою голову, – закачался Шалыч из стороны в сторону, обхватив голову.

– Ты вот што, Шалыч, послушай меня, пока мы одни... Давай так договоримся. Мы холодную воду включали, понял? – назидательно стал объяснять Саша. – Холодную. Но, чтоб не простудить клиента, добавили горячей. Штоб вода была только чуть прохладной. Ну, как положено по инструкции. Понял? Штоб не простудить клиента, сечёшь?.. А в это время холодную воду отключил ЖЭК, или какой-нибудь слесарь на магистральном трубопроводе. Отключил, а нас не предупредил. Значит, кто виноват, анан сагаям?

Лицо Бахашкина начало светлеть.

– Врубайся, Шалыч, и поживей, а то, как следователи и прокуратура понаедут, некогда будет репу парить. А сейчас иди и заполни журнал доставки и приёма клиента.

– Дык, это, фамилию не знам?..

– Да и на хрен она тебе нужна? Так и запиши: фамилию не сказал. Ругался, дебоширил, страшал. Ну, словом, што, в первый раз што ли?

Бахашкин бросил недокуренную папиросу мимо урны и поспешил в здание.

Саша огляделся по сторонам и, не спеша, пошёл за ним.

На кушетке, что стала одним из препятствий во время суматохи в медвытрезвителе, врач осматривала пострадавшего Глотко. Он лежал на ней с задранными до колен брюками, и она осторожно ощупывала ему ноги, а он кривил толстые губы от боли при её прикосновениях.

– Похоже, переломов у тебя нет, но ушибы сильные... Поедешь сейчас с нами, надо рентген провести. Может, раскол ступни?..

В дежурке на скамейке сидел, привалясь к стене, младший сержант и перед ним, наклонившись, стояла медсестра Мая. Мизинцев постанывал. У него был перелом нижней челюсти, и Мая подвязывала ее, прибинтовывая бинтом к голове.

– Потерпи, сержантик, потерпи, – приговаривала она участливо. – Приедем в сангородок, легче будет.

При появлении Шалыча, Мизинцев застонал и ещё плотнее прижался к углу. На его изуродованном лице появилась маска ужаса. Мая выронила из рук бинт.

– Что с тобой, сержантик? Сиди спокойно.

Бахашкин, не обращая внимания на Василия, прошёл к столу, раскрыл журнал и стал торопливо заполнять его.

Володя иронично и брезгливо посматривал на всех участников вакханалии.

4

Фектистов вышел на крыльцо. Почесал затылок от досады.

Яркое солнце заливало весь микрорайон. Даже бетонный заплот через дорогу, окружающий стадион “Ермак”, казалось, излучал свет и слепил. Анатолий прищурился, привыкая к солнцу. Пожалел, что забыл тёмные очки. Когда рано утром уходил из дома, брезжил рассвет, а сознание ещё спало, не вспомнил об очках.

На минуту задумался, соображая, на чём ехать. Если на трамвае, то это – по кольцу, по всему городу, через все микрорайоны и кварталы... Как раз к вечеру доберёшься. На автобусе?.. Пожалуй, быстрее будет. Только идти до него далековато. А какой ещё выбор?.. Чёрт, когда машину дадут? Ведь у всех у них есть водительские права, а транспорта нет! И что думают отцы-командиры?

Спустился с крыльца и пошёл по улице “Красной” в сторону остановки “Блинная”.

В одном из дворов, который проходил Феоктистов, до него донеслись звуки музыки и знакомый хриплый голос. Он оглянулся в сторону одного из подъездов дома и увидел в кустах черемушника группу ребят: кто-то из них сидел на корточках, кто-то на ящике, а кто-то стоял, привалясь к стволам черемухи. Кое-кто из них курил. Магнитофон “Астра”, похоже, новый, стоял на асфальтовом отместке фундамента. К нему тянулись провода из раскрытого окна дома.

“Астра” крутила Высоцкого: “Тридцать три же мужика, не желают знать сынка, говорят, пусть растёт сын полка...” Анатолий усмехнулся: и тому, что пел артист, и тому, что запрещают его, правда, негласно, а он всё равно хрипит. Слушают. У него у самого есть несколько его записей, и они ему нравятся. И Анатолий сейчас с удовольствием послушал бы его вместе с пацанами, но... их бы заботы ему. Жене Прокудину Высоцкий тоже чем-то не угодил. Порицает, когда услышит песни Высоцкого у них в кабинете, губами чмокает...

Феоктистов вышел на улицу Энгельса. Широкая улица пролегла между четырехэтажными побеленными в оранжевую охру домами. На противоположной стороне находится Народный суд, в котором рассматриваются дела, касающиеся соседнего электролизного комбината, то есть закрытые, полувоенные.

Далее перекресток, за которым, в нижних этажах домов, – кофе “Блинная”, магазины. Еще дальше – библиотека. Напротив кафе и этих магазинов раскинулся соснячок, лесной массив, видимо, оставленный для очистки городского воздуха и для удовольствия отдыхающих. В нём и сейчас видны гуляющие, в основном, люди пожилого возраста с внуками и мамочки с детскими колясками. Только там и можно наслаждаться таким прекрасным днём.

Даже не верится, что в такое чудесное время могут происходить беды, несчастья, убийства, к примеру, такое, куда предстоит добираться на “перекладных”. Быть заживо сваренным! Скорее всего, по недосмотру работников медвытрезвителя, или, как его ещё прозывают остряки – “вытряхвителя”. А может, сильно пьяным был?.. Немало таких случаев, когда люди в алкогольном опьянении сжигают себя в домах, тонут в реках, разбиваются на транспортных средствах...

В ожидании автобуса Анатолий закурил и стал ходить взад-вперёд по асфальтированному тротуару. Дважды пытался голосовать частникам, но не тут-то было. Вспомнил Заичкина: не поднесёт ли его чистая или нечистая и на этот раз... Хоть бы кто-нибудь в форме появился! – легче было бы тормознуть.

Наконец из-за поворота вырулил маршрутный автобус ЛИАЗ, “Майск – 8-е Марта – Майск”. Анатолий облегчённо вздохнул.

Пассажиры выходили и заходили в передние двери. Феоктистов заскочил в задние и прошёл немного в салон. Встал на подъёме, ухватившись рукой за верхний поручень.

“Чёрт, при такой оперативности, как раз успеешь к морковкиной заговены,” – выругался он. И сравнил их, следователей УГРо, со следователями прокуратуры. Те, поди, уж вернулись из медвытряхвателя, белая кость. У них машины, и не какие-то там развалюхи – “Волги”, и притом чёрные. И притом, почти у каждого. И что за дискриминация служб? Ведь одно дело делаем...

Автобус шёл, слегка покачиваясь, посвистывая амортизаторами. Для горожанина звуки привычные, как шум и скрип леса для егеря, на что не обращаешь внимания, не отвлекаешься от главного, от мыслей, от целей, породившие их.

Однако вскоре слух Анатолия уловил нечто, что вывело его из задумчивости. Слух настрожили не то стоны, не то смех.

Анатолий обернулся. На двух последних сидениях, повернутых к задней площадке, сидели ребята-подростки. Они хихикали, перешептывались, показывая пальцами на девушку, или девочку, стоявшую у задней стенки автобуса, отвернувшуюся к окну. Он тоже глянул на девочку. Ничего смешного вроде бы не находил в ней. Стоит спиной к салону, прилипла к поручню. Что смешного?..

И всё же среди пацанов чувствовалось какое-то не совсем обычное возбуждение. И эти ехидненькие ухмылки, сюсюканье, шуточки...

Анатолий ещё раз перевёл взгляд на девочку. Она была в белой футболочке с короткими рукавами, в короткой “колокольчиком” юбочке на ляпочках. Щупленькая, угловая, плечики её подрагивали, похоже, плакала. Росточком не из карликовых, и ножки ладненькие. Стоп! – ах, вот оно что.

Из-под юбочки, по рельефным контурам ног, стекали струйки крови. Девочка стояла, скрестив ножки, видимо, стараясь такими усилиями сдержать течь. Анатолий в первую секунду тоже удивился, даже хмыкнул, но когда вновь услышал подхихикивание пацанов: “Во-во, опять потекло! Ха!..” – почувствовал неловкость. Легонько отвесив подзатыльник отпустившему шутку, прицъкнул:

– А ну, заткнитесь!

На ходу, расстегиваясь и снимая рубашку, сошёл на площадку. Сдёрнул с себя тельник и, наклонясь к девочке, сказал:

– На-ка, дорогуша, майку. Оботрись. Я тебя загорожу.

Испуганные, залитые слезами глаза смотрели на него в недоумении.

– Давай, давай. Приводи себя в порядок, – Анатолий повесил на поручень майку.

Повернувшись к салону, загородил рубахой и собой девочку.

Подростки молчали, виновато и с интересом глядя на мускулистого парня. При покачивании автобуса, на его теле играли мускулы – он старался сохранять устойчивость, равновесие. Под правой грудиной был заметен шрам, не то от ранения, не то от операции. Женщины в салоне смотрели на него с благодарностью.

Перед следующей остановкой девочка осторожно тронула его за руку. Он наклонился к ней.

– Ну как, всё?

Она смущенно кивнула и спросила, чуть ли не шепотом:

– Что теперь делать с вашей майкой?

– Спрячь в трусики. Может ещё понадобится?

Девочка обрадовано затрясла головой.

– Ага, сейчас. Прикройте...

Анатолий опять повернулся к салону.

– Вот теперь всё! – повеселевшим голосом шепнула девочка сзади.

Она стеснялась смотреть в салон автобуса, и фигура благородного незнакомца была для неё, что скала.

- Спасибо вам! – сказала она, боясь поднять на него глаза.
- Пожалуйста, если есть за что? – улыбнулся парень, повернувшись к ней.
- Ой! Что вы! Ещё как есть. Я такого натерпелась...

Он надевал рубашку, запихивая её подол в брюки.

- Как же мне передать вам майку? – прошептала она.

Анатолий усмехнулся.

– Оставь себе на память. – Застегнув на три нижних пуговички рубашку, навалился на поручень рядом с ней. – Тебя как звать?

– Аня. Аня Шпарёва. Запомните мой адрес, – и назвала ему уже знакомые координаты, те, которые он только что, минут пятнадцать назад, записывал в записную книжку. Хотел тут же задать ей несколько вопросов, но вовремя сдержался. Надо вначале поговорить с заявительницей.

Но, видимо, его выражение лица её насторожило, и вызвало у Ани свой вопрос.

- Вам что, знаком наш адрес?

Он доли секунды помедлил и ответил:

– Нет. Просто совпадение. У меня родственники живут тоже под счастливыми номерами, только квартал другой.

Аня осмелела и теперь смотрела на него с обожанием. Что его несколько смущало. Даже скорее не это, а глаза – лучистые, открытые и взгляд мягкий, тёплый.

- Одиннадцатый микрорайон. Следующий – двенадцатый, – объявил водитель автобуса.

На остановке ребята, поглядывая на интересную парочку, высыпали из автобуса и там, на площадке, похоже, продолжили обсуждение случившегося. Для них подобное явление было чем-то диковинным, вызывающие похотливые, никчемные мыслишки. Собственно, и удивляться нечему, виной всему – наша непросвещенность в умах и отсюда, вполне естественные вещи не укладываются в них и сознательности не пробуждают.

Автобус удалялся и, девочка, глядя на мальчишек, с обидой сказала:

- Дураки, – глубоко с перерывом вздохнула, успокаиваясь после пережитого.
- Да, – согласился Феоктистов, отвлекаясь от своих размышлений.

Он улыбнулся ей и почувствовал, как по сердцу прокатилась волна нежности, как бывало к младшей сестре. Захотелось сказать что-то тёплое, ласковое, успокаивающее, даже приобнять. Но спросил буднично:

- Ты откуда едешь?
- С водохранилища. Там у меня и началось... Думала, успею.
- Это у тебя впервые?
- Ага. Пришли как-то вдруг неожиданно. Хотя и ждала давно. К врачам мама водила.
- Зачем?
- Задержка большая. И низ живота сильно болел. Операцию хотели делать. Девочки моего возраста давно уже имеют... – доверительно вполголоса говорила Аня. Этот парень почему-то вызывал на откровение.

Её доверчивость трогала, от этого подмывала тёплая волна нежности.

- Сколько же тебе лет, Анечка?
- Пятнадцать... будет скоро, – ответила она и спохватилась: – Ой! Мне же сейчас выходить.

Автобус начал притормаживать.

- Двенадцатый микрорайон, – объявил водитель.
 - Тебе же до “Парка Строителей”? – сказал Анатолий.
 - Я дальше на трамвае, мне так быстрее и ближе.
- Он пожал плечами и отстранился, уступая ей дорогу.

Автобус остановился. Двери с шипением открылись, и Аня с заметной осторожностью спустилась на площадку остановки.

Автобус тронулся. Девочка стояла у обочины и махала ему рукой. Юбочка впереди слегка выпирала, видимо оттого, что Аня запихала его майку в трусики комком. Это Анатолия насмешило и ещё больше вызвало к ней нежные чувства.

5

Феоктистов, как и предполагал, опоздал. Прокуратура уже уехала. В дежурке находились четверо: старший лейтенант Бахашкин, старший сержант Саша Галимханов и двое из отделения милиции: капитан Егор Кузмин – дежурный второго отделения и сержант водитель ПМГ, что стоял во дворе. Они мирно беседовали и даже посмеивались.

– О! Кого суда занесло! Граф! – с радостью воскликнул Саша. И подался на встречу.

– Здравствуйте! – поздоровался Феоктистов, подходя к стойке. Саша перед ним растворил дверцу.

– Прошу!

Анатолий вошёл и стал со всеми здороваться за руки. Затем устало сел на лавку, спиной прижавшись к прохладной стене.

– Фу-у, пристал, пока до вас добрался.

– Вам так и не дают машину? – спросил капитан.

– А зачем? Ноги молодые, длинные, топчи да топчи их, развивай мускулатуру, – ответил Феоктистов с усмешкой.

– Не боишься истоптаться?

– Боюсь

– Так позвонил бы, приехал б, – с участием сказал Саша. – Мы друзьям всегда рады услужить, и машинку подать, и кабинет лучший предоставить.

– Да как-то не сообразил, – с действительным сожалением ответил Феоктистов.

– Для графа, подали бы кадиллак в лучшем виде.

– Хм, вам до меня ли было?

– А какие проблемы?

– Так у вас, говорят, тут кто-то не то сварился, не то изжарился?

– Сварился.

– Сильно?

– Да нет, насмерть, – пошутил Саша.

– Как сапленка, – поддакнул Бахашкин, стараясь попасть в тон начатого Сашей разговора.

– Как это произошло?

– Так ты суда за этим и припёрся? Хм, стоило. Мы уже давали показания, – Саша кивнул на капитана, – вот, при них. К Малиной, к ней теперь иди.

Феоктистов недовольно повёл плечами.

– Слушай, Галим, давай так договоримся: ты меня не учи, что мне делать и как. У следователя прокуратуры свои задачи, у нас, то есть у уголовного розыска, свои. Усёк?

Похоже, посещение прокуратуры на этих ребят не подействовало угнетающе. Ни Шалыч, ни Галим не прибывали в трауре. Но наглость Галимханова задела Анатолия. И он назидательно добавил:

– И если мне понадобится, то ты, Галим, мне будешь показания давать не раз и не два, и не там, где тебе захочется, а где я сочту нужным.

– Ну, разошелся. С ним и пошутить нельзя.

– Можно, почему нельзя? Ха-ха, – добавил Анатолий с сарказмом.

– Я и пошутил. Мы ж, граф, свои люди, – заговорил Саша уже с заметной елейностью в голосе, делая на прозвище Феоктистова смысловое ударение.

– Ну, раз признаешь меня за своего, так и рассказывай всё по порядку, и поподробнее. С примерами на месте происшествия.

Бахашкин почувствовал себя неуютно, заскрипел на стуле. Что-то у Саши диалога с графом не получается. Может, надо было как-то по-другому? Это ж не Малина. Шалыч один

сидел за столом, все остальные – на лавках. Саша стоял, навалившись задом на угол стола. Стол поскрипывал под движениями его тела.

– Ну, кто будет рассказывать? – спросил Феоктистов.

– Ну, давай я, – сказал Галимханов, бросив короткий взгляд на своего начальника. Тот одобрительно прикрыл глазки. – Значит так. Утром звонят нам Андрей с Серегой из “Победы”. Пьяного, мол, заберите в сквере “Пионеров” отдыхает. Лежит, мол, там, в обнимку с “солнцедаром”.

– Во сколько это было?

– В одиннадцатом часу.

– Какое ж это утро? А кто такие Андрей и Серега?

– Мои это, из отделения, – ответил капитан. – Патрулировали по городу, и зашли в сквер.

– Так, дальше.

– Я съездил. Он ещё в сквере начал бузить. А сам, как паралитик, на ногах не стоит. Еле зачихали в будку. Привёз, а он и здесь начал собачиться. Еле раздели и в душ сунули. Вдвоём с Васькой.

– Били?

– Хм, ну дал поджопник.

– Вот этим, сорок пятым?

– Сорок третьим. Так, слегка, лодыжкой.

– Ладно-ладно, брось из себя ангела изображать. Дальше?

– А чё дальше? Закинули в кабинку и включили душ.

– Пойдём, покажи.

Феоктистов вышел из дежурки, за ним Галимханов.

Три душевые кабинки. Все закрыты. Возле стены напротив дверей душевых стоит скамейка, обитая чёрным дерматином. Саша, показывая на неё, хохотнул.

– Под эту гильятину Глотка попал.

– Как?

– Посреди коридора стояла. Я когда выскочил из кабинки, в пару на неё наскочил. Опрокинул. А тут Глотку поднесло – ему на лапищи. Ха-ха! Визжал, как сучка под трамваем.

Галимханов открыл третью кабинку, и Феоктистов вошёл в неё. Узкое и высокое помещение, как гигантский пустотелый кирпич, перевернутый и поставленный на попу. Душевой гусак торчал из стены на высоте метров двух. С большого раструба с многочисленными отверстиями всё ещё подкапывала вода. На полу лежала узкая деревянная решетка, поверхность её была ещё бурой, щетинистой от горячей воды.

– Кто включал?

– Не помню, Толя... – замялся Саша. – Суматоха была. Кажется, Васька.

– А почему горячую?

– Да кто ж её включал? Её только чуть добавили, чтоб мужика не застудить. – (Феоктистов иронично усмехнулся: гляди-ка какая забота!) – Да видно в ЖЭКе холодную воду вырубали, вот и пошла горячая. Мы понять сначала не могли: откуда пар, почему?

– А клиент что, молчал, не кричал?

– Да какой – кричал, – отмахнулся Саша. – В стельку был. Последняя стадия опьянения.

– Мда... – с раздумчивостью протянул Анатолий, оглядывая кабинку.

Вернулся в дежурку.

– Так, братва. Ты, Шалыч, и ты, Галим, напишите мне объяснительные, – сказал Феоктистов.

– Дак, зачем? Мы ж только што писали? – спросил Бахашкин в недоумении.

– Зачем? – передразнил Феоктистов добродушно. – Ты что, впервые в органах? Или мне тебе объяснять?.. Пишите. И поподробнее. А где Васька и ваш медроботник?

– В сангородок увезла “скорая”, – сказал Саша, усмехнувшись. – Тоже пострадали.

– Что у Мизинца?

– Да тоже об кушетку челюсть сломал. Ха-ха! Всю морду о кафельный пол разбил.

Присутствующие тоже усмехнулись.

– Ладно, пишите вы. С них я потом возьму. – Бахашкин с Галимхановым переглянулись. Феоктистов достал сигареты, сказал: – Пишите, я пойду, покурю. Пойдем парни.

Капитан и водитель поднялись, и они вместе вышли на крылечко, широкое в одну ступеньку.

Медвытрезвитель вдавался внутрь микрорайона и находился на некотором расстоянии от дороги и от жилых домов. Он был слева, позади высокой железобетонной ограды, огораживающей огромную территорию магазина “Хозтовары” с его складскими помещениями, крыши которых виднелись из-за ограды и колючей проволоки.

От ворот до входа в учреждение раскатана чёрным блином асфальтированная площадка. С боку здания укатанная поверхность из щебня, на которой, уткнувшись катком в бетонную ограду, как бык лбом, стоял асфальтовый каток, рядом с ним припаркован “воронок” ГАЗ-56. С их металлических поверхностей курилась прозрачная дымка. Было душно от жары и чада, исходящего от свежего асфальта.

Из-за асфальтного чада курить расхотелось. Помяв сигаретку в пальцах, Анатолий сунул её обратно в пачку. Стоял и слушал своих собеседников. Собственно, разговор был не о чём, он не касался события, произошедшего в данном заведении. Милиционеры, видимо, не хотели делиться мнением о нём при открытых дверях.

Минут через пять-семь появились Бахашкин и Галимханов. Феоктистов принял листы у одного и другого и, посмотрев числа и подписи на них, свернул их вчетверо, вложил в карман рубашки.

– Ну ладно, убивцы, – (в шутку). – Побегу дальше. В сангородок схожу, на вашего рака гляну. Повидаюсь с вашими коллегами, или калеками.

Шалыч неуклюже затоптался на месте, Галимханов же сказал:

– А че на рака смотреть? Тебе пришлют заключение. А эти полудурки, поди, уже спят после наркоза?

– Галим, я, по-моему, тебе уже говорил – не учи. Я ведь тебе не подсказывал, как клиентов обслуживать.

Галим с видимым безразличием пожал плечами: как знаешь...

– Садись, Толя, подкинем, – предложил капитан. А Бахашкину сказал: – Если нужна будет помощь, звони.

Шалыч затряс головой. Лицо его лоснилось от пота.

– Ланна...

Феоктистов обвёл ироничным взглядом “убивцев”, серое одноэтажное здание и, не прощаясь, пошёл вслед за капитаном к ПМГ. Его провожали настороженные глаза убийц.

В машине некоторое время ехали молча. Капитан сидел на первом сидении, курил.

– Ты веришь им, граф? – спросил он, не оборачиваясь.

Феоктистов пожал плечами.

– Время покажет, Гоша...

– Мне, честно говоря, не очень... Шалыч, это не просто прозвище. Это производное от слова ошалелый. В минуты ярости может чёрте что натворить. Да и Галимка не лучше.

– Собрались у кормушки, – сказал Ваня.

– Как это? – спросил Анатолий, под видом простачка.

Ваня усмехнулся.

– А что тут не понятного? Обирают пьяных. А на утро с бодуна докажи он, бедолага, что у него были деньги в карманах или ещё что-нибудь ценное? Мало ли где тебя валяло и

катало, меньше пить надо... Васька у нас работал, кое-что из ихней секретной службы проговаривался. Да и так слухов больше, чем достаточно. А то, что Шалыч, боксер со стажем – это давно известно. Вон, и сейчас казанки на пальцах все в йоде. Метелил, видать, этого бедолагу и вдоль и поперёк.

Вынырнув из проулка посёлка Северный и перескочив трамвайную линию, подъехали к поликлинике сангородка.

– Ну всё, господин-товарищ граф, приехали, – улыбнулся Ваня, обернувшись.

– Спасибо, парни, – сказал Анатолий. Но вышел не сразу. Обратился к капитану: – Гоша, скажи-ка своим хлопцам, пусть они составят мне пояснительные записки по поводу ими задержанного пьяницы. Может, пригодятся.

– Хорошо.

ПМГ заднем ходом переехала трамвайные линии, развернулась и покатила параллельно им в город.

6

Сангородок – большой больничный комплекс. Он состоял из несколько корпусов двух и трехэтажных зданий и одного пятиэтажного, нового, два года назад введённого в действие, стоящий отдельно от старой части и отгороженный серой бетонной оградой. Старая часть комплекса утопала в зелени среди разросшихся деревьев и кустов, тогда как перед пятиэтажным только-только начали тянуться вверх молодые посадки клёнов и тополей.

Через узкие воротца в больших металлических воротах, из прутьев и приваренного листа понизу, Феоктистов ступил на ковер зелёного поля, усыпанного жёлтыми головками одуванчика и белыми – ромашки. Направился по тропинке к пятиэтажному зданию, в торце которого с левой стороны на первом этаже находилась “скорая помощь”, “приёмный покой” и кабинет “до врачебного обследования”.

На пологом парапете стояла машина РАФ, возле которого колдовал шофёр.

Феоктистов поднялся по асфальтовому въезду, приостановился, оценивающе присматриваясь к молодому водителю.

Из приёмной из окна Анатолия заметила рыжеволосая девушка и стала спешно приводить себя в порядок: поправлять волосы, белый колпак на голове, подновлять помаду на губах, заглядывая в зеркальце... Словом, проделывать всё то, подо что можно было бы запрятать свои тридцать лет с хвостиком, как иронично подшучивает она сама над собой.

– Привет, Маячка! – поздоровался Анатолий, входя в приёмный покой. Он умышленно называл девушку так, через “я”, делая на нём ударение. Поддразнивал.

– Здравствуй, Толик! – Мая расцвела в улыбке. – Давненько тебя не видно было. Совсем забыл дорогу.

– Просто не попадаю в твоё дежурство.

Он сел к столу на свободный стул напротив неё.

– Ну да! Под дежурство он моё не подпадает. Ты посмотри-ка! А домой ко мне что, тоже дорогу забыл? Или до того бандиты замотали?

– Маячка! – он, защищаясь, поднял руки. – Мы ж с тобой уже договорились. Зачем снова к этому возвращаться? И ты, как я слышал, замуж вознамерилась? – кивнул за окно, на РАФ, возле которого возился водитель.

– Если возьмут? – с натяжкой улыбнулась она. – На тебя надежды нет. Только обещания...

– Когда же я такое мог обещать? Ты меня, Маячка, с кем-то путаешь. Я в таких вопросах человек осторожный.

– Оно и видно, десятой дорогой обегаешь, как хулиган милиционера, – обида слезами начала выступать на глаза.

– Всё, всё, всё, Майка. Ты хороший человек, это в тебе и ценно, но давай на этом сменим тему. Сейчас я пришёл по делу, давай о нём и поговорим. Или мне обратиться к врачу? Кстати, где она?

Мая, поджав губки, кивнула на закрытую дверь кабинета “до врачебного осмотра”, где находился кабинет и дежурного врача. Анатолий шутливо щелкнул Мае по кончику носа.

– Ну, чего нос повесила? Говорят, за молодого, красивого выходишь, вот и атакуй. Парень вроде бы ничего.

Она грустно улыбнулась.

– Вот так уже лучше, – подмигнул он. – На свадьбу не забудь пригласить. – И уже серьёзно спросил: – В вытряхвитель кто выезжал?

– Я и Полина Васильевна.

– Ну, вот и расскажи.

Мая вздохнула, освобождаясь от нахлынувших чувств. Стала рассказывать:

– Приехали, а там, как после бомбежки. Двое в кабинке: один мертвый, другой в крови, стонет, плачет. Третий по залу катается на горбу, ноги едва ли не за пазуху засунул от боли. Два мильтона места себе не находят, мечутся по медвытрезвителю, как солитеры в обмороке.

– Как-как? Ха-ха! – рассмеялся Анатолий. – Ну и сравненьице. Чисто специфическое. А теперь припомни, что они говорили, эти солитеры?

– Да много чего... Разве всё припомнишь?

– Припомни, хотя бы относительно покойника.

– Вроде как ругали сантехников или ЖЭК, дескать, отключили холодную воду, сварили мужика, угробили.

– Вас во сколько вызвали? Давай, посмотрим журнал вызовов.

– Словам не веришь? – она раскрыла журнал.

– Смотря каким.

– Моим.

– Ну что ты, Маячка...

– Вот. В 12.41 нас вызвали. В 13.30 вернулись. Доставили больных: Мизинцева – с побоями и переломами нижней челюсти, и Глотко – с ушибами обеих ног.

Феоктистов посмотрел на часы: два часа прошло...

– Почему с побоями? Он, как говорят, об пол убился?..

– Не знаю, что у них там происходило, но, по-моему – побои.

– Так, ладно, разберемся. Где сейчас труп?

– В анатомке.

– Как думаешь, его уже обследовали?

– Наверно.

– А кто там? Игорь Васильевич?

– Да.

– А те, двое, где?

– В травматологии.

– Ну что же, Маячка, дай я тебя в щечку поцелую, в знак моего искреннего уважения к тебе. – Поднялся со стула и чмокнул Маю. Она не сразу убрала подставленную щеку, но, не дождавшись, повтора, капризно усмехнулась.

– Какой ты щедрый...

– Ну, Маячка, это уже будет лишнее, перебор. Лучше дай халатик, к Игорю Васильевичу схожу.

Мая со вздохом поднялась, прошла к шкафу и подала из него халат. Он, накидывая его на плечи, подмигнул девушке и пошёл к двухстворчатым дверям, ведущим внутрь корпуса, к подземному переходу.

Подземный коридор, сверкающий чистотой и кафелем, блистая в неоновом свете, словно облитый маслом, принял посетителя прохладой. Шаги гулко раздавались по коридору от бетонного крашенного коричневой краской пола.

7

В кабинете патологоанатома у раковины стоял сухощавый, стройный человек лет пятидесяти. Он был в белом халате, в белой шапочке на седеющей голове. Мыл руки. Встряхивая с пальцев воду, обернулся на вошедшего.

– А, Анатолий Максимович! Проходите, – показал рукой в направлении стола у стены, возле которого были приставлены два стула с двух противоположных сторон.

Феоктистов кивнул на приглашение и прошёл.

Доктор, тщательно вытерев руки о полотенце, висевшее у раковины, подошёл к Анатолию.

– Ну, здравствуйте, Анатолий Максимович! – протянул тонкую ладонь с длинными пальцами.

– Здравствует, Игорь Васильевич! – обменялись рукопожатиями.

– Прошу, – ещё раз показал на стул, стоящий ближе к стеклянному шкафу, на полках которого лежали и стояли всевозможные инструменты, склянки, фарфоровые чашечки, ножницы, вата, какие-то свертки завернутые в непроницаемую пленку. – Ну-с, что на этот раз вас интересует? Хотя догадываюсь.

– Да, Игорь Васильевич, обваренный.

– Так-с, так-с. Ну что же, кое-что уже можно сказать вполне определенно... Так вот, человек умер не от ожогов и не от перегрева организма.

– То есть? Отчего же? – Анатолий удивлённо вскинул на доктора глаза.

– От инфаркта миокарда. У него была ишемия.

– Вот как! А вы не могли ошибиться?

– Ну-у, Анатолий Максимович... – с плохо скрываемой обидой произнёс Бердюгин. – Чтобы у вас не было никаких сомнений на этот счёт, мы вам представим официальное заключение. И как только вы установите личность потерпевшего, вы установите и то, что он состоял на учёте у терапевта именно по этому виду заболевания.

– Сколько ему было лет?

– Пятьдесят три-четыре.

– А может, он от сильного алкогольного опьянения скончался? Он ведь из медвытрезвителя?

– Хм. Анатолий Максимович, ещё не зная лабораторных анализов, могу с уверенностью сказать – покойный не был пьян.

Феоктистов ещё больше удивился и дёрнул уголком губ, невольно подражая своему начальнику, причмокнул; дурная привычка, как наследственность.

– Ой-е-ёй!.. Вот это уха из петуха...

– Да-с, молодой человек. Но подождём анализы.

Бердюгин взял ручку и стал что-то записывать в журнале. Феоктистов сидел какое-то время неподвижно, усваивая информацию. Потом потянулся к телефону.

– Разрешите, Игорь Николаевич?

Тот кивнул: пожалуйста...

Анатолий набрал номер. Послышались гудки: занято. Вновь набрал. И вновь занято. Он посидел какое-то время, слегка наклонившись над телефоном. Лицо его было задумчивым и сосредоточенным. Спросил:

– Из прокуратуры никто не приезжал?

– Зачем? Они ждут заключения. Это вам не сидится.

Следователь вновь набрал номер телефона. Послышался знакомый голос.

– Алле, Гоша. Это Феоктистов... Слушай, я просил тебя взять с патруля объяснительные... Так вот, попроси их написать полный отчёт по этому задержанию, притом самым подробнейшим образом: часы, минута, а так же о чём говорили с задержанным, и что он им говорил. Так. И мне самому с ними хотелось бы переговорить... Я?.. Да где-нибудь через полчаса, час. Они когда меняются?.. В двадцать. Они рядом? Так дай им трубку... Кто?.. А, Васюков. Слушай, Сергей, ответь мне пока на один вопрос: во сколько вы подняли отдыхающего в сквере?.. В 9.10 обнаружили. В 9.27 отправили. Хм... – (“А, эти олухи, что мне написали?!”) – Ну и ещё один вопрос на засыпку. Он сильно был пьян? От него пахло?.. Не знаешь, не нюхал... Бутылку “солнцедара” залудил. Ну-ну... Ну что же, скоро узнаешь, и нюх у тебя и твоего напарника прорежется. Напишите мне объяснительные самым подробнейшим образом и ждите меня. Я заеду, – положил трубку. – Идиоты!

Феоктистов посидел, обдумывая дальнейшие свои действия.

Молчание прервал Бердюгин, до этого искоса наблюдавший за ним.

– Анатолий Максимович, вы верите в то, что в человеке есть душа? Я имею в виду не абстрактное и не религиозное её понимание и толкование, а как субстанцию? – он с насмешливым прищуром посмотрел на собеседника.

– Да как-то не задумывался. А что?

– Я в молодые годы тоже не задумывался, хотя в институте и начал почитать кое-какую литературу по этому вопросу: Платона, Шеллинга, Шредингера... Но больше наших, отечественных ученых-философов: Вернадского, Бехтерева, Мечникова, Циолковского. У многих ученых-теоретиков есть утверждение, что человек состоит из двух субстанций: биологической и духовной. А недавно промелькнуло сообщение, что ученые Гарвардского университета смогли установить – путём взвешивания умирающего человека и умершего, – что его вес уменьшается до шести грамм. По их утверждению, душа человека весит именно столько.

– И что, это дает основание верить в её существование?

– Ну, если это не связано с погоней за сенсацией, то возможно. Я же, – он доверительно и мягко улыбнулся, – исхожу только из своих наблюдений.

– То есть... Вы тоже покойников взвешиваете?

– Нет. У меня другое... – Игорь Васильевич посерьёзnel.

– Что же? Или вы хотите сказать, что там за стенкой, – Анатолий показал большим пальцем левого кулака на стену, – у этого трупа душа расхаживает по моргу?..

– Вы не допускаете подобного?

– Хм... – Феоктистов недоверчиво, со скрытой подозрительностью на вменяемость, посмотрел на собеседника. Он даже незаметно поёжился, почувствовав себя неуютно в морге.

Бердюгин засмеялся, поняв его состояние.

– Успокойтесь, Анатолий Максимович. Я нормальный человек и в здравом уме. Я ведь хирург-травматолог и патологоанатом по совместительству.

– Я знаю. Хирург и большой сторонник доктора Илизарова.

– Вот видите, – опять засмеялся Игорь Васильевич. – Не так уж я безнадежен. А если учесть, что я у Илизарова кое-чему и научился. Это вы можете наблюдать в отделении травматологии...

– Вертолетчики не в гипсе, а с металлической арматурой?

– Да... то шансы мои повышаются? – Анатолий, улыбнувшись, кивнул. – Однако вашему сотруднику я на спицы челюсть сажать не стал. Предоставил другому хирургу из отделения поработать – сшить. Придётся Мизинцеву через соломинку питаться, бульончиком, чайком, молочком.

– Не повезло парню. Они там, в пару сами поперекалечились.

– Хм. Не знаю, не знаю, что у них там было... Однако, как надо биться головой о цементный или кафельный пол, чтобы самому себе сделать из лица отбивную котлету?

– У него что, кроме челюсти ещё есть какие-то повреждения?
– Да на нём лица нет! На теле кровоподтёки. Такое может быть только после жесточайших побоев.

– Игорь Васильевич, вы мне сегодня одно интереснее другого преподносите.

– А вы сходите к нему. Посмотрите на его лицо и попросите раздеться.

– Хорошо, непременно. Только, мне кажется, что вы ещё хотели мне что-то рассказать?

– Ну, если вас интересуют вопросы духовной субстанции, то можем продолжить.

– Пока есть время, пожалуйста.

– А вы не усмехайтесь так недоверчиво. Если вы не побоитесь, то я вам могу предоставить случай в этом убедиться. – Бердюгин выжидающе с насмешкой смотрел на Анатолия. – Ну, так как? Хотите увидеть то, что отвергают материалисты? Или побоитесь?

– Да нет, почему же... Я с удовольствием.

– Не бледнейте, это не страшно. Даже, наоборот, забавно.

– Я готов, Игорь Васильевич.

– В таком случае, Анатолий Максимович, я хочу взять с вас слово.

– Слово? Какое слово?..

– А такое... Слово чести. Слово офицера. Слово на то, что вы сейчас увидите и узнаете – будите хранить в строжайшей тайне! И до тех пор, пока я вам не разрешу её открыть. – Бердюгин поднялся.

– Хорошо, Игорь Васильевич. В моём слове можете не сомневаться. Я его даю. – Феоктистов тоже встал и, едва не по-пионерски, вскинул руку, скорее в шутку, ещё недостаточно серьёзно воспринимая слова Бердюгина.

Доктор, видимо понимая его, заходил по кабинету, пускаясь в объяснения.

– Я, почему к этому так скрупулёзно отношусь, Анатолий Максимович? Эта моя научная разработка, ещё не во всем совершенная, требующая ряд модернизаций и испытаний. Я даже моих коллег к сему предмету не подключаю.

– А меня, почему решили посвятить?

– Вас?.. – Бердюгин приостановился и загадочно улыбнулся. – Есть “почему”. Но об этом позже. Есть у меня одна мысль... – он прошёл к сейфу, к невысокому белому ящику, стоявшему в дальнем углу за стеклянным шкафом.

Бердюгин открыл его и достал один за другим два черных футляра: один – от бинокля, другой – продолговатый, похожий на студенческий туб, длиной сантиметров шестьдесят. Бинокль повесил на плечо, а цилиндр подал Феоктистову.

– Берите и пойдёте. Только осторожно, не выроните.

Закрыв сейф, и направились из кабинета.

Они вошли в траурный зал, где стояла справа тумба, обитая красным, уже потертым бархатом, – место для гробов и оплакивания усопших. Вдоль стен – ряд стульев и спаренных кресел. Прямо и слева две широкие двухстворчатые двери: секционная и холодильник. За дверью секционной был маленький коридорчик, в котором стояла кушетка, застеленная простыней. Бердюгин положил на неё футляр бинокля и закрыл за собой двери коридора на ключ.

Вернулся. Принял от Анатолия туб, положил его на кушетку. И стал по очереди раскрывать футляры. Из футляра бинокля на простынь легли одна половинка от бинокля ночного видения и цветные провода. Затем из тубы Бердюгин извлек черный, обклеенный дерматином, цилиндр, у которого с обеих сторон были стекла и с одного конца – защелки, крепления для монтажа. На цилиндре небольшой разём.

Доктор снял с окуляра бинокля заглушку и прикрепил к нему трубу при помощи четырех защелок. Из футляра бинокля, из его второго отсека, достал четыре цилиндрических батарейки, стянутых синей изолентой, и положил их в карман своего халата. Собранный прибор подал Феоктистову.

Анатолий принял, с интересом и осторожностью стал осматривать его, покачивать на руках, как бы взвешивая: прибор был легок вопреки ожиданиям.

И молчание Бердюгина, даже какое-то торжественное, сосредоточенное, чёткость в движениях при сборке прибора, и не обычная обстановка, и помещение, в котором должно произойти нечто загадочное, – всё это на Анатолия действовало возбуждающе. И в то же время заставляло подчиняться, не задавать лишних вопросов, ходить и двигаться с величайшей осторожностью, задерживая в себе дыхание.

И он действительно готов был не дышать, словно боялся вспугнуть тишину, в которой где-то существуют души умерших. Сказки, рассказанные Бердюгиным, однако отложившиеся в подсознании, и эта часть мозга, может быть, в его десятитысячной дольке, в нейроне, даже, может быть, в каком-нибудь дендрите или в эффекторном нервном окончании, диктовали ему свою волю, вопреки, казалось, здравому смыслу.

Они вошли в самую секционную. В помещении было темно. И эта темнота ещё более усилила напряжение, даже, пожалуй, мистический страх. Анатолию стало немного жутковато, по спине пробежали холодные мурашки.

Бердюгин же действовал по-хозяйски быстро. Прошёл куда-то вглубь помещения и включил в углу над стеклянным столиком бра, висевшую на стене. Теперь секционная была тускло освещена. Небольшая глухая высокая комната без окон, стены от пола до потолка обложены белой кафельной плиткой. В центре стоял операционный стол, на котором лежал покойный. Над столом висел большой светильник из пяти-шести ламп.

– Анатолий Максимович, – негромко позвал Бердюгин.

Феоктистов подошёл. Доктор забрал у него прибор.

– Пока посидите, – показал на один из двух стульев, стоящих у столика.

Феоктистов сел. Другой стул Бердюгин взял, развернул и сел на него верхом. Достал из кармана маленький разъём с проводками от батареек, соединил его с разъёмом прибора. Затем локти поставил на спинку стула и приложил прибор к глазу, как подзорную трубу. Какое-то время наводил резкость, вращая окуляр бинокля. Щелкнул тумблерком на приборе и замер.

Замер и Феоктистов, глядя, то на Игоря Васильевича, то на труп. В сумеречном свете лицо доктора казалось восковым.

Наконец Бердюгин отклонился от окуляра и пальцем поманил Анатолия. Сам поднялся со стула. Анатолий прошёл и сел на освободившееся место. Доктор передал ему прибор и негромко сказал:

– Толя, не волнуйтесь, не дергайтесь, держите прибор ровно. Наведите его на труп... Смотрите и ничего пока не говорите. Не будем мешать процессу...

Анатолий припал к окуляру. Замер...

Перед его взором лежало тело, а над ним висело оранжевое облако, светящееся и слегка покачивающееся, словно его раскачивали удары сердца – ритмично: тук-тук, тук-тук... Он даже как будто бы услышал эти удары, и оттого стало вновь жутковато, и по спине пробежал холодок. Анатолий невольно поёжился.

В облаке происходило движение: нижний слой перетекал в верхний, верхний – в нижний. И тот слой, что оказывался в верхней части, словно фосфоресцируя, испарял из себя искрящиеся частицы и перекатывался вниз. Происходило что-то, напоминающее кипение, только тут процесс протекал медленнее и красиво, с феерическим эффектом.

Световая гамма над трупом была не везде одинакова. У ступней ног, со стороны которых Анатолий вел наблюдение, она казалась насыщенной розовым цветом. И он, заметив это, с иронией подумал: “Душа через пятки выходит!..”

Примерно такой же цвет был и над головой. Он источался откуда-то из середины лба, как будто бы из третьего глаза, курился тонкой струйкой так же, как из ступней ног, из пяток.

Но самый насыщенный цвет находился над областью сердца, над грудью – он был тёмно-красным и к нему от всех “органов” стекались и растекались тона и полутона. И все они (эти потоки) перетекали из одного места в другое медленно и спокойно, отчего над телом образовывалось искристое и серебристое дымчатое облако. Тёмно-красное пятно напоминало форму сердца, оно и “билось” с таким же интервалом, «прокачивая» по всему “телу” серебристые потоки и в то же время, поглощая возвращающиеся тёмные потоки в себя.

Вся эта картина очаровывала Анатолия. Но во всей этой демонстрации не хватало чего-то объединяющего, объясняющего...

Феоктистов оторвался от окуляра и обернулся к Бердюгину. Тот был привязан к нему проводами и стоял рядом, наблюдал за ним.

– Ну что, похоже, посмотрелись? – спросил Бердюгин.

Анатолий сдержался от ответа и вновь припал к биноклю, теперь другим глазом. Смотрел ещё несколько минут, пытаясь понять смысл происходящего над трупом.

– Да, удивительно...

– А теперь посмотрите вон туда... – Игорь Васильевич кивнул вверх, на угол под потолок.

Анатолий направил прибор на потолок. И замер от ещё большего изумления. Сверху на покойника смотрело скорбное лицо обваренного. Голова круглая, вместо волос – оранжевые лохмы, и к этой голове, поднимались от покойника светящиеся блёстки. Они, как пузырьки через воду, пробивались к ней сквозь воздух. Казалось, воздух бурлил, гасил искрящиеся потоки. Анатолий не смог сдержать очарования. Теперь картина имела своё логическое завершение.

– Игорь Васильевич!.. Кошмар какой-то! – проговорил он, отстраняясь от прибора.

Бердюгин улыбнулся.

– Впечатляет?

– Да что вы! У меня у самого, наверное, волосы дыбом встали.

– Не пугайтесь. Пойдёмте. – Бердюгин принял прибор. – Выходите, я следом.

Анатолий, поглядывая на угол, в замешательстве вышел в коридорчик.

Через минуту появился доктор. Он хотел что-то спросить, но Бердюгин приложил к губам палец: тс-с...

Они, молча, разобрали прибор и с футлярами вернулись в кабинет.

8

Феоктистов устало сел на стул. Бердюгин прошёл к сейфу, куда положил приборы.

– Фу-у, Игорь Васильевич, честно говоря, я ничего не понял. Но, однако же, удивительно! Поясните, пожалуйста, что это за облако над трупом? Что это за голова под потолком? Не это ли душа?

– Да, Анатолий Максимович, она самая.

– Но ведь... Но ведь... – Анатолий от удивления не находил слов.

– Толя... Извините, позвольте мне вас так называть?

– Да, пожалуйста, Игорь Васильевич.

– Так вот, Толя. Поверьте пока на слово: это не что иное, как человеческая душа. Вы видели, как облако пульсирует? Заметили?.. Это энергия. Она выходит из остывающего тела. Ведь мы думаем, что человек, умерев, остывает за считанные часы? Но это не так. Впрочем, наверное, как и всё живое. На это понадобятся не одни сутки. Недаром же людей хоронят только на третий день. Это то время, за которое душа покидает тело. Но в каждые сутки происходит определённый процесс. Завтра, если вы сможете приехать, то мы сможем наблюдать уже несколько иное явление. То есть это облачко будет подниматься ещё выше, и оно будет волноваться ещё сильнее. А вот послезавтра... – Бердюгин понизил голос. – Я бы вам очень советовал посмотреть. Послезавтра, на исходе третьих суток, приблизительно в девять-десять часов, вы увидите такое, чего никогда и нигде не увидите в своей жизни. Ну, разве что в мультфильме.

– И что же интересного меня ожидает?

Бердюгин загадочно улыбнулся.

– Можно, я вас маленько поинтригую?..

– Ну что же, договорились: и завтра, и послезавтра я буду.

– Правда, этого трупа, возможно, не будет. Но что-нибудь подберём. А теперь вы можете мне сказать, какого цвета облако?

– Ну-у... Вы знаете, оно мне показалось серебристо-оранжевым.

– Сплошь оранжевым?

– По-моему, у пяток и над головой красное. А где сердце, там кровянистое что ли?

– Хм, верно, кровянистое, – усмехнулся Бердюгин такому определению. – И что интересно: когда человек убит, над его головой и над сердцем – тёмный окрас; когда же умирает своей смертью, то всё облако одного серебристо-оранжевого цвета, и в районе сердца слегка красноватое пятно. И образ, который вы видели под потолком, тоже другой, бледнее, взгляд хоть и грустный, но не столь строгий, пронизывающий. И лицо трупа узнаваемо. Видимо, по обстоятельствам смерти. – Бердюгин посмотрел на угол потолка, взгляд Феоктистова непроизвольно последовал за его взглядом. Анатолий незаметно поёжился. – И со временем мне пришла одна шальная мысль, идея... – Бердюгин, всё это время расхаживал по кабинету, тут остановился и сцепил руки перед собой. – Идея, Анатолий Максимович, по-моему, не так глупа.

– Что за идея?

– Идея такая... Словом, я ради неё и посвятил вас в свою тайну... Хочу проверить её с вашей помощью, так сказать, провести опыт. Разумеется, если вы согласны?

– Так говорите. Если она не связана с нарушением закона и не влечёт каких-нибудь...

– Нет, Толя, не влечёт. Но с законом отчасти соприкасается... Но не спешите отказываться! Я вам всё сейчас объясню. – Бердюгин на несколько секунд призадумался, собираясь с мыслями. – Вам часто приходится расследовать преступления с летальными исходами. Да вот, хотя бы взять тот случай, с младенцем. Кажется, до сих пор не нашли его истязателя?

– Нет, нашли. Из Иркутска преступник.

– Да, но время сколько потеряли. Полгода...

– Времени, действительно, прошло немало. Но что делать? Человечество ещё не изобрело ничего лучшего, что помогло бы безошибочно избличать преступника.

– Не изобрело? Но это возможно!

– Как?.. Да покажите мне такого человека, я ему первый в ноги поклонюсь!

Бердюгин рассмеялся горячности Анатолия.

– Толя, может так статься, что вы сами себе и поклонитесь. И мне немножко.

– Не понимаю... Или вы полагаете... – Анатолий показал широко раскрытыми глазами на сейф.

– Да, Толя! Да!.. Ведь я так понимаю, что окрас облака и вид образа, то есть души – это не что иное, как возмущение против насилия. Это, по выражению Бехтерева, нервно-психологическая энергия. А энергии, как известно, свойственно передаваться. И если эта энергия целенаправленная, и душа убиенного протестует против насилия, то она будет, по-видимому, преследовать мучителя, душегуба. Ведь раз есть душа у убитого, то, естественно, существует подобная субстанция и в убийце. Следовательно, их души тоже должны каким-либо образом соприкасаться. Вот, скажем, вас обидели. Затронули вашу живую материю. Вы что станете делать?

– Наверное, отвечу тем же.

– То есть возмутитесь против насилия, оскорбления? Ну, а душа?.. Почему душа не может возмутиться? Почему душа убитого не может прийти в прямое столкновение с душой обидчика? Ведь возможно такое?..

Анатолий в полном изумлении пожал плечами.

– Ну, я не знаю, что и сказать...

– Может! – твёрдо сказал Бердюгин и вновь заходил по кабинету. – Может. Раз существуют души, как равноправные субстанции, значит, должны существовать и их связи. В природе не может быть ничего не взаимосвязанного. Не может. Мы просто не знаем этого. Мы ещё настолько мало проникли в эту область познания, что не можем объективно судить о ней. Но должна быть связь! В каком виде? – я не знаю. Может эта энергия будет в виде ореола над убийцей? Может в виде скорбного лика пострадавшего? Может быть, ещё в каком-нибудь виде, но она возможна. И вот это мне и хотелось бы установить.

– Как, Игорь Васильевич? Дорогой вы мой, только намекните, – загорячился Анатолий. – Я всё, что только от меня зависит...

– Спокойнее, Толя. – Бердюгин подошёл к столу и с облегчением сел, словно только что проделал тяжёлую работу. – Спокойнее. Тут нам горячиться нельзя.

– Хорошо, говорите.

– Я бы, может быть, ещё помедлил. Но тут, что называется, всё налицо: и жертва и преступники. Это очевидно. Для этого надо немного. Нужно каким-либо образом просветить ваших сотрудников из медвытрезвителя ультрафеном. Если моя гипотеза верна, то того, кто конкретно повинен в смерти этого человека, мы смогли бы установить.

– Да, Игорь Васильевич, нет ничего проще! – подскочил Анатолий. – Давайте сейчас же поедем в вытряхватель, и я их там – по стойке “смирно” выстрою.

– И сразу же всё дело погубим.

– Почему?

– Потому что этот прибор не законен. С его помощью сейчас нельзя даже явного преступника уличать. Разобьют или подадут в суд за незаконное применение технических средств. Я же вас предупредил, что идея моя с законом соприкасается.

– А мы не будем им обличать никого. Мы просто сфотографируем им и только. И если подтвердится ваше предположение, остальное моё дело. Хотя я и без прибора кое-что вижу.

Правда, мне нужно ещё кое-какие детали выяснить. Те же анализы крови на предмет содержания в ней алкоголя.

– Ну, это мы сейчас узнаем. Наверное, готовы.

– Пожалуйста.

Игорь Васильевич повернулся к телефону. И пока набирал номер и пока разговаривал по телефону, он украдкой посматривал на Анатолия. Ему нравилась его горячность, деловитость. И он сам испытывал от разговора с ним удовлетворение.

– Алле, это кто?.. Вера Никитична, голубушка, это Бердюгин. Скажите, пожалуйста, анализы крови доставленного из медвытрезвителя готовы?.. Не все... Ну, хотя бы на содержание алкоголя?.. Так. Ну, спасибо. – Феоктистову: – Нет! Нет, Анатолий Максимович, у пострадавшего в крови алкоголя. Убили ваши brave молодые люди ни в чём не повинного человека... Как всё-таки нелепо... – горестно вздохнул врач и положил трубку телефона.

Помолчали. Первым молчание нарушил Феоктистов. Выдохнул со злостью:

– Ну, идиоты! Надо же, – и опустил кулаки на стол. – У них, видать, совсем барзомер зашкалил. Ну, ничего, это им так не пройдёт... Давайте решать, как с ними быть?

Бердюгин задумчиво посмотрел на собеседника.

– Даже не знаю...

– Осторожничаете?

– Да, наверное. Просто не хотелось бы, чтобы на первом же сеансе всё рухнуло. Я, Толя, столько лет и труда потратил на этот прибор. Обидно будет, если он сейчас же погибнет. Я ведь насадку не здесь делал, не в больнице. У себя дома и в гараже, там моя мастерская. Знаете, каким был прибор в первом своём виде?.. Раз в десять больше и тяжелее во столько же. – Он усмехнулся. – Вы себе представить не можете, как я его по частям сюда доставлял, здесь монтировал. На каталке катал под простынями, как покойника. В научную литературу ушёл с головой. Можно сказать, заново вузовскую переподготовку прошёл. Кандидатский минимум могу сдать по ряду физическим дисциплинам. Хотя бы по ультрафиолетовым излучениям. По энергетике. Ведь каждый человек ею обладает, только в разной степени. Вот что такое телепатия? Это не что иное, как передача энергии на расстояние. Или внушение, гипноз, экстрасенсорика – тоже энергия. Только одного Бог наградил этим даром больше, другого человека – меньше.

– Вы полагаете, что к этому причастен Бог?

– А вы?

– Природа...

– Хм. А как вы думаете, природой во всем её объёме и многообразии кто-нибудь управляет?

– Да кто же её управляет? Она сама по себе.

– Заблуждаетесь, молодой человек. Я не религиозный человек, даже не крещён. Но я, постигая многие закономерности жизни, пришёл к выводу – нет в природе случайного и сама природа – есть процесс регулируемый.

Феоктистов снисходительно усмехнулся. Лекция на эту тему ему показалась скучной.

– Ладно, Игорь Васильевич, мы ещё не раз поговорим об этом, будет время, и я вас с удовольствием послушаю. – И, видя, как Бердюгин поджал губы, примолк, сказал: – Не обижайтесь, пожалуйста. Но сейчас меня больше интересует прибор. – Щелкнул пальцами правой руки. – Давайте к нему вернёмся.

– Ну что же, давайте, – в некотором смущении согласился Бердюгин.

– Командуйте, что нужно сделать? Машину достать? ПМГ подойдёт? С охраной?.. Сейчас организую.

Бердюгин испуганно замахал руками.

– Ни-ни, что вы! Мы же с вами договорились – полная конфиденциальность. А машина у меня и своя есть, маленький горбатенький “Москич-401”.

– Хорошо, предлагайте свой вариант.

Бердюгин немного задумался.

– А что, если у этих сотрудников каким-либо образом вызвать интерес к покойному? Чтобы они сами сюда приехали?.. Я бы подготовил прибор, установил бы его на штатив и поставил бы его, скажем, вот сюда...

Бердюгин поднялся и подошёл к свободному углу у двери.

– ... Они бы пришли, мы их усадили бы за стол, где вот вы сидите. Я бы повёл с ними разговор ни о чём, а вы в это время, как бы прохаживаясь, заглядывая во все углы, в окно, заглянули бы и в прибор... Потом замените меня в разговоре. Я тоже подойду к прибору. Если пожелают посмотреть они, то, пожалуйста. После меня они в него ничего не увидят. Прибор будет подключен не к батареям, а через выпрямитель, и я его незаметно выключу. Прибор станет обыкновенным ночным биноклем.

– Я понял, Игорь Васильевич. Звоню!

– Только, ради Бога, без тени нажима или намёка о приборе. – Бердюгин, возвращаясь к столу, делает руками пасы, как гипнотизер. – Умоляю! Это наведёт их на подозрение.

– Хорошо, хорошо, не волнуйтесь.

Феоктистов поднял трубку телефона и стал набирать номер. Лицо приняло ироничное выражение.

– Аллё!.. Кто это?.. Ах, это ты, Шалыч. Ещё вас не арестовали?.. Ну-ну. Шалыч, у тебя машина под рукой?.. Хорошо. Слушай, вы, когда труп в “скорую” грузили, что-нибудь заметили на нём?.. Ничего, значит, интересного... А татуировку?.. Нет. Тогда я ничего не понимаю. На его теле выступили замысловатые рисунки. Два портрета, чем-то похожие на тебя и Галима. – Феоктистов прикрыл трубку и подмигнул Бердюгину. – Ты что, не веришь?.. Вот почему я и спрашиваю про машину. Давайте, садитесь, и одним махом сюда. Сами убедитесь... Ага, какая-то чертовщина. Ну, ждём. В анатомке...

Феоктистов положил трубку, и они с Бердюгиным рассмеялись.

– Ну, Толя... Ну, Анатолий Максимович... Надо же такое придумать. Экспромт получился на славу.

– А как ещё этих охламонов объе... горить?

Посмеявшись, Бердюгин направился к сейфу.

– Надо прибор настроить. Вы мне сейчас поможете.

Игорь Васильевич открыл сейф и вынул футляры. Феоктистов принял их и положил аккуратно на стол. Обращался с ними, как с чем-то бесценным, волшебным.

Бердюгин достал из-за шкафа штатив для фотоаппарата и стал устанавливать его на то место, куда показывал прежде, у двери возле окна. Привернул на него небольшую площадку.

– Несите сюда прибор.

Феоктистов взял со стола футляры и поднёс. Бердюгин вынул трубу и прикрепил её к площадке ремешками. Затем стал монтировать к трубе поданную Анатолием половину бинокля. Вернулся к сейфу и извлёк из него небольшой продолговатый прямоугольный предмет – электрический понижающий напряжение выпрямитель. Поставил его на подоконник, подключил от него провода вначале к сети, потом к прибору.

– Ну вот, и готово. Сейчас мы настроим его на то место, где мы с вами сидели. Так. Садитесь.

Феоктистов прошёл и сел за стол. Бердюгин некоторое время устанавливал прибор, поворачивая его из стороны в сторону на штативе. Потом замер, настраивая резкость. Феоктистов настороженно наблюдал за ним. И как играют в трубе разноцветные блики.

– Ну что же... Кажется, вы безгрешны, – сказал Бердюгин. – Над вашим челом нет ни одной души убиенного. Нет грехов.

– Что вы имеете в виду?

– Убийства, смертей...

– Есть, – не согласился Феоктистов. – Одна. При задержании два года тому назад убил одного мокрушника. Он меня тогда тоже ранил. Меня и моего товарища, Мишу Михалева.

– Помню тот ваш случай, сам оперировал вас и Михаила, – сказал Бердюгин и стал смотреть продолжительнее. Потом поднял голову и отрицательно покрутил ею. – Нет, Толя, если верить аппарату, то на вас нет греха.

– Как нет! Я ж его сам...

– Нет, Анатолий, не вы. Видимо, кто-то другой. У вас голова чистая. Так, легкий ореол... Анатолий несколько ободрённо и в то же время недоумённо посмотрел на доктора и на прибор.

– Неужели Миша?.. Он же сам был тяжело ранен.

– Ну, чего не бывает... Теперь, давайте, я сяду.

Бердюгин прошёл к столу, Феоктистов – к прибору, чему-то улыбаясь: от проведенного опыта на душе как будто бы стало легче.

Феоктистов припал к прибору, лицо его начало вытягиваться.

– Ничего не понимаю!.. – удивлённо проговорил он.

– Что? – спросил Бердюгин.

– Над вашей головой, словно нимбы из нескольких колец...

– Хм. Вполне возможно, – спокойно ответил Бердюгин. – Ведь для многих умерших я последний, кто прикасался к их телу, к трупу... Вот оттого-то, наверное, у меня так часто болит голова, порой, её как будто бы обручем стягивает, или верёвочной петлей, – пожаловался он.

В коридоре послышались шаги, стук кованых сапог.

– Идут! – полусшёпотом сказал Феоктистов. – Я у окна, а вы их принимайте. Заговорите их чем-нибудь из сверхъестественных сил, религией. Бывают, мол, случаи... ну и так далее.

– Хорошо, хорошо...

Стоя у окна, Феоктистов принял задумчивый глубокомысленный вид.

9

Вошли Бахашкин и Галимханов. Оба обеспокоенные, в глазах тревога и вопрос. Феоктистов, сложив руки на груди, медленно повернулся от окна к ним.

– Проходите сюда, товарищи. Садитесь, – пригласил Бердюгин, показывая на стулья, один из которых освободил сам.

Гости прошли, не сводя встревоженных глаз с обоих присутствующих.

Бердюгин, отойдя от стола, прохаживаясь, начал разговор.

– Вы, пожалуйста, уж не сетуйте на меня. На нас... Но иногда в нашей жизни происходят такие чудеса, которые объяснить не сразу возможно... Вы культурные люди, прочитали немало книг, наверно, знакомы с такими примерами из классической литературы, когда умершие вдруг начинают подмигивать или улыбаться, или даже кривить рожицы. Иногда даже поднимаются из гроба. А если взять примеры из Гоголя, там покойники даже летают в гробах, устраивают оргии. Есть случаи, когда слышат в доме голос покойного. А есть случаи, когда убиенные каким-либо образом пытаются указать на своих убийц: то ли жестом, то ли взглядом, то ли...

– Вы чо?.. Вы хотите сказать, што этого человека мы убили? – остановил доктора Саша. Лицо его побледнело, но хладнокровие не покинуло.

– Я, молодой человек, ничего не хочу сказать. Это скажет следствие. Я только хотел бы вас предупредить, что если вы, подойдя к покойнику, вдруг обнаружите на его теле что-либо необычное, то не пугайтесь. Ибо природа и Господь Бог ведают, что творят. Это мы не можем предугадать, а им... – Бердюгин многозначительно поднял палец и возвел к потолку глаза, словно священник на молебне.

За время его беседы, Феоктистов прошёлся дважды вдоль окна к стеклянному шкафу. Прохаживаясь, подошёл и к прибору в углу. С любопытством обывателя осмотрел его. Даже коротко припал к нему глазом, оторвался. Встал, привалясь задом к подоконнику и посмотрел на собеседников. Потом, улучив момент, вновь припал к прибору.

Над Бахашкиным алел слабый нимб. Он чем-то напоминал нимб, который был над Бердюгиным, но слабее. Это насторожило Феоктистова.

Анатолий перевёл прибор на Галимханова и... позабыл про Бахашкина. Над головой Галима алел оранжевый шар и, что самое удивительное, в нём были видны глаза. Казалось, они излучали пучки света негодования и возмущения, направленные в затылок Галимханова. Анатолий заволновался, на лбу выступила испарина. Он оторвался от прибора и с шумом выдохнул, словно отпыхиваясь.

Бердюгин глянул на него и поднес ладонь ко рту: спокойно!.. И тут же проделал пальцами движение, напоминающее вытирание уголков рта. Феоктистов понял его предупреждение и повторил выдох уже с безобидно-задумчивым видом. Отвернулся к окну.

– Вы верите в Бога? – спрашивал Бердюгин милиционеров.

– Ха! Чё в него верить? Эти сказки нам ещё в школе разъяснили. Нет Бога, – парировал Галимханов.

– А Аллах?

– И Аллаха нет.

– А вы? – обратился Бердюгин к Бахашкину.

Тот пожал плечами неуверенно и растерянно. Он чутьём потомственного охотника угадывал опасность.

– А жаль. В Бога надо верить. Но если даже не верить, то хотя бы носить в себе извечные Христовы истины: не убий, не укради, возлюби ближнего, как самого себя... Вам эти истины известны, ведомы?

Бахашкин было закивал головой, Галимханов вдруг вскипел.

– Доктор! Вы зачем нас сюда выдернули? А? Аллилуйя нам читать?..

Феоктистов, после знака Бердюгина, через некоторое время вновь припал к прибору. При более продолжительном просмотре увидел не только глаза над головой Галимханова. Когда тот в раздражении повернулся к доктору, и голова его стала в профиль, то за ней отчетливо проявился профиль головы обваренного!

И это уже была голова с очертаниями лица пострадавшего, со шлейфом оранжевых волос, с постепенным низведением их в пустоту. А лучи, исходившие из глазниц, как две узкие яркие струи света, били ему прямо в затылок. Создавалось такое впечатление, что они пытаются прожечь его, но лишь искрами рассеивались от черной оболочки головы Галима, как от каски. Похоже, эта броня была не пробиваемой, не прожигаемой.

“Неужели такое может быть?! – Прошептал пораженный Анатолий. – Чу-де-са!.. Убийца! Вот он, убийца! И с железобетонным черепом”.

Феоктистов оторвался от прибора и повернулся к окну, чтобы успокоить волнение.

Потом пришёл на помощь Бердюгину, незаметно сделав тому знак: подойти к прибору...

– Так говоришь, для тебя Бога нет, и Аллах тебе не авторитет?.. – не спеша, проходя по периметру кабинета, спросил Анатолий.

Галимханов уставился на него с подозрительностью.

– А жаль. Кому-кому, а тебе, Галим, надо было бы перед кем-то из них покаяться.

– С чего это вдруг?

– Грехов за собой не чувствуешь, что ли?

– Хм. Может док или ты попы, а нам перед вами исповедоваться?

Доктор, прохаживаясь по кабинету, проговорил:

– Я, молодой человек, в священники не гожусь. На моей душе грехи есть. Хирургу, похоже, невозможно без них. А вот вам, как говаривал незабвенный Феликс Эдмундович, нужно обладать холодной головой, чистыми руками, и горячим сердцем. Вы уж извините меня, что я вам напоминаю прописные истины...

– А что тут извиняться? – прервал доктора Анатолий. – Всё правильно... – обратился к Бахашкину. – Шалыч, прежде чем Игорь Васильевич вас впустит в анатомку, давай поговорим по душам. Ты же не первый десяток в органах, и понимаешь, что бывает с теми, кто превышает свои права, полномочия, – узкие щелочки глаз бурята дрогнули в тревоге. – Поэтому давай на прямому. Прежде, чем задержанного определить в душевую кабинку, ваш док осматривал его?

Наступило молчание. Глазки бурята забегали, то на Галимханова, то на Феоктистова. Он заводил руками по икрам; на казанках пальцев тёмные от йода ссадины. Заметив на них взгляд Анатолия, Шалыч смутился и спрятал кисти рук меж ног.

– Да нет, кажись... – ответил он неуверенно.

– Ты чо мелешь?! – воскликнул Галимханов. – Осматривал!

– Хм. И какую же он определил степень опьянения?

Друзья переглянулись.

– Мы не знам... Он знат... – заговорил Шалыч.

– Шалыч...

– Да чо ты к нему пристал? Малина получила от нас все необходимые показания. Ей заниматься должностными нарушениями, а не тебе.

“Ага, Галим нервничает, пытается сбить разговор”. Феоктистов продолжительно посмотрел на Галимханова, с насмешливым прищуром, с ехидцей.

– Што смотришь, как Ленин на буржуазию? – спросил Галимханов с раздражением.

Анатолий усмехнулся.

– Слушай, Саша, в вашем деле нарушением и не пахнет.

– А чем же?

– Преступлением. Уголовщиной. Удивляюсь я твоей наглости. Здорово же ты в ней поднаторел в своём вытряхвителе.

– Неушта? – хмыкнул Галимханов.

– Почему «неушта». Очень даже ушта. Шесть лет назад ты был совсем другим. Веселым, простодушным, порядочным, можно сказать, парнем. А сейчас?.. Озлобленность, наглость, дерзость и, что самое отвратительное, безответственность. От безобидной шалости, таких, как обирание пьяных, до убийства...

– Какое обирание? Какое убийство? Ты, граф, говори, да не заговаривайся!

– То, что вы, кроме должностного оклада, ещё прирабатываете тем, что изымаете у своих пациентов грёбши, мне тут не надо и доказывать. У вас это обыденное дело. Вас в вытряхвитель это и притягивает. По крайней мере – тебя. К вам ведь туда целая очередь на работу. И людей-то подбирают послушных да покладистых. На чем наживаются, а! Крохоборы.

– Граф, слушай, я ведь не посмотрю, что ты следак. Могу съездить и по морде вашей светлости.

– По морде?!. Но ты! Ты сейчас имеешь дело не со своим подопечным. Я-то тебе живо руки пообломаю по самые лопатки, и штанишки поддержать будет нечем.

Феоктистов покраснел от ярости. Галимханов отвёл от него глаза и потупился. Но, ещё не сдаваясь, пробубнил:

– А чо оскорбляешься?.. Ишь, начальник большой. Счас начальник, а как надо кого из знакомых выручать из вытрезвлюхи, так сразу ко мне: “Саша, надо... Саша, без записей, – передразнивал Феоктистова. – А то у мужика на работе неприятности будут. Саш, будь другом...” А счаза вот как на друга наезжает.

– Так вы ж, идиоты, без разбора гребете. Вон, как этого, что сейчас в секционной лежит. Угробили ни в чём неповинного человека. Хоть бы пьяный был...

– Как?!. – воскликнул Бахашкин, подскочив, как будто его ошпарили или подрезали изпод низу, и медленно осел на стул. – Пошто: хоть бы пьяный был? Он и был пьяный!

– А ты его нюхал? Или ваш доктор?.. Сейчас получили анализ крови – алкоголь отсутствует. А при вскрытии установлен – инфаркт.

Бахашкин и Галимханов вытаращили на него глаза.

– Так что, Шурик, перефразируя известных авторов: ищите алиби. Да такие, чтобы они были весомее самой смерти человека.

Бердюгин отошёл от прибора взволнованным. Феоктистов глянул на него и незаметно показал кулак с оттопыренным вверх большим пальцем: класс!..

К их обоюдной радости ни Шалыч, ни Галимханов не заинтересовались прибором. Им стало не до него. Хотя поначалу у Галима возникало желание, если не посмотреть в эту штуковину, то спросить о ней. Забыл. Всё из башки выскочило к чертям!

– Так это... Инфаркт может случиться и сам по себе? – проговорил Саша изменившимся голосом. В горле у него пересохло.

– Да, – ответил Бердюгин, – может. Но в данном случае ему предшествовали нервные стрессы, и самые, видимо, серьёзные – это физические страдания, которым он подвергся.

– Вы так думаете или у вас есть доказательства?

– Почему же думаю? Я знаю. Об этом вам скажет любой хирург, терапевт.

– А... а... – заикался Саша, – судебно-медицинская экспертиза?..

– Уважаемый, вы не извольте беспокоиться на этот счёт. Заключение медэкспертизы скоро будут готовы. Собственно, они уже почти готовы, и Анатолий Максимович скоро будет иметь один из этих экземпляров.

– Ты удовлетворен ответом? – жёстко спросил Феоктистов.

Галимханов неуверенно дёрнул плечом. Он и Бахашкин были сбиты с толку и подавлены.

– Ну, раз так, мы вас больше не задерживаем. Можете быть свободными. Пока свободными, – многозначительно сказал Феоктистов. – А на счёт татуировки – я пошутил. Идите.

Шалыч и Галимханов тяжело поднялись и направились к выходу. У входа Бахашкин отчуждённым, растерянным взглядом обвёл прибор на штативе и вышел, как оглушённый.

– Удивительно, Игорь Васильевич! – воскликнул Феоктистов, как только милиционеры вышли и закрыли за собой двери. – Потрясающе! Я чуть было не закричал от восхищения. Игорь Васильевич, какой вы умница! Примите мои поздравления. Это же переворот в криминалистике. Это ведь почище всяких детекторов лжи!

– Да, Толя, признаться, я это и хотел вам показать.

Феоктистов схватил руку доктора и с жаром потряс её.

– Я просто не нахожу слов, Игорь Васильевич. Одним словом – гениально!

– Спасибо, друг мой! И всё-таки не шибко... зазнаюсь.

Оба рассмеялись.

– Толя, вы всё поняли? Кто есть кто?

– Да! Шалыч косвенно причастен, надо полагать. Нимб над его тыквой слабый. А вот Галим!.. Ему душа убиенного жжёт макушку. Он убийца!

– Ну, вот теперь, Анатолий Максимович, дело за вами: удастся ли вам установить виновность Галимханова? Тем самым – подтвердить наш эксперимент судебным решением.

– На это, думаю, много времени не потребуется.

– Только, Толя, пожалуйста, без горячки. Тут, понимаете, нужна скрупулёзная обработка дела, деталей. Ведь ваша работа потом ляжет в основу научного доказательства. А если наше с вами доказательство будет слабым, то вся работа будет низведена на нет. Это, – показал на прибор, – останется лишь забавной игрушкой. Если ещё останется? Понимаете?

– Игорь Васильевич, дорогой, я всё прекрасно понял и разделяю ваше беспокойство. Но факт преступления очевиден, и я все детали следствия уже вижу. – Бердюгин утвердительно кивнул. – Сейчас мне нужен Вася Мизинцев. Он как, в состоянии будет со мной встретиться?

– Думаю, что да. Но говорить он вряд ли с вами сможет. Больше мычать да шипеть.

– А писать?

– Писать, пожалуй. Руки ему не отбили.

– И с медбратом тоже надо повстречаться.

– Ну, с этим проще. Его, наверное, отпустили.

– Вот это плохо. Его надо срочно перехватить!

– Я сейчас позвоню в приёмную и узнаю... – оживился Бердюгин и поспешил к телефону. Набрал номер. – Кто?.. Маячка, где Глотко?.. Уехал вместе с милиционерами. Ну что же, спасибо, Мая. – Положил трубку и повернулся к Феоктистову.

– Жаль, – проговорил Анатолий. – Тогда я пошёл к Мизинцеву.

– Я вас к нему провожу. Только уберу прибор. Кстати, подумайте, как нам его назвать?

– Как! А у вас разве нет названия? – Феоктистов подошёл к доктору и стал помогать ему.

– Есть. Но думал, может вы, что-нибудь своё подскажете.

– Я даже не знаю... Скажите, какое вы ему дали название?

– Ультрафен.

– А что?! Красиво. Вон, какие прически наводит!

Оба засмеялись.

10

В подземном переходе им встречались люди, в основном женщины в белых халатах. Бердюгин здоровался с ними, слегка кивая головой. Не заходя в “приёмный покой”, вышли к лестничному маршу. Поднялись на второй этаж. Войдя в двухстворчатую дверь, попали в холл.

– Игорь Васильевич, нельзя ли пару-тройку листиков бумаги и ручку в ординаторской прихватить? – попросил Анатолий.

– Сейчас, подождите, – Бердюгин повернул налево и по мягкой дорожке прошёл в ординаторскую.

Полы в холле были застелены ковровыми дорожками, паласами, у окна – ящики с цветами. В левом углу стоял телевизор на чёрной тумбочке. У окна, под высоким цветком, журнальный столик с медицинскими журналами, газетами, брошюрами. Справа – кожаный диван и несколько стульев. Обстановка мягкая, располагающая к отдыху. По периметру зала стояли и сидели несколько больных: у кого на руках, у кого на ногах аппараты Илизарова. Больные тёплыми взглядами встречали Бердюгина, здоровались, кивали.

Феоктистов с интересом осматривал больничную обстановку, в которой два года назад самому привелось быть в качестве пациента. В интерьере холла добавилось несколько цветов. На окнах зеленоватые портьеры.

Из ординаторской вышел Бердюгин, держа в руке листочки писчей бумаги и шариковую ручку.

Палата была четырехместная. В ней кроме Мизинцева никого не было. Он лежал у окна, и солнце, заливая ярким светом палату, согревало своими лучами больного сквозь простыню, под которой тот лежал. Мизинцев смотрел на вошедших, но бледное лицо в чёрных кровоподтеках под глазами и в ссадинах, не проявляло к ним никакого интереса.

Они подошли к кровати. Бердюгин пояснил:

– Он после уколов, местной анестезии. Пожалуйста, недолго, – и оценивающе оглядел больного.

Феоктистов понимающе кивнул и, когда врач ушёл, положил на тумбочку принесённые с собой листы пищевой бумаги и ручку.

– Привет, Васёк! – сказал он и присел к нему на край кровати. – Ну, как ты?

Мизинцев что-то хрюкнул в нос и вздохнул.

– Да-а, – сочувствующее покачал головой Феоктистов, оглядывая его. – Здорово тебя отделали. Кто так постарался? Только не говори, что это у тебя наследственное.

На глазах парня заблестели слезы.

– Ну вот, значит, я правильно понял: тебе больно об этом вспоминать. Но ещё больше будет, если ты не расскажешь, как всё произошло? Это раз. И второе – кто делал тебе столь впечатляющий макияж?

Мизинцев повернул в сторону голову, и с его глаз скатилась на подушку слеза.

– Василёк, ты не подумай, что я издеваюсь, но если ты и в самом деле будешь утверждать, что ты в пару играл с собственной головой в футбол, катал её по кафельному полу, то... – развёл в стороны руки, – извини, кроме насмешки ты ничего не заслужишь. Поэтому, давай говорить серьёзно. Договорились?

Мизинцев тупо смотрел в окно.

– Договорились, – подытожил Анатолий, принимая его молчание, как согласие. – Так вот, Василёк, дело твоё хоть и омрачено пребыванием в больнице, однако, это не так ещё страшно. Это временное явление. А вот то, что твои друзья-приятели на тебя вешают сваренного, это, браток, посложнее.

Василий повернул голову и посмотрел на следователя выжидающе. Кажется, у этого мальчика светлеет в мозгу.

– Мне кажется, что ты мне ещё не веришь? Ну что же...

Он достал из кармана рубашки два листочка из амбарной книги в полоску, развернул их и подал: читай...

Мизинцев взял показания Бахашкина и Галимханова.

Феоктистов не мешал ему, наблюдал за ним. На его лице проступило искреннее сочувствие к парню. "За что же он его так? Мясник", – подумал Анатолий о Бахашкине.

Мизинцев прочитал показания и подал листы обратно. Вновь отвернулся и тяжело вздохнул, сдерживая подступающее рыдание.

– Ну и это ещё не всё. Дело в том, что пациент ваш был трезв. Брали кровь на анализ: алкоголь отсутствует. И умер он от инфаркта. Болен он был ишемией. И то, что вы с ним проделали, привело его к смерти. Убит он вами. Кем конкретно, мне бы и хотелось установить. Если ты после этого... – показал листки, сложенные в четвертинки, – и того, что я к этому только что добавил, возьмишь вину на себя – твоё дело. Вешай себе на шею ярмо. Бери грех на душу...

Мизинцев замотал головой из стороны в сторону, выражая, как видно, протест, хотел было что-то сказать, но зафиксированные челюсти не позволили. Получился стон.

– Тихо-тихо, Василий, лежи и не напрягайся. Я так понимаю, что ты готов обо всём рассказать?.. – Василий простонал. – В таком случае, давай так сделаем. Вот тебе бумага, ручка, и ты подробнейшим образом всё изложишь. Договорились? – Парень стёр с лица слёзы. – Подняться к тумбочке сможешь?.. Ну, тогда давай помаленьку. Я тебе помогу.

Анатолий осторожно, за руку, приподнял больного, посадил и подложил под спину подушку.

– Пиши, не торопись. И поточнее, каждая деталь важна. Тебя кто, Галимка отделал?.. Нет, Шалыч? Вот шайтан! Как же ты ему поддался, Василий? Вроде парень не из выболевших?..

Из рта Мизинцева послышался шипящий звук, похожий на "жж..."

– Неожиданно?

Тот кивнул. Феоктистов усмехнулся.

– Ну, как же, начальник. Положено. Вы ж у него крепостные. Ударил по правой щеке, подставь левую. Уважить надо, а то как же. Я заметил на его казанках сбитые места. Бил насмерть.

Мизинцев произвольно издал стонущий звук.

– Хорошо-хорошо, не буду. Пиши. Я пока пойду, покурю. Кстати, у тебя есть курево?.. Я тебе оставлю.

Достал пачку "Радопи", одну сигаретку выдернул себе, пачку бросил на тумбочку.

– Вот. На сегодня хватит, а там, поди, друзья-сотоварищи позаботятся.

По телу Василия прошла холодная дрожь, он поёжился.

– Ну, пиши, не буду мешать.

Анатолий ушёл. Мизинцев нехотя взял ручку.

11

Феоктистов заглянул в ординаторскую, спросил:

– Я могу видеть Игоря Васильевича?

Ему ответил молодой доктор.

– Он у завотделения Пежемского.

Анатолий прошёл дальше по коридору. Открыл следующую дверь с дощечкой под стеклом “Заведующий отделением”.

В кабинете находились двое: заведующий, почтенного возраста человек с пышной курчавой шевелюрой, приплюснутой сверху плешинной, и Бердюгин. Игорь Васильевич, завидев Анатолия, поднялся и пошёл ему навстречу.

– Что у вас? – спросил он, прикрывая за собой дверь.

– Пишет, – ответил Феоктистов, кивнув на палату. – У меня к вам просьба, Игорь Васильевич. Поскольку у меня появилось время, не могли бы вы организовать мне телефончик? Но так, чтобы я мог поговорить без свидетелей.

– Понимаю. Пойдёмте к старшей медсестре. Она человек с понятием, я думаю, разрешит.

По мягким дорожкам прошли вглубь коридора к окну. Бердюгин постучал в дверь, на которой была прикреплена дощечка “Старшая медсестра”.

– Да, войдите, – послышался женский голос за дверью.

Мужчины вошли. В кабинете за столом, повернувшись к вошедшим, сидела женщина средних лет. На голове возвышался высокий русский шиньон. Он делал её старше, серьёзнее, как заметил Анатолий, – монументальной женщиной. Наверное, гроза всего медперсонала.

– Клавдия Сергеевна, познакомьтесь. Следователь уголовного розыска, Феоктистов Анатолий Максимович.

Женщина кивнула и продолжила смотреть на доктора.

– Клавдия Сергеевна, пожалуйста, не в обиду...

– Нужен телефон? – перебила женщина. – Пожалуйста.

Она поднялась, кивнула следователю на телефон и, взяв Игоря Васильевича под руку, вместе с ним вышла из кабинета.

Феоктистов достал записную книжку и, подойдя к столу, снял трубку телефона. Набрал номер.

– Аллё, это ЛОУТ?.. Пожалуйста, Шпарёву Юлию Петровну... Ах, это вы. С вами говорит старший следователь уголовного розыска, капитан Феоктистов Анатолий Максимович, – он присел на стул.

– Очень приятно. То есть слушаю, – послышался в трубке торопливый голос.

– Я звоню вам по поводу вашего заявления. С того времени, как вы подали его и до сего дня, у вас что-нибудь изменилось?

– Нет.

– Значит, заявление остаётся в силе?

– Да-да, пожалуйста! Я прошу вас, – Шпарёва, похоже, прикрыла трубку рукой, голос стал звонче, вибрирующий, готовый сорваться на рыдание.

– Юлия Петровна, спокойнее...

– Хорошо-хорошо.

– Юлия Петровна, мне необходимо встретиться с вами.

– Когда угодно... Но желательно не на работе.

Феоктистов посмотрел на часы на руке.

– Сейчас шестнадцать двадцать. Вы, до какого часа работает?

– До восемнадцати.

– Если не возражаете, то давайте в часу, скажем, седьмом, и... – и, сам того не ожидая, предложил: – у вас дома, удобно?..

– Да, вполне. Я в половине седьмого постараюсь быть, и буду вас поджидать. Подходите.

– Договорились. Я с вами не прощаюсь.

Феоктистов положил трубку и болезненно поморщился: зачем?.. Перед глазами вновь возникла славненькая девчушка в коротенькой юбочке, с загорелыми ножками, по которым... Он тряхнул головой, но наваждение не проходило. Виноватые влажные глаза, доверчивая, мягкая улыбка... Он глубоко вздохнул. "Совсем девчонку засмущаю. Может притвориться, сделать вид, что впервые вижу?" – спросил он себя и забарабанил пальцами по столу. И хоть испытывал смущение за своё неожиданное решение – появится у девочки дома – подсознательно же его влекло к ней, и этому импульсу он не смог противостоять. Какое-то наваждение...

12

В палату вошёл Бахашкин. Он был в белом халате, накинутом на плечи. Вошёл тихо, словно подкрадывался или изображал из себя виноватого и покорного зверя.

Мизинцев обернулся на слабый стук двери и испуганно засуетился, хотел было спрятать листы в тумбочку, и это ему почти удалось. Однако Бахашкин заметил его суетливость, насторожился.

– Прифет, Васса!

Тот достал из-под себя подушку, положил её в изголовье и прилёг. На приветствие Шалыча не ответил.

Шалыч с кошачьей осторожностью подошёл к кровати, посмотрел оценивающе на Василия. На смуглом лице посетителя не промелькнуло и тени сочувствия. Однако он заботливо спросил:

– Ну, как ты, Васса?.. Вот пришёл тебя попрафедать. Принёс тебе тут кое-чо. – Показал сетку. В ней находилась литровая банка томатного сока, две бутылки «нектара» с мякотью, две плитки детского шоколада и несколько пачек дешёвых сигарет "дымок".

– Тебе куды это все положить, а?..

Шалыч наклонился к тумбочке. Вася резко приподнялся на локоть, намереваясь рукой придержать верхний ящичек. Однако рука Бахашкина преодолела её сопротивление и открыла ящик. Он увидел исписанные листы. Запустил руку вовнутрь, сгреб их в горсть, и отшагнул к окну. На подоконнике аккуратно кулаком разгладил, поднял к глазам писанину и начал читать. Он загородил собой солнечный свет, и на Мизинцева ложилась его тяжёлая тень.

Василий со страхом следил за Шалычем. Глаза его тревожно бегали по палате, ища защиты, натыкались на дверь, поджидая Феоктистова. Наконец он сбросил с ног простыню и, перекатившись через соседнюю кровать, попытался выскочить из палаты.

– Стой, сабака! – послышался сзади резкий голос Шалыча, и стук сапог.

Бахашкин настиг Мизинцева у двери и, схватив за пижаму за шиворот, рывком дёрнул назад. Вася, едва не падая, провыл что-то, пытаясь звать на помощь. Шалыч зло ткнул ему в спину кулаком, и тот, пробежав по палате, спрятался за свою кровать. От страха он потерял над собой контроль и ещё немного полез бы под кровать. Бахашкин вновь поймал его за шиворот.

– Васка, ты пошто такой дурак, а?.. Большой, а соображая нету.

Он ещё раз ткнул его, но уже в грудь, и Василий упал на кровать. У Бахашкина, и без того плоское смуглое лицо потемнело ещё больше, и казалось, округлилось, в щёлочках узких глаз засверкал дикий блеск. Мизинцев с ужасом смотрел на него.

– Васса, мы с тобой как дагаваривались, а?.. Я тебя об чём просил, а?.. Ты меня што, живьём закопать хош, да, гнида?.. – шипел Бахашкин. Он медленно присел на кровать и обеими руками, как коршун, нацелился на горло Мизинцева.

– Нет! Нет!.. – сипел стянутыми челюстями Вася, пытаясь выползти из-под Шалыча.

Короткие толстые пальцы на мгновение замерли над лежащим, потом собрались в кулаки. Один из них опустился на голову парня.

Палата встряхнулась, и потолок навалился на больного...

Мизинцев пришёл в себя от боли в челюсти, от шлепка по щеке. Шалыч приводил его в чувства.

– Ва-аска, извини, не хотел я. Прасти, дарагой. Совсем нерва ни к черту... Совсем больным сделался... – бормотал Бахашкин чуть не плача. – Вот работа, пропадай она в пропасть. Васка, прасти, а? Я ж тебя люблю, сабаку такую. Ты вспомни, как я тебя любил, а? Тебя больше, чем Сашку. Тебе и карманных старался больше давать. Так, да?.. Я себе того не отстегивал, што тебе отдавал. Вот честна слово! – приложил руку к груди... – Любил я тебя, ага. Ну, побил

маленько, так это не со зла, однаха, нерва. Ох-хо! – вздохнул тяжело. – Пойми меня, однаха. Не хотел я. Получилось так... Дома папа, бывает, тоже побьёт детей, так и што? На каждый поджопник внимания обращать, да?.. Злиться, да?.. Заживёт, Васка, и мы опять будем вместе работать. И я опять тебя любить буду. И получать ты теперь больше будешь, чем раньше получал. А? Васса?.. Зачем на меня пишешь рапорт, а? Неужто у тебя совсем совесь пропала, а?.. Вспомни, как ты ко мне просился, а? Я ить тебя принял. А мог бы и другова, аха. Вас вона сколь желающих на рупь дармовой. Худо ли по окладу, а то и боле ишо прирабатывать, а?.. Пьяных-то вона сколя в городе. За месяц сотни-полторы, и по десятке с каждого хотя б, а? Однаха, неплоха, а?.. Васка! Будь и ты шеловеком, а?.. Не пиши, не надо. Давай я это порву, а ты больше не пиши, аха? – Бахашкин скомкал листочки, сломал ручку и все это засунул себе в карман бридж. – Так она лучше будет, аха?.. Но-о, Васса, если ты будешь сукой, я тебя... как паута: на шею петлю надену, а в жопу соломку вставлю. Ох, и высоко ты у меня запорхаш.

Бахашкин закрутил указательным пальцем и повёл рукой снизу вверх, изображая полёт насекомого. На грубом лице бурята промелькнула шальная усмешка. Мизинцев закрыл глаза.

– Так ты, Васса, понял об чём я прошу, а?

Мизинцев согласно затряс головой.

– Смотри, паря, если што, я тебя везде найду... Говори всем, што падал. Лицом об кушетку, об пол убился. Темно было, туман был, плохо видел. Аха, а?

Мизинцев тряс головой. Но глаза его постоянно косились на дверь. Он ожидал появления Феоктистова, того же, как назло, не было. Вот так всегда!..

Василий боялся. Очень боялся. Но даже ни самого бурята, а боли. Ту, которую он пережил, ему хватит до гробовой доски. А Вася до жути не хотел её повторения. Ему нужна передышка, и он готов её заполучить любыми способами: унижением, слезами, согласием на любые сделки. Но уж потом... Потом будет праздник и на его улице. И уж какой праздник!

Он уже представлял, что первый выстрел из пистолета он сделает буряту в правую ключицу. Шалыч первый удар нанес правой рукой. Второй выстрел – в ногу, и тоже в правую. И третий, контрольный – в голову. Но последний после того, как насладится его муками...

– Ну, раз так, то вот: пей, ешь, кури, – обрадовано заговорил Шалыч. – Мало будет, я потом ишо принесу. Я скоро потом приду, аха, попрафедую... Саша тебе прифет передавал, однаха, забыл было. Совсем с ума с вами выжил... Ну, ладно, я пошёл. Машину нельзя долго держать, понадобится скоро может. Вечер скоро, ага. Работать надо. И за тебя трудица будем, аха. Деньги зарабатывать. Выдешь с больницы, а у тебя уже вот такой карман будет.

Шалыч поднял ладонь над карманом галифе и, показав ею окружность над ним, засмеялся ободряюще. Желтые зубы сверкнули в оскале. Подхихикивая, словно сбредивающий пёс, взял в обе руки безвольную руку Мизинцева и, осторожно потрясывая её, попрощался:

– Пока, Васса. Не скучай и паправляйся. А на меня не сердиса. Я побил, я и пожалею. Будь хорошим шеловеком, а не сабакой, и я к тебе буду хорошим. Я ить тебя, как сынка полюбил, аха.

Он наклонился, готовый поцеловать парня, но передумал.

– До свидания, Васса. Лечиса.

Ушёл косолапой, покачивающейся походкой, словно с тяжелой ношей на плечах.

Солнце ослепило бледное лицо Мизинцева, его слезившиеся глаза, подрагивающие губы. Он с облегчением вздохнул.

13

"Так. Вернёмся к нашим убийцам. Что-то я хотел?" – мысленно спросил себя Феоктистов.

Взгляд его был направлен на репродукцию с картины Васнецова, что висела на стене над столом. На ней добрый молодец увозил девицу на сером волке. "Хороший волк, в любви знает толк..." – усмехнулся сам себе, – поэт! – взгляд его опустился на календарь, напечатанный ниже картины, и остановился на цифре тринадцать. Тринадцатое... Мнда, веселый денёк, ничего не скажешь.

Достал записную книжку из заднего кармана брюк и стал просматривать её. На страничке с пометкой «медвытрях», нашёл запись и оживился.

– Ага, позвонить в ЖЭК! – снял трубку и набрал справочное города. После справочного, набрал номер ЖЭКа.

– Аллё! С вами говорит старший следователь уголовного розыска, капитан Феоктистов. Девушка, будьте любезны, скажите, какой участок обслуживает район, где располагается медвытрезвитель?.. В таком случае дайте мне номер телефона главного инженера... Ну, хорошо. Начальника ЖЭКа. Так... – записал. – Спасибо, – хотел было вставить какую-нибудь шутку, комплимент секретарше, но в трубке запикало. – Хм, как автоответчик...

Набрал новый номер. Длинные гудки. Положил трубку и вновь стал листать книжку. Наткнулся на запись – "утопленник".

– Вот черти! Совсем утопленника выбили из головы.

Поднялся и быстрым шагом вышел из кабинета.

В коридоре стояли две женщины: старшая медсестра и незнакомая женщина в белом халате.

– Клавдия Сергеевна, где сейчас Игорь Васильевич? – спросил он.

– Спустился вниз. Наверное, в анатомке, – ответила хозяйка кабинета.

– У вас есть её номер телефона?

– Да, там в справочнике. По местному, сангородскому.

Феоктистов поспешил обратно в кабинет. Отыскал на столе между бумаг справочник. Нашёл в нём нужный номер.

– Игорь Васильевич, извините. Я совсем забыл, у меня ведь ещё к вам есть дело. К вам сегодня привозили утопленника?.. Так. Что вы можете сказать по нему?.. Так. А где он сейчас, в холодильнике?.. Это какой день пошёл, как он умер?.. Ага, Игорь Васильевич, а что если сейчас на нём продолжить наш эксперимент?.

И услышал встревоженный голос Бердюгина.

– Толя, если у вас есть время, то спускайтесь сюда. Здесь поговорим. По телефону не надо.

– Хорошо! Бегу. Только сделаю один звонок.

Но телефон начальника жилищно-коммунального участка молчал. Феоктистов с сожалением положил трубку и направился из кабинета.

14

В анатомке его поджидал Бердюгин. Он был одет в тёплый синий байковый халат.

– Вам, Толя, придётся одеться потеплее. В холодильнике прохладно.

Снял с вешалки такой же, как на нём, халат и подал Феоктистову. Прошёл к сейфу, открыл его и достал футляры с приборами. Анатолий без напоминаний взял туб, и они направились из кабинета.

Неоновый свет, льющийся с потолка, освещал холодильник. Большое, облицованное кафельной плиткой помещение. На широких лежаках лежали три трупа, двое мужчин и одна молодая женщина.

У всех на животах большие продолговатые после операционные шрамы. Они были сшиты нитками.

На свободном лежаке доктор смонтировал ультрафен, подключил его к батареям, лежащим в кармане.

Анатолий стоял и смотрел с сочувствием на труп женщины.

– Жаль. Молодая... Могла бы сколько нарожать. А сколько принести радости мужикам. Муж-то есть?

– Не знаю. Наверное. Кто-то же принёс для неё одежду. В пять часов должны забрать. Кстати, я Филипповича отослал, скоро должен вернуться. Поторопиться надо... Берите ультрафен. Смотрите... Вон, на дальнем лежаке, посиневший...

Феоктистов поднял прибор и направил его на труп. Над ним было точно такое же оранжевое свечение, какое он видел над обваренным, только вдвое выше, и пульсация более ритмичная, глубокая. Над головой нет красного оттенка и “сердце” лишь слегка потемневшее. Под потолком висел грустный образ утопленника.

– Что видите? – спросил Бердюгин.

– Если верить вашей гипотезе, то этот человек может винить только себя. Он погиб по собственной инициативе. А вот свечение над ним выше и тревожнее.

– Да, уже третьи сутки пошли, как он погиб. Скоро душа покинет его.

Феоктистов перевёл прибор на женщину, и его внимание задержалось на ней дольше. Интерес вызывала не только её душа, но и тело, безукоризненные формы его: лицо, длинная шея, покатые плечи, округлые груди с торчащими вверх тёмными сосками, гладкий живот, обезображенный швом, ровный бритый лобок с трещинкой, уходящей в промежность длинных красивых ног.

– Как жаль... Как жаль, – вслух сказал он о женщине.

Красоту женщин Анатолий понимал и умел ценить...

Свечение над её трупом трепетало, «сердце» было тёмным и у пяток и над головой висело красноватое облако. Душа её находилась в печали и возмущении.

– А вот эту красавицу убили... – сказал Анатолий.

– Да, акушер какой-то, надомник.

– За такую женщину я не знаю, чтобы с ним сделал... – с чувством проговорил он. – Глаз на пятку натянул, как читать, так разуваться.

Бердюгин усмехнулся.

– Ничего каламбур, мстительный.

– Да, Михалёв что-нибудь за выдумает.

В коридоре послышались шаги.

– Толя, это Филиппыч! – забеспокоился Бердюгин. – Ему обмывать, одевать трупы. Может сейчас войти сюда.

Феоктистов передал прибор Игорю Васильевичу. Сдернул с себя халат и накинул его на прибор. Взял его из рук доктора вместе с ультрафеном. Бердюгин вынул из кармана халата батареи и все это Анатолий осторожно упаковал в халат.

– Игорь Василич! – послышалось за дверью.

– Ойюшки! Филиппыч, я здесь. – И Феоктистову: – Вы сейчас выйдите и подождите меня.

– Хорошо. – Помедлив, Анатолий спросил: – Игорь Васильевич, можно я с ним... – показал взглядом на прибор, – поднимусь к Мизинцеву? – почти шепотом добавил, – полную тайну гарантирую. Только заультрафеню и назад...

Бердюгин поморщился недовольно. В другой момент он бы категорически запретил использовать ультрафен за пределами морга и без его участия. Но тут был захвачен врасплох появлением Филипповича.

– Он ничего и не поймёт! – настаивал Анатолий.

Открылась дверь, и вошёл маленький, лет шестидесяти человек в двух халатах: в белом и поверх – байковом, синем.

– А-а, Толя, привет! – протянул сухую жилистую ладонь. Кивнул на труп женщины. – Не твоя ли красавица?

– Нет, Филиппыч, не моя.

– Гарная дивчина. Не убереглась, голуба. А ты за кем пришёл? – показал глазами на сверток в его руках.

– Нет, Филиппыч, ни за кем. Это по другому назначению... Ну, я пошёл, Игорь Васильевич?..

Доктор кивнул, но лицо его выражало недовольство, несогласие с затеей Анатолия.

– Я мигом!

Феоктистов выскочил из холодильника и едва ли не бегом устремился по подземному переходу.

15

В палате кроме Мизинцева находилось ещё двое больных. Оба с аппаратами Илизарова. У одного на руке. У второго на ноге, выступающий сквозь натянутую на него пижамную брючину. Больные лежали на кроватях.

Вбежав в палату, Феоктистов остановился.

– Мужики! – обратился он к больным. – Простите, извините, но будьте так любезны, выйдите на минуточку. Я следователь, и мне – ой как надо – с этим больным переговорить с глазу на глаз.

Положив на стол халат с ультрафеном, достал из заднего кармана брюк служебное удостоверение.

Больные переглянулись и с неохотой поднялись. Тот, у которого аппарат был на ноге, ушёл на костылях.

Феоктистов переложил сверток на освободившуюся кровать и стал разворачивать. Достал ультрафен. Все проделывал в спешке, молча, и оттого его действия вызывали тревогу у Мизинцева.

– Вася, не бойся. Это не смертельно...

Анатолий, спрятав батарейки в карман брюк, поднял ультрафен, настраивая резкость, стал подходить к нему ближе.

Над головой Василия алел слабый оранжевый нимб.

– Вася, ну-ка поверни бестолковку.

Мизинцев обиженно хмыкнул, но команду выполнил, повернулся к окну.

– Хоп! Готово. Спасибо, Васёк. Этот эксперимент тебе только на пользу. Можешь считать – твоё алиби, – говорил Анатолий, упаковывая аппарат. Уже со свертком подошёл к кровати Василия. – Ну, как, Вася, написал? – спросил о рапорте.

Василий промолчал, отводя глаза в сторону.

– Что, ещё не готово?.. Ну, парень, за это время, пожалуй, роман можно было бы настроичить.

Мизинцев тяжело украдкой вздохнул.

– Вась, я что-то не пойму. Ты писал или не писал?

Василий отрицательно pokrutil головой.

– Почему? – спросил Феоктистов обескуражено. – Ты что спал или?.. – И тут взгляд Анатолия наткнулся на подарки, оставленные Бахашкиным. Они лежали на тумбочке не тронутыми. На лице промелькнула догадка. – У тебя кто-то был?

Василий не ответил.

– Ты что, решил в молчанку отыгаться? Так что ли?.. Нет, паренёк, не та ситуация. Говори, кто был?

У Васи заслезилась глаза, и он попытался повернуться на бок, укрыться простынею.

"Тебя-то где чёрт носил? Не мог прийти раньше!.." – с обидой и злостью подумал он.

– Слушай, Вася, ты уже не мальчик. Двадцать четыре годика, мужчина. Давай по-мужски и говорить, – Анатолий потянул с него простыню, приседая к нему на край кровати. – Говори, кто был: Галим, Шалыч? Ну?..

Мизинцев стёр с глаз слёзы и поманил Феоктистова к нему наклониться. Зашептал. Говор его был едва понятен.

– Я сам с ним разберусь, – перевёл его шипение Анатолий. Мизинцев закивал головой. – Как только выйду на работу... отсюда.

– Ага, по-онятно, – отклонился от него следователь. – Но только я тебя вынужден огорчить, орёлик. Ты из больницы попадешь не на работу, а в капезе. У меня есть все основания

ходатайствовать о твоём аресте, как опасного преступника. Не веришь?.. Вот смотри, – и стал на пальцах считать, загибая их. – Насмерть вами, а вернее, тобой забитый человек – раз. Показания твоих коллег-приятелей – два. И твоё личное признание – три.

Мизинцев отрицательно закрутил головой.

– Что, не так?.. Тогда говори, кто у тебя был?

Мизинцев прошипел: ша-ыш...

– Бахашкин? Так, понятно. В общем, так Василий. Я помогу тебе выкрутиться. То есть ты, конечно, понесешь наказание, какое заслуживаешь. Может, тебя из милиции турнут на вольные хлеба. Возможно, годик-другой химии припаяют, или условно. Но чтобы наказание было именно то, какое ты заслуживаешь, по тяжести содеянного и не более. А оно будет таким только в том случае, если ты сам того захочешь. Иначе десятку можешь себе наварить. Преступление правовое, служебное. Понял?.. Для этого ты, не смотря ни на что, напишешь мне всё, что произошло в медвытрезвителе, и только правду. А нет... – развёл в сторону рукой, выражая тем самым сожаление. – Так что решай сам. Сегодня я к тебе больше не приду, нет у меня времени, чтобы только с одним тобой возиться. Приду завтра, возможно, послезавтра. Не будет показаний, пеняй на себя. А сейчас, пока.

Феоктистов поднялся. Оценивающе посмотрел на подарки и усмехнулся.

– Что-то не больно-то твой начальничек щедрый. Сигареты купил такие, какие не всякий бич курить станет. Видать, не хватило премиальных на приличные? Не ценит тебя Шалыч, не ценит. Хм...

Ушёл из палаты со свертком. Мизинцев, оставшись один, расплакался.

16

Бердюгин встретил Анатолия в беспокойстве. Он уже не находил себе места.

– Толя! Ну, разве так можно?!. Вы погубите всё дело на корню. Нельзя же так безответственно относиться!..

– Не волнуйтесь, Игорь Васильевич! Всё прошло тихо и шито-крыто. Никто ничего не видел. Один Мизинцев в палате был. Да и то ни о чём не спросил. Ему сейчас не до аппарата.

– Вы уж очень долго отсутствовали. Я хотел было за вами бежать.

Бердюгин закрыл кабинет на ключ. Принял от Феоктистова прибор в халате. Недовольство его ещё не улеглось, и он разборку ультрафена проделывал сам на столе. Уже подходя к сейфу, спросил:

– Что случилось?

– Да эти мерзавцы приходили. Припугнули парня. Лежит с мокрыми глазами, обставленными фингалами. Беспомощный, как ребенок.

– Да... Ну, а что выяснилось? – Бердюгин кивнул на прибор, ставя футляры в сейф.

– Похоже, он соучастник, и в такой же мере, что и Бахашкин. Над ним нет рассерженной души. Маленький, но соучастник. Но они сделают из него козла отпущения. – Анатолий подсел к телефону. – Игорь Васильевич, я сделаю звонок?

Тот кивнул.

– Алле, это ЖЭК?.. Наконец-то. А кто у телефона?.. Вас беспокоит старший следователь уголовного розыска, капитан Феоктистов. У меня к вам имеется один вопрос. Скажите, вы сегодня проводили ремонтные работы на трубопроводах холодной и горячей воды, поступающие в медвытрезвитель?.. Нет?.. А может в соседних домах?.. Тоже нет. Хорошо. В таком случае подготовьте, пожалуйста, справку... Да, именно такую. Завтра в течение дня я или кто-нибудь из наших сотрудников к вам подъедем... Вас не будет!.. Хорошо, оставьте у паспортник.

17

Бахашкин был взбешён. Смуглое лицо было мрачным. Встревоженные глаза – злыми. Сопел так, как будто в нос ему вставили свистки от детских резиновых игрушек. Галимханов, вырвав со стоянки сангородка на дорогу, идущую вдоль трамвайной линии, бросал на него косые взгляды.

– Ты чего? – спросил он. – Нашатырки нюхнул?

Тот ещё больше засопел и его, как прорвало, стал страшно материться, собирая всех святых и грешных в кучу.

– А-а, сабака! Падаль! Он, ить, нас с говном продал! Во! Видел? – Бахашкин выдернул из кармана листы. – На двух бумагах накатал! Графу написал, ты понял? И не он вовсе включил горячу воду, а ты!

– Я?!. Не помню... – с нарочитой растерянностью пробормотал Галимханов.

– Не помню... – передразнил его Бахашкин. – Тут одна из двух: или он включил, или ты.

– А может есть третий, а?

– Какой?..

– ЖЭК. Он мог выключить холодную воду...

Бахашкин промолчал. Подъехали к перекрестку, где находились техучилище, аптека и столовая № 5. Приостановились у светофора. Потом машина, обогнув столовую по описанному кругу, устремилась по улице Восточной на окраину города к медвытрезвителю.

– Слушай, Сашка, ты как с графом живёшь? – вдруг спросил Бахашкин.

Сашка пожал плечами.

– Да так... Раньше вроде бы ничо, а счас сам вишь как.

– Надо сделать так, Сашка, шtbody он это дело замял. Или отдал его прокуратуре.

– А что это даст?

– Я с братом двоюродным свяжусь. Шас же. Он теперь большой шеловек, в прокуратуре Улан-Удэ работает, прокурором. Кстати, он начинал там работать ещё со времен Блатштейна Якова Абрамовича.

– О-о!..

– Ага. – Шалыч оживился. – Они и счас хорошо друг к другу относятся. Уважают друг друга.

– А што, Блатштейн разве в Улан-Удэ был? В прокуратуре работал?

– Работал, Сашка, работал. Да ишо как работал. Он ведь первым прокурором в Бурятии был при товарище Сталине. Понял, первым!.. – сделал многозначительный жест, подняв вверх указательный палец. – На всю республику. Ево до сих пор там помнят.

Галимханов понимающе кивнул: "Наломал, видать, дровишек..." – но глаза его тоже засветились надеждой.

– Так надо, шtbody граф отдал это дело прокуратуре. Или б совсем свернул. Для нас это надо, понял?

– Понял, Шалыч, понял. Попробую. Но и ты не спи, действуй. Крути своего брательника. Медвытрезвительский воронок, миновав город, свернул в свой проулок.

За столом дежурки сидел медработник Глотко и заканчивал разговор по телефону.

– Кто звонил? – спросил Бахашкин, войдя.

– Феоктистов, следователь, – ответил Глотко, положив трубку.

– Што ему?

– Да шо, это, просит, шtbody я завтра к нему явился к десяти часам в квартал "А". Повестку выпишет на месте.

- Сказал зашем?
- Да не. Поговорить хочет.
- Поговори-ить, – передразнил Галимханов. – Он с тобой там наговорит лет... на пять. Глотко непонимающе посмотрел вначале на него, потом на начальника.
- Пациент-то наш, оказывается, трезвым был.
- Ой-ёо!..

18

– Мапочка, ты представляешь, что сегодня со мной приключилось?..

Юлия Петровна, открыв своим ключом дверь, входила в квартиру.

Анечка услышала мать еще за дверью, по движению ключа в замочной скважине, и поспешила ей навстречу. Она с нетерпением ждала её прихода с работы.

Юлия Петровна положила связку ключей в сумочку, которую повесила под полочку детской вешалки.

– И что же? – спросила она заинтересованно, почувствовав необычное возбуждение дочери.

– Ко мне пришли месячные!

– Наконец-то! – с облегчением вздохнула мать и обняла дочь. – Как ты меня порадовала. Прямо гора с плеч. Поздравляю! Теперь ты совсем здоровая и взрослая. – Она поцеловала дочь в голову.

Столь долгое отсутствие месячных у девочек явление крайне редкое, и для Ани наступал критический срок, после которого потребовалось бы хирургическое вмешательство с нелегкими последствиями для девочки. Тут было из-за чего волноваться.

– Да, но ты не представляешь, в какой конфуз я с ними попала! – голос дочери с радостных интонаций снизился до шёпота, до всхлипывания. – С утра пораньше мы поехали с Ленкой, с Нинкой и с Сережкой на водоохранку, позагорать и покупаться. Ну и купались, и позагорали. А потом мне начало низ живота резать. Ну, думаю, порежет-порежет и пройдёт. Сколько раз уж так было. А оно нет. Всё сильнее и больнее. Словно мне ерша кто в воде туда запустил. Прямо спасу нет, до слез. Потом как будто бы оторвалось что-то, и мне в плавки!.. Я чуть было от стыда не сгорела, когда Ленка сказала, что у меня на них пятна красные. Как стыдно было Сережку. Я бегом по дамбе к остановке автобуса. А автобуса нет!.. В кусты там забежала, травой давай обтираться. Думала, всё успокоилось, до дома доеду. А это дело, оказывается, за один приступ не заканчивается. В автобусе из меня опять, как из ведра. Мапочка, какого я стыда натерпелась!.. – Аня прикрыла лицо руками и уткнулась матери в плечо. – В автобусе надо мной смеются. Пацаны хохочут, тетеньки отворачиваются. А я... а я ничего поделять не могу с этим делом. Ноги сжимаю...

Юлия Петровна, сочувствуя и переживая за дочь, прижала её голову к себе. У неё выступили слезы на глаза.

– Бедняжка, представляю, каково же тебе было.

– Тетеньки отворачиваются... мальчишки смеются, хихикают...

– Что поделаешь? Дикий у нас народ. Над вполне естественными явлениями смеются. Успокойся. Пойдём в комнату присядем.

Юлия Петровна, переобувшись в тапочки, повела дочь в зал. Присев вместе с матерью на диване, Аня кулачками стерла мokrоту с глаз и продолжила:

– Хотела уж из автобуса выскочить и пешком, десятой дорогой от города до дому бежать. Тут какой-то молодой человек в квартале "А" сел в автобус. Так он их успокоил, прищипнул на них. Снял с себя майку и мне дал. Загородил меня своей рубахой. Он и майку мне оставил. Вон она висит, на балконе. Я её постирала.

– Он что, зайдёт за ней? Ты дала адрес?

– Да. Он сказал, если время будет, то забежит. А нет – так оставил в подарок. Ой, мамочка, я хоть потом в трамвае, а потом домой без страха бежала. Как стыдно, мамочка... Если бы не он, я прямо не знаю. Умерла бы, наверно...

– Представляю... – с сочувствием проговорила мать. – Спасибо ему. Видать, умный человек. Дай Бог ему здоровья.

Они какое-то время ещё посидели, наполненные переживаниями. Поплакали. Потом посмеялись.

Полосатая майка-тельник покачивалась за окном на ветру на балконе.

19

Автобус восьмого маршрута был переполнен, оттого шёл медленно, натужно покачиваясь и скрипя, жёстко постукивая амортизаторами на неровностях. За окнами проплывали дома, стоящие вдоль проспекта Карла Марса, гостиница «Саяны», площадь Ленина, универмаг – массивный, серый. За ним Агентство "Аэрофлота".

Дважды тряхнуло до сотрясения в мозгах на перекрестке с улицей Школьной, переименованной в ул. Файзулина, где слева, качаясь, проплыл ресторан «Кедр», располагающейся на первом этаже белокаменной гостиницы «Сибирь». Напротив неё – кинотеатр «Мир», за которым проходила улица Чайковского, – улица освобождения из душегубки разморенных существ.

Хоть в автобусе окна были открыты, однако в нём стояла жара, тела пассажиров раскалены, словно каждый из них представлял нагревательный элемент: прикоснись – ожжёшься.

– Остановка "Парк Строителей", – послышался хриплый, видимо распаренный от жары, мужской голос водителя из репродуктора.

Анатолий выскочил из автобуса, как из стерилизатора, оттянул на груди и на спине прилипшую к телу рубашку. Без майки, тельника, полотно рубахи прилипло к телу плотно и не приятно.

Фу-у, жарища!..

На улице лёгкий ветерок приятно обдувал тело, и казалось прохладнее.

По улице Чайковского, широкой, с двухсторонним движением, с трамвайными линиями по середине, автомашины проходили с прицокивающим шуршанием шин по нагретому асфальту. Большегрузные машины сопровождал такой шум, как будто на их колеса были надеты металлические цепи.

Анатолий с группой пассажиров, вышедших из автобуса, перешёл на левую сторону улицы и пошёл по тротуару, мимо ателье по ремонту бытовой техники, букинистического магазина, почты. После рабочего дня тротуары были переполнены пестреющей людской массой. Кто-то забегал в ателье, на почту. Кто-то, пополняя домашние библиотеки, – в "Букинист".

Но большая часть народа устремлялась к продовольственному магазину «Радуга», затачивать свои авоськи хлебом насущным, а если удастся, то чем-нибудь и из мясных изделий – последние годы почему-то в этих видах продуктов становится всё острее ощущаться дефицит, как впрочем, и на продукцию книгоиздательства.

Вдоль тротуара, с обеих его сторон, стояли густые ряды акаций немного ниже человеческого роста, увешенные жёлтыми соцветиями цветков, как гирляндами. Феоктистов шёл к панельным пятиэтажным домам «хрущёвкам». Их было три, и все они выходили на улицу торцами. Он шагал, испытывая в себе смущение и в то же время желание увидеть девчущку, с которой так необычно его свела сегодня судьба. Девчонка, как девчонка, малолеток, ребёнок, чуть старше сестрёнки Леночки... Он свернул к среднему дому и пошёл вдоль подъездов, приглядываясь к дощечкам с номерами квартир над их дверями. Свернул в один из них и, не торопясь, стал подниматься по лестничному маршу.

Поднявшись, постоял на площадке...

"Но мы-то здесь по долгу службы!"

Щелкнул пальцами и вдавил кнопку звонка.

20

Дверь открыла женщина. Слава Богу, не Анечка!

Женщина была в цветастом в розах переднике поверх платья. Русоволосая, лицо овальное, приятное, даже красивое. Годы былую прелесть ещё не пригасили. Она была среднего роста, лет сорока и довольно стройная, что в таком возрасте сохранить не всем женщинам удается. Спросил:

– Вы Шпарёва, Юлия Петровна? – женщина кивнула. – Здравствуйте. Я из уголовного розыска, капитан Феоктистов. Я вам сегодня звонил на работу, – Анатолий показал удостоверение.

– Входите, пожалуйста, входите...

Юлия Петровна посторонилась, и следователь шагнул в узкий коридор, который стесняла ещё и прихожая, состоящая из высокой тумбочки-колонки светлого дерева; из «взрослой» вешалки с верхней летней одеждой, где висели ветровки и болоньевый голубой плащ; и «детской», пониже. В помещении стоял вкусный запах жареной картошки, принесённый сюда из кухни самой хозяйкой. У Анатолия подвело желудок, проснулось острое чувство голода, – он сегодня даже не обедал.

– Мама, кто там? – послышался девичий голосок из кухни.

– Это следователь из милиции.

Феоктистов поспешно прошёл в большую комнату-залу, куда ему войти предложила Шпарёва. Он на доли секунды приостановился на пороге, оглядел комнату.

В зале стояли: тёмной полировки гарнитур, в нишах – книги, и на одной из них, в середине, стоял крейсер в миниатюре с надписью на борту – «Варяг». За стеклянными дверцами шкафчиков – посуда, хрустальная, фарфоровая; в углу у окна на тумбочке – чёрный телевизор; стол у стены и на нём, на середине, на красиво вышитой салфетке – стеклянная ваза с тремя тюльпанами.

Напротив входной двери диван, покрытый тёмно-вишнёвым гобеленом, под цвет мебели, над ним со стены свисал почти такого же цвета большой ковер. Диван дальним краем подпирал створки «тещиной» комнаты, то есть кладовочку.

Феоктистов прошёл к столу и, выдвинув стул из-под него, спросил:

– С вашего позволения?

– Пожалуйста, – Юлия Петровна вдруг почувствовала подступающие слёзы. – Я сейчас, – и вышла из комнаты.

И тут же заглянула Анечка. Увидев своего спасителя у себя дома, оторопело замерла в дверях.

– Вы!.. – сдавленно воскликнула она, и лицо её осветилось радостью и смущением.

Он непроизвольно тоже улыбнулся и понял, что выдал себя. Теперь уже бесполезно притворяться незнакомцем. Да и то, с какой радостью было воспринято его появление здесь, просто обезоружило. Феоктистов шутиливо нахмурился и приложил палец к губам: тсс... Молчи! И многозначительно показал взглядом на двери, куда вышла мать: ни-ни...

Девушка согласно закивала, кудряшки на её висках запрыгали. Она принимает условия игры. Дочь была похожа на мать: тот же овал лица, разлёт бровей и разрез глаз, только темней и выразительней, оттого, наверное, и запали они так глубоко в душу.

Вошла хозяйка. Глаза у неё были покрасневшими, и в руке она держала платочек. Анатолий где-то читал или слышал от кого-то, что прежде, чем жениться, посмотри на мать невесты. Такой твоей будущей жене предстоит стать. Понравится теща – счастливый выбор. Шпарёва ему понравилась.

"Да что это я?!. Совсем крыша съехала! – выругался он мысленно, и в некотором смущении отвёл от хозяйки и от дочери глаза. – Как гипноз какой..."

Перешёл к делу.

– Итак, Юлия Петровна, – сказал он, – теперь расскажите, что случилось с вашим мужем? И пока вы будите рассказывать, дайте мне его фотографию. На время.

– Пожалуйста.

Шпарёва направилась было к шкафу. Но её опередила дочь.

Аня присела перед книжным шкафом, открыла дверцу и достала из его недр альбом с фотографиями.

– У нас их целых три, – сказала она, поднося один к столу. Смущённо улыбаясь, раскрыла его перед следователем и встала позади Анатолия.

Тем временем Юлия Петровна присела на краешек дивана и стала рассказывать.

– Юра пропал более двух недель назад. С двадцать пятого. Собрался как всегда на работу утром, а вечером я пришла – на столе записка...

Анатолий кивком головы поблагодарил девушку за альбом.

– Что за записка? – спросил он. – Она сохранилась?

С первой страницы альбома смотрел молодой чернявый матрос. На другой странице этого же разворота – фото белокурой девушки, Юлии – она была легко узнаваемой. Оба юны и выглядели довольно симпатичной парой.

– Да, конечно, сохранилась. – Юлия Петровна поднялась и достала с полки шкафа, где стоял крейсер «Варяг», листочек. Подала Феоктистову. – Вот, пожалуйста.

Анатолий прочитал:

"Юлюшка, обо мне не беспокойтесь. Я скоро буду. Срочно еду в командировку. Юра".

– Так он в командировке? – с некоторым разочарованием проговорил Анатолий.

– В том-то и дело, в том-то вся загадка, что с производства его никто никуда не посылал. Я интересовалась. Взял отпуск без содержания, и как в воду канул... Уже восемнадцать дней...

Глаза Шпарёвой вновь увлажнились, и она приложила к ним платочек.

Анатолий, просматривая, перевернул несколько листов альбома и остановил взгляд на более поздней фотографии. И с облегчением вздохнул, – Шпарёв не походил ни на сваренного, ни на утопленника. И почувствовал от этого себя даже счастливее.

– А скажите, где проживают его родители? Может он у них?

Юлия вздохнула и грустно ответила:

– Нет у него родителей. Сирота он. Воспитывался у старичков, у приёмных родителей. Так те уж давно умерли.

Анечка показала на фотографию, когда Анатолий перевернул очередную страничку. На ней уже пожелтевшей, любительской, было запечатлено пять человек: двое пожилых людей, одетых в одежды послевоенной поры, и трое детей: девочка и два мальчика, один – старше, подросток, другой – лет шести-семи.

– Это бабушка Максим и бабушка Варя, – поясняла Аня. – Это дядя Жора, в Иркутске живёт. А это – тетя Нина, она живёт в Усолье. А это папа, младший самый. Дедушка Максим его в лесу нашёл.

– Как в лесу? Обычно в капусте... – пошутил Анатолий.

Юлия печально покачала головой и сказала:

– Тут другая история... Пострашнее. Дед лесником работал, возвращался ночью с обхода и наткнулся на мальчонку. Вернее, собачка, лаечка у него была, она нашла его. Мальчик уже сознание потерял. Дед привёз его домой на телеге. – Промокнула глаза. – Сильно его там комары и муравьи укусили, еле выходили... Так и вырос среди новых родителей. Жора и Нина, те постарше были, тоже безотцовщина, отец на фронте погиб... Когда Юра потерялся,

я им звонила. Не было его у них. Тоже волнуются. Они ж его любят, как брата. Он, по сути, и есть их младший брат.

– Дядя Жора приезжал, – подсказала Аня, – он и заставил нас написать заявление к вам.

– Да. Я всё ждала. Не сегодня-завтра думала... Всё на записку посматривала...

Примолкла. Феоктистов хотел было спросить: нет ли у Юрия Максимовича какой-нибудь пассии, женщины, где бы он мог спрятаться от семьи, от суеты, от проблем и прочее?.. Но, видя в доме обстановку доброжелательности, искренности и уважения к отцу, к мужу – сдержался. Да и что спрашивать? – если жена об этом – (если такое имеет место быть?) – всегда узнает последней. Здесь же, кажется, другой случай.

– Так. Ну, а теперь скажите, не замечали ли вы что-нибудь странного в его поведении? Не беспокоило ли его что-нибудь или кто-нибудь?

– Да как не замечать? Последнее время он весь жил на нервах. – Ответила Юлия.

– И сколько же это время длилось? День, месяц?

– Три-четыре года.

– Вот как?..

– Это только то, что я знаю. А сколько он в себе переживал и носил?..

– И с чем это было связано?

– С работой.

– Кем он работал?

– Вначале до техникума...

– Какого?

– Нашего, приангарского политехникума. Было в нём когда-то автомобильное отделение. Так вот, до него, Юра работал шофером. Потом, после его окончания, стал механиком в АТЦе. Потом, когда АТЦе стало автотранспортным предприятием при комбинате, стал начальником пятой автоколонны. Года полтора назад вновь сняли, перевели механиком, а позже – в шофера. С чего начал, к тому и вернулся.

– Интересная метаморфоза. Отчего? Не справился с работой?

– Да нет... Как будто бы справлялся. Рабочие, шофера, насколько мне известно, его уважали.

– Выходит с руководством?

– Да.

– Ну, это обычное дело. Маленькие начальники недовольны большими, большие – маленькими.

– Ну, это как сказать, – возразила Юлия с иронией в голосе. – Сколько мне встречалось типов начальников – в основном ладят, а порою даже очень. Вам разве не доводилось с такими встречаться?

– Сплошь и рядом. Сам недоволен своим начальником, а он, наверное, своим подчинённым, – улыбнулся Анатолий. Его шутке улыбнулась и Юлия. "А она действительно мила", – заметил он, невольно присматриваясь к ней, как к теще. И ещё раз усмехнулся навязчивой мысли.

– Это в порядке вещей, – продолжала Шпарёва. – А если какие-то отклонения, значит, ненормальное явление. Ненормальный порядок вещей. У большого начальника всегда должен быть хороший маленький начальник, чтобы не нарушалась гармония.

– Это от характера зависит.

– Вот то-то и стало камнем преткновения. Юрий наш Максимович никогда ни под кого не подлаживался, а это нашим руководителям не по вкусу.

– На работе у него есть друзья?

– Конечно.

– Давайте, я запишу двоих-троих, – Анатолий достал записную книжку.

– Самый близкий – старый шофер, теперь уже пенсионер, но работает ещё дежурным механиком – Погодин Павел Никифорович. Потом Вакула-Рыжий. Прозвали так Викулова. Веселый, большой такой... Проскуряков Алексей Алексеевич, теперь начальником работают вместо Юры. Может быть, они не были большими друзьями, но Юра о нём всегда с уважением отзывался. Хватит, или еще?

– Пока достаточно. Друзей разыщу, а недругов и искать не надо, – пошутил Феоктистов.

– Уж кого-кого, а этих хоть пруд пруди.

– Много?

– Похоже, что да. Ещё тихонь и равнодушных. Было б мало, из партии не исключили.

– Из партии?.. За что?

– А за всё. И за саботаж, и за забастовку, и за плохую подготовку автотранспорта к техосмотру, и за принципиальность, которую, со слов Блатштейна, Щегловский называет дешевым популизмом.

– Хм, а что, есть еще и дорогой?

– Не знаю, – усмехнулась Юлия. – Видимо, для них он ценность какую-то представляет.

Феоктистов перевернул лист альбома и остановил взгляд на одной из нескольких фотографий. На ней Шпарев стоит на подножке КраЗа. Фотограф запечатлел человека неожиданно, тот сел в машину и был, видимо, окликнут. Повёрнут в пол-оборота. Лицо не успело принять улыбки – усталое, задумчивое.

– Это я папку в прошлом году осенью сфотографировала, когда он картошку с полей работникам автопредприятия развозил, и к нам завёз, – сказала Анечка, немного наклонясь к плечу Анатолия.

От неё веяло тонким ароматом духов и юностью, он непроизвольно глубоко втянул в себя этот аромат и сдержанно выдохнул. И благодарно кивнул: спасибо... И сам не понял, за что поблагодарил: то ли за комментарий к фото, то ли за минутную, вернее, секундную радость.

Юлия Петровна тем временем продолжала:

– Он опротестовывал решение парткома комбината. Писал в горком. Но пока шло время, в горкоме секретарь сменился. Карманов, секретарь парткома комбината, стал секретарем горкома – тот, кто его исключал. Обратился к первому секретарю обкома, к товарищу Банщикovu, – Юлия отмахнулась рукой, – одна компания. Собрался писать в ЦеКа.

– Юлия Петровна, вы упоминали про саботаж, про забастовку, что это? Такое вроде бы у нас не принято.

– Хм, – она дернула уголок губ в усмешке. – Отказался от незаслуженного вознаграждения, вот и весь саботаж.

21

Осенний вечер. Тополя и клёны уже осыпали листву, только перед горкомом партии и исполкомом стоят вечно зеленые «голубые» ели. Над горкомом, ДК «Нефтехимик» вывешены праздничные флаги, плакаты. На стенах Главпочтамта, в промежутках между окон, подновленные портреты членов и кандидатов в члены Политбюро, начиная с Брежнева, Алиева, Андропова... и кончая Суловым, Устиновым, Щербицким, Черненко.

Канун 7 Ноября. На площади Ленина, перед его памятником, начинается установка трибуны.

Шпарёвы выходят из ДК «Нефтехимик», где Анечка занимается в музыкальной студии, проходят по площади мимо горкома и направляются по проспекту К. Маркса. Идут в сторону остановки автобуса «Аэрофлот», он же и "Детский Мир".

Родители спрашивают Анечку – ей двенадцать лет – о её учебе в школе, в музыкальной студии. И радуются успехам дочери.

На «Аэрофлоте» долго ждут автобус, едва влезли в него, переполненный, осевший. Едут до остановки "Парк Строителей".

Там отпустили дочь домой.

Юра предложил Юле прогуляться по парку.

– Редко мы с тобой, Юлюшка, выбираемся на природу, – сказал он, оглядывая высокие сосны. – Вот уже первый снег выпал. Промелькнуло лето... – вздохнул с сожалением.

Она была согласна с ним, прильнув к его плечу.

– Через год-другой купим машину, я тебя из леса вывозить не буду. Каждый вечер куда-нибудь ездить будем. На Ангару, на Китой. На Байкал съездим. Хочешь на Байкал?

– Хочу! – засмеялась она. – Как интересно, заманчиво...

– За омулем поедим. Кстати, у меня есть один знакомый бурят, хороший парень, на Ольхоне живёт. Он нам байкальских тюленей покажет. Давно хочу с ним повидаться, а тут всё брошу, и поедим. Можем отпуск взять, у него с недельку пожить. Прекрасный отпуск получится...

Юлия смотрит на него. Тоска, звучавшая в его голосе, насторожила.

– ...А ещё хотелось бы показать тебе дом Эйзенхауэра. Хрущев для него на берегу Байкала выстроил, но тот не приехал. Говорят, шикарный дворец...

Юлия спросила:

– Юра, у тебя на работе всё в порядке?

Он удивлённо посмотрел на неё.

– С чего ты взяла?

Она не ответила. Продолжала глядеть ему в глаза. Он снисходительно усмехнулся.

– Хм. Психолог...

– Ну-ну, рассказывай, – стала настаивать Юлия.

Он некоторое время помолчал, потом вновь усмехнулся.

– Ничего особенного. Так, мелочи... Просто ты не будешь иметь премиальных в размере восьмидесяти рублей.

– Тебя за что-то наказали? За плохой техосмотр? Но он ведь ещё не скоро. Может авария?.. С тяжёлым исходом?.. – заволновалась она.

– Успокойся. Просто я отказался от премии. Эти деньги не мои, Юлюшка. Не наши... Помнишь, я тебе рассказывал, что я нашёл пустой ангар на заводе бытовой химии? – Она кивнула. – Ну, так вот. Вначале я договорился с Эппелем, директором ЗБХа. Потом с Блатштейном. Короче, его отдали автоколонне, он нужен нам был под автобусы, особенно при ремонте. Потом договорился с рабочими, со слесарями и шоферами, и они в нерабочее время его пере-

оборудовали. Полы забетонировали, отопление, свет провели. В общем, поработали ребята, и к холодам поспели. Я им наряд закрыл. И вот сегодня, перед праздниками, им выдали зарплату по наряду. И мне тоже. Хм... Отчего-то даже больше, чем им? Я себя и в наряд-то не вписывал.

– Ну, наверное, посчитали, что твоё участие тоже должно быть как-то отмечено, поощрено.

– Я не был бы против, если бы вознаграждение это было не из этого наряда. А тут их чистая зарплата, и я к ней не имею ни малейшего отношения. Хм, хорош был бы я. Оттяпал у мужиков куш и притом приличный. Им по шестьдесят, а мне аж восемьдесят рублей. Во, пахал!..

– ... Вот вам первый пример, как завоевывать дешёвый авторитет у рабочих, – сказала Юлия, отрываясь от воспоминаний. – А вот второй, – продолжила она. – В течение двух лет Блатштейн сыграл себе две свадьбы. Одну на турбазе «Юбилейная», вторую – в ресторане «Тайга». Слышали, поди?

Феоктистов утвердительно кивнул.

– Ну, как не слышать? Весь город смеялся, ахал. Сдурел мужик на старости лет. Да хоть бы как-то скромно, соответственно возрасту. Так нет... И первую свадьбу наше предприятие обслуживало, и вторую тоже. Несколько легковых автомобилей зафрахтовал и притом, не на свои кровные. Но гостей оказалось больше расчётного, не хватило транспорта. Ну и Яков Абрамович звонит в автоколонну, чтобы к ресторану подали дежурный автобус. Дежурным механиком как раз был Погодин. Пал Никифорович звонит Юрию Максимовичу: как быть? Единственный, мол, аварийный автобус остался. А вдруг что случится на комбинате?.. Юра ему диктует телефонограмму: дежурный автобус с территории комбината не выпускать! Передал: начальник автоколонны. Принял: дежурный механик. Согласно её, этой телефонограммы, Пал Никифорович и не отослал автобус в «Тайгу»... Я-то не знала, что и как. На другой лишь день узнала, на работе...

22

Лето. Утро. Начало рабочего дня.

В здании ЛОУТа в вестибюле первого этажа, возле большого трюмо приводит себя в порядок сослуживица Юлии Петровны, Кирюхина Валентина. Эмансипированная сорокалетняя молодячка. К зеркалу подходит Юлия, поправляет причёску, воротничок белой блузки. Здороваются.

– В этом трамвае... Пока доедешь, всю истреплют, измочалят, – ворчала Кирюхина. И спросила: – А твой, говорят, опять отличился?

Юлия покосилась на неё в зеркале.

– Чем это?

– Чем? Ха!.. – удивилась Валентина, перестав начесывать кокон на голове. – Как же! Он, говорят, Блатштейну всю обедню испортил, то есть свадьбу?

Юлия настороженно уставилась на неё, забыв про свой туалет.

– Ты что?.. Как с луны свалилась! Или ты дома не ночуешь? Ладно, разыгрывать тут... Расскажи лучше, как у него на это духу хватило? Свадьбу самого Блатштейна не уважить!

– С-свадьбу... Блатштейна?..

– Ну, конечно! Да ты что, прикидываешься или на самом деле с мужем порознь спишь? Ха!..

Юлия отходит от трюмо и устремляется на лестницу, ведущую наверх. В кабинете подходит к телефону, срывает с него трубку. Её охватил испуг и предчувствие беды. Да, именно тогда она почувствовала первые признаки её.

– ...А потом, ведь у евреев каждую неделю Пречистые Четверги, – продолжала Юлия. – Берут на предприятии автобусы и едут на турбазу УВКа – управление Водоканализации. И тут Юрий наш Максимович вмешался. Запретил выпускать транспорт на подобные мероприятия. Потом какие-то конфликты с офицерами ГАИ и военкомата, из-за которых Юру стали ежегодно по два раза на году и месяца на два-на три на военные переподготовки призывать.

– Вот он, «партизанит», – Анечка показала на фото, где Шпарёв в солдатской форме, выцветшей, мешковатой. На погонах сержантские лычки. Длинный пальчик девушки, как миниатюрная указка, прошёл под фотографией.

– Служил в морских частях, а переподготовку проходил, то на стройке, то на уборке урожая, то вообще баклуши бьют. И везде они, «партизаны», говорит, никому не нужны. Месяцами болтаются, пьют... Только тогда, когда его в слесари перевели, отстали. Партизанщина кончилась. В прошлом и в этом году уже не трогали.

Вдруг Юлия Петровна спохватилась.

– Анатолий э...

– Максимович, – подсказал Феоктистов.

– Ну, вот ещё один Максимович, – улыбнулась Юлия Петровна, как чему-то приятному, даже, может быть, родному совпадению. – Анатолий Максимович, а что, если нам попить чая, а? Чаё или кофе?.. А то заняли вас разговорами. Вы ведь тоже, поди, ещё не ужинали?

Феоктистов, не ожидавший такого предложения, не сразу нашёлся, что ответить. Не успел отказаться.

– Да вы не стесняйтесь! Пожалуйста! – воскликнула девушка, встав перед ним и взявшись за альбом, видимо, желая его закрыть и освободить от него гостя.

– Ну что же... Хорошо, – улыбнулся он ей. Кажется, эта девчушка всё больше забирает над ним власть.

– Вот и ладно. – Юлия Петровна встала, пряча платочек в карман передника. – На кухне и продолжим разговор.

– Юлия Петровна, только у меня одна просьба, – Анатолий передал альбом Анечке, – дайте мне фотографию Юрия Максимовича. Я позже верну.

– Да возьмите, какую посчитаете нужной.

– Если можно, вот эту, на подножке КраЗа. Я как понял, она последняя?

– Да вы что? – воскликнула Анечка. – Вот здесь, в конце, – открыла альбом на последней странице. Там находилась пачка фотографий в чёрном конверте ещё не вставленных в рамки альбома. – Вот, мы здесь всей семьей. А вот папка один на скамейке сидит в парке «Строителей». Этой весной я его сфотографировала. Такая подойдёт? – она подала выбранную фотографию следователю.

На снимке Шпарёв был в костюме, в белой рубашке с расстегнутым воротом. Сидит нога на ногу, руки замком обхватили колено. День солнечный, однако, лицо у него задумчивое, взгляд устремлён вперёд и, похоже, не на близлежащие предметы, а на что-то, чего даже солнечный свет не может высветить.

– Подойдёт, Анечка. Спасибо!

Юлия Петровна вышла на кухню. И Аня оживилась, всплеснула руками.

– Анатолий Максимович! – воскликнула она полусёпотом. – Я!..

Он вновь приложил палец к губам. Сдержанно улыбнулся.

– Тише, Анечка! Не надо так эмоционально.

– Да я!.. Я просто не знаю, как вас благодарить?.. Скажите, что для вас сделать и я, не задумываясь, сделаю!

– А вот тут вы, сударыня, не правы, – покачал он осуждающе головой. – При любых обстоятельствах думать надо. А сделать ты, пожалуй, кое-что можешь.

– Что? – девушка немного смутилась, поняв, что сказала что-то лишнее.

– Вернуть мне тельник. Если он...

– Да я сразу же его выстирала! Вон он, на балконе...

Анечка, охваченная радостным порывом, поспешила на балкон. Отбросила тюлевую занавеску, прикрывавшая дверь, и тут же вернулась.

– Я его сейчас выглажу...

Анатолий, поднявшись, перехватил девушку за руку.

– Да успокойся ты, Анечка, не суетись! – улыбнулся он и взял из её рук майку. – Я на себе выглажу.

Аня растерянно и в то же время согласно закивала. По импульсивным движениям, по ясным горящим глазам было видно, что она в восторге, в эйфории от обожания к нему.

Феоктистов какое-то время залюбовался ею, не в силах отвести от неё глаз. Черты лица его смягчились, в уголках губ застыла счастливая улыбка. Он уже забыл о раскаянии, с которым шёл сюда.

Стук посуды на кухне вывел из минутного гипноза.

– Анечка, проводи меня в ванную, – попросил он.

Та тряхнула кудряшками, не сводя с Анатолия влажных глаз. Взяла его за руку и потянула за собой. В коридорчике включила в ванную свет и открыла дверь.

– Прошу, Анатолий Максимович, – пригласила она, сделав мягкое движение рукой. Он улыбнулся и прошёл в ванную комнату.

Ванная была чистая, блестящей, наполовину выложенной голубой кафельной плиткой. В стену над водяным смесителем было клеено вместе с плиткой большое зеркало. Анатолий, переодеваясь, смотрелся в него, погладил шрам под правой грудью от огнестрела. Над умывальником вымыл с туалетным мылом руки, ополоснул лицо холодной водой – оно горело.

Потом промокнул руки и лицо о полотенце, висевшим на вешалке у двери, и стал натягивать тельник. Надев майку, пригладил её руками, улыбнулся чему-то. Надел рубашку.

23

Кухня была небольшой, как и многие «хрущёвки», куда после переодевания вошёл Анатолий. Холодильник «Бирюза» стоял у двери. За ним – самодельная тумбочка под мойкой. У стены – газовая печь, стол, скорее даже столик перед окном, четыре табурета перед ним. Посудный шкафчик, выходящий торцом к двери, стоял у противоположной стены.

По сравнению со старыми кварталами, в доме, в котором он сам живёт, здесь тесновато, не больно-то развернётся семейка даже в два человека.

Анечка поймала его за руку.

– Проходите, пожалуйста! – повлекла к табурету возле шкафа. – Присаживайтесь!

На столе уже стояла большая сковорода с жареной картошкой. Тут же чашка с солеными огурцами и помидорами. Тарелочка с вареной колбасой, ваза с хлебом. Три десертные тарелки стояли по разным сторонам стола и перед ними лежали вилки.

Юлия Петровна ему первому наложила приличную горку картофеля в десертную тарелку.

– Кушайте, не стесняйтесь. Колбаску, овощи, хлеб. Уж чем богаты.

– Спасибо.

Анечка поближе к нему пододвинула колбасу и овощи. Как только он вошёл, она увидела на нём майку, треугольник которой выглядывал из-за отворота рубашки. Красный румянец ещё больше окрасил ей щёки. Улыбка на лице была счастливая и застенчивая, что радовало и смущало Анатолия одновременно.

Какое-то время ели молча.

За кофе Феоктистов возобновил разговор.

– Так, Юлия Петровна, что там дальше с Юрием Максимовичем? Вы что-то о забастовке начали было...

– Да какая там забастовка, – усмехнулась хозяйка, но сосредоточилась. Чайная ложечка в руке стала рисовать контуры цветов на клеёнке стола. – Шофера отказались выезжать в рейс на неподготовленных автобусах. Был задержан выезд на три часа. Подробности я, конечно, не знаю. Сам Юра старался меня меньше посвящать в такие дела. Берёг... – всхлипнула и тут же взяла себя в руки. – Опять на работе узнала, – грустно усмехнулась. – Местное радио быстрее доносит... Потом суды.

– Его что, судили? – удивился Феоктистов.

– Да нет. Водителя из его автоколонны. Юра на суде выступил в его защиту и обвинил в аварии руководителей комбината, сотрудников ГАИ и военкомата.

– А они причем?

– Так они же организовали в Баяндай поездку. За мясом. А зима, дороги скользкие, перевернулись. Весь материальный ущерб на шофера хотели повесить. Юрий Максимович, как общественный защитник, настоял на том, чтобы ущерб поделили на всех участников поездки.

– И получилось?

– Да, как будто бы... Той же зимой руководители комбината на Байкале утопили новый «Рафик». Хотели потихоньку списать. Так Юрий наш Максимович и тут вмешался. Говорит: шофёр провинился – под суд, как сами – так концы в воду... Только, кажется, им ничего не было, или был какой-то смехотворный штраф.

– Вам ещё кофе налить? – спросила Аня, соскакивая со стульчика, заметив, как Анатолий отодвинул пустую чашечку.

– Нет, Анечка, спасибо! Я и наелся и напился. Очень было всё вкусно и сытно. Спасибо!

Юлия за время разговора на кухне, почувствовала изменения в следователе, но не сразу могла их понять: и необычное возбуждение Ани, и суета и хлопоты дочери перед гостем, –

пока взгляд не наткнулся на уголок тельняшки у него на груди. Догадка уколола сознание. Ей захотелось подняться, пройти на балкон, и удостовериться: висит ли там чужая майка? Но Феоктистов поднялся первым.

– Ну что же, Юлия Петровна, Анечка, ещё раз большое спасибо за хлеб-соль! Теперь могу до полуночи терпеть, а то и до утра.

– Вы что же, ещё и ночь собираетесь работать? – спросила Юлия, тоже поднимаясь.

– Да как вам сказать... – замялся он. – Ночь не ночь, но раннего покоя мне не будет.

Юлия с сочувствием покачала головой.

– Да-а, работа у вас. Жена, поди, вся на нервах?

– Да нет, женой пока не обзавелся. Всё как-то не сподоблюсь. С родителями живу. Они да, они переживают.

Все направились в прихожую.

Анечка, опережая мать, гостя, первой достигла двери. Создавалось такое впечатление, как будто она не хотела выпускать его из дома.

Анатолий улыбнулся. И, прощаясь с Юлией, сказал:

– Спасибо за гостеприимство и ещё раз за хлеб-соль.

– Не за что, Анатолий Максимович, – сдержанно отвечала она. – Будьте здоровы.

Он повернулся к выходу и наткнулся взглядом на девушку – глаза её жизнерадостно блестя. Девчонка, ну какая же ты девчонка!.. Анатолий на мгновение оцепенел от охватившего его сладостного чувства. Даже прикрыл глаза. Но тут же встряхнул головой от наваждения и засмеялся произвольно, неожиданно и счастливо... И спохватился.

Обернулся к Юлии Петровне.

– Вспомнил Леночку, сестрёнку мою младшенькую. Как-то под вечер ухожу из дома, а она вот так же, как Анечка, встала у двери и пальчиком по замку стучит, если, говорит, придёшь домой поздно, так и знай, на площадке ночевать будешь.

Все засмеялись, а Аня отчего-то особенно.

– Строгая у вас сестра, – заметила Юлия Петровна, косясь на дочь.

– У-у, командёр! – передразнил он сестру, и это у него прозвучало забавно. – Даже сейчас, уже подросла, а непременно мной командует. Держит меня в «ежовых» рукавицах... Ну что же, пора и честь знать.

И, видя, как подалась к нему Юлия с томившим её вопросом, сказал:

– А вам, Юлия Петровна, сейчас нужно набраться терпения. И не отчаиваться. С моей стороны будет сделано всё, чтобы разыскать вашего мужа.

– Значит, вы будите искать?

– Ну, коли, я посетил вас, – и в шутку добавил: – должен же я теперь кофе отработать.

– Ой! Да что вы! Мы ж без задней мысли...

– Ну, так и я без задней мысли, а по долгу службы. И запишите мой служебный телефон. – Назвал номер.

– Мы записали! – воскликнула Анечка и покрутила пальчиком у виска.

Анатолий посмотрел на неё со сдержанной улыбкой.

– Ну что же, хорошо. Будем перезваниваться. А сейчас, Анечка, выпусти, пожалуйста, меня.

Анечка встряхнула кудряшками и щелкнула замком.

– До свидания.

Оказавшись за дверью, Анатолий счастливо улыбнулся, вздохнул. Не спеша, стал спускаться по лестничному маршу. Ощущение было такое, словно побывал в гостях у близких родственников. А девчонка!.. Ну, какая же она славная. "Господи, и пошто я такой старый!.." – в шутку и всерьёз воскликнул он, пожалев о своём возрасте. Ещё раз улыбнулся, находясь под гипнозом общения с девушкой и её матерью.

На улице обернулся и увидел на балконе Анечку, она махала ему рукой.
Анатолий улыбнулся и тоже помахал в ответ.

24

– Аня, – позвала Юлия Петровна дочь. – Иди сюда.

Анечка выбежала с балкона.

– Да, мамочка...

– Аня, я правильно поняла: это он?

Анечка смутилась:

– Да, мамочка... – сказала она и припала к её груди.

Юлия Петровна, обняв дочь, стояла немного растерянная и озабоченная. К дочери пришли не только месячные, пришла, кажется, и первая любовь.

Часть 2

Поезд “МОСКВА – ИРКУТСК”, “Байкал”

Ночь. На второй полке лежит пассажир. Он спит. Ему грезится сонный кошмар...
Небольшая комнатка в доме барачного типа – та, в которой когда-то стоял гроб с военным.

В комнате трое: две женщины, одна пожилая, другая молодая и красивая, и маленький мальчик.

Он играет в какие-то игры с предметами, заменяющими ему и лодки, и машинки, и куклы. Здесь были, за неимением настоящих игрушек, и обрезки чурочек, и щепки, связанные при помощи ниток крестиком, напоминающие человечков, и сучки, представляющие каких-то животных, – при определённой фантазии подобное можно представить, чем мальчик, похоже, обладает.

Женщины ведут разговор. Молодая нервничает и сетует на превратности судьбы.

– Что мне теперь делать? Куда я с ним?.. – кивает она на ребёнка.

– Да не волнуйся ты! Тебе ли переживать? – успокаивает пожилая. – Тебе ли с твоей красотой нос вешать, Антонида? Только подмигни...

– Ага, подмигнула... – вновь кивает на мальчика.

– Хочешь, я тебе снова присватаю?

– Спасибо, Аркадьевна. Мы уже это проходили.

– Так кто же знал, что его так скоро Кондратий приберёт? Ведь герой был. В орденах, в медалях, и чин не малый. В раёне секретарем был.

– Орден понахватал, а здоровье растратил. Дома жил, как на войне. Ни днём, ни ночью покоя не было. В каждой бочке затычка. Андрей Марьянович, там чепе – срывается, ночь-полночь, едет. Андрей Марьянович – аврал! Бежит. Кровью харкал, а дома не сидел. И вот добежал. Другие горкомовские и райкомовские работники зад от стульев не отрывали – им всё: и квартиры, и путевки, и машины, а этот... – отмахнулась, – малахольный. Это ты: начальник большой, холостой, молодой, с войны пришел – герой. Ге-ррр-ой! Другой бы квартиру путную выхлопотал, на курорт бы семейную путевку, как фронтовик и секретарь райкома партии, требовал. А он всё отмахивался да жданками почивал. Ни себе, ни мне, ни ему, – кивает на сына. – Оставил вот...

Антонида хлопает от расстройства себе по икрам и обводит слезящимися глазами комнатку, скромную в ней обстановку.

Мальчик подает голосок.

– Mamочка, я кушать хочу.

Антонида продолжительно смотрит на него, словно не узнает. Лицо холодное, отчуждённое, но отвечает ласково.

– Потерпи, маленький. Нет ещё ничего.

Мальчик послушно склоняется к игрушкам.

– Ты, Тонюшка, не психуй, успокойся, – уговаривает женщина. – Сядь-ка, я тебе вот чего подскажу. Сядь.

Антонида придвинулась к Аркадьевне ближе и откинулась к стене.

– Ты вот чего... перебирайся-ка ты в Майск. Город молодой, строящийся, там сейчас молодежи, мужиков, как омулей в бочке. А баб – пшик! – нету. Если ты не сробеешь, то такого подцепишь, какого душе угодно. И город на новом месте и люди разные. Кумекаешь?..

Антонида кивает на сына.

– С таким приданым?

– Ну-у, можешь на какое-то время у меня оставить.

– А потом?..

Призадумались.

– Ну, думай, душа моя, думай. И не отчаивайся. Жись-то одна, пристраиваться как-то надо.

...Лето в разгаре. В лесу, на полянах цветы: жарки, васильки, ромашки. По оврагам колыхается Иван-чай. Отовсюду слышится щебет птиц. В зелёном могучем лесу кукует кукушка, нагадывает кому-то долгую жизнь. Где-то неподалеку стучит дятел. Тайга шумная и трудовая.

Из города Усолья-Сибирского по проселочной дороге идёт молодая женщина. Она ведёт за руку мальчика лет четырёх. Он одет во всё чистое, как на праздник, в рубашку-матроску с широким воротом, который окаймлён тремя тёмно-синими полосками на белом фоне; в коротких штанишках; на ногах сандалии и белые носочки. На голове бескозырка, на лентах – "Герой".

У женщины на руке плетеная корзина, покрытая белой материей.

Женщина уходит из города, и уходит, как видно, навсегда, поторапливается, часто обращается, то ли прощаясь с любимым городом, то ли опасаясь преследования или случайных нежелательных встреч. Уходит по ранней зорьке.

За городом сворачивает в чащу, в лес...

На полянах, на лужайках женщина всё чаще отпускает руку ребёнка, посылая его поймать бабочку, то – за цветочком, выглядывающим из-за дальних деревьев, кустов. Играет с ним в прятки...

...Поезд замедляет ход, и стук колес всё реже и реже, и сердце, кажется, тоже замедляет свой ритм. Пассажир испуганно вскидывается, ладонью стирает с лица слёзы нардевшие от переживаний и от страха, с детства сопровождающего его. Внутренне содрогаясь, делает несколько глубоких вдохов. Массирует грудную клетку, похоже, сердце начинает сдавать.

Внизу в полутьме соседи собираются на выход. Они обводят прощальным взглядом купе и замечают проснувшегося попутчика. Пожилой пассажир говорит негромко на прощание:

– Счастливо вам доехать!

Мужчина ответил хрипловатым голосом:

– Счастливо и вам. Спасибо за хлеб-соль...

– Не стоит. Мы ж люди, помогать друг другу должны, выручать.

– До свидания! – попрощалась женщина, жена пассажира.

– До свидания...

Дверь за пассажирами закрылась, и купе вновь погрузилось в тишину.

Станция небольшая. Поезд приостановился минуты на две и тронулся. Мужчина некоторое время смотрит в окно с верхней полки, на пробегающие мимо огни станции, на редкие огоньки какого-то населенного пункта. Над ним на горизонте занималась заря, но облака чудовищными животными загораживали ее.

Мужчина не спит. Бойтся заснуть. Бойтся пережить продолжение известного ему с детских лет не то кошмарную явь, не то страшного сна.

Бояться стал за сердце, которое после таких наваждений и снов, сбивается с ритма, то замирает, немеет, то окатывает горячей волной.

Всякий раз, успокаиваясь после сна, спрашивал неизвестно кого: к чему они? зачем? и отчего эти видения стали так часты... Такое пережить заново он не хочет даже во снах.

Стучат колеса, покачивается вагон, и пассажир, незаметно для себя самого вновь засыпает...

Майск

25

Утро, начало рабочего дня. В кабинете начальника следственного отдела уголовного розыска майора Прокудина заканчивается короткое совещание сотрудников. Прокудин прохаживается вдоль окна, по его поведению чувствуется, что он доволен работой подчиненных.

За окном солнечно, тепло. Сквозь открытую фрамугу слышны редкие голоса милиционеров линейного отделения, шум подъезжающих и отъезжающих автомашин – дежурных ПМГ, лай служебных собак со двора капезе, птичий гомон на деревьях, стоящих напротив за подъездной площадкой.

– Хорошо, я больше вас не задерживаю. У кого какие вопросы, валяй, – говорит майор в заключении.

Феоктистов, Михалев, Анонычев и Юрочкин поднимаются, придвигают за собой стулья к столу и направляются к выходу.

– Толя, ты ещё на минутку задержись, – говорит Прокудин.

Феоктистов вернулся и встал за стулом, где только что сидел.

– Сядь, – махнул рукой майор на стул. – Вот что, Толя, прокуратура жалуется на тебя.

– За что? – удивился Анатолий.

– Да, говорят, суешь нос в чужие дела. Это по медвытрезвителю.

– Ну, это напрасно, – усмехнулся Феоктистов.

– Учти, Анатолий, нам нет никакого резона с прокуратурой вступать в конфликт. Этого ещё не хватало! Хотят сами дело крутить? – отдай. Им и карты в руки. С нас одной головной болью меньше. Согласен? – Феоктистов кивнул, но с сомнением пожал плечом. – Ну, вот и договорились. Занимайся этим... э-э... склочником. Как его там? – Побитый или Ошпаренный?

– Шпарёв.

– Вот-вот. Шпарёвым.

– Кто вам сказал, что Шпарёв склочник?

– Да я тут поговорил с его руководством. Не очень-то о нём большого мнения.

– На мнение полагаться – это ещё не основание для правового заключения. Ещё смотря, кто его выражает? Кто, если не секрет?

– Да какой тут может быть секрет? Блатштейн. Вчера мы с ним встречались.

– Хм, понятно...

– Что усмехаешься? Уж кто-кто, а он-то своих людей знает.

Прокудин, почувствовав иронию капитана, устремил на него взгляд, пытаясь уловить его недоговоренность. Но допытываться не стал.

– А по медвытрезвителю дело отдай прокуратуре. Пусть сами с ним парятся. А со Шпарёвым крути, как тебе захочется.

– Прости, Евгений Моисеич, но по медвытрезвителю дело почти закончено и отдавать готовое дело...

– Ты, Анатолий, делай то, что тебе говорят: отдай!

– А как же наши обязательства, процент раскрываемости?

Прокудин теперь более продолжительно и пристальнее посмотрел на подчинённого, но не в глаза, а в переносицу. Дважды причмокнул уголком губ.

– Анатолий Максимович, чтоб вам было понятно, разьясняю по третьему разу: с прокуратурой надо идти на компромисс. Или жертвовать делом, или она будет сидеть у нас на шее по

каждому пустяку. Это же понятно и без переводчика. Поэтому давай жертвовать одним делом, чтоб потом нам не пожертвовать кем-нибудь из нас. Понял?

– Ах, даже так?

– Да, даже так. Не вступай с прокуратурой в конфликт. Это приказ!

– Ну что ж... раз приказ, отдам.

– Когда?

– Сегодня вечером или завтра утром. А кому?

– Следователю Малиной.

– Хорошо. Я с ней сам сейчас свяжусь.

Прокудин одобрительно кивнул.

– Могу идти?

– Нет, погоди. – Прокудин побарабанил пальцами по столу. Вначале нахмурил брови, деловито сосредоточился, поведя взгляд на телефоны. Потом, почмокав уголком губ, сказал: – Всё хочу с тобой поговорить о Михалёве, – и, не поворачивая головы, косо посмотрел на заместителя.

– Да? – удивился Анатолий. – И что вас в нём привлекло?

– Жалуются на него.

– Кто?

– Люди, – неопределенно пожал майор плечами. – Задержанные. Как он с ними себя ведёт? Хамит, кричит. Это что, Бериевские времена?

– Насколько мне известно, при нём много не кричали. При нём больше били и приводили экзекуционные мероприятия.

– Вначале тоже кричали.

– Но от крика до рук, есть моральный порог. У Миши он высок, и переступить его он никогда не будет. А то, что кричит...

– А то, что кричит?

– Ну, каждый по-своему выражает свои эмоции. И у него эта дурь напускная.

– Так, похоже, ты его действия одобряешь?

Феоктистов рассмеялся.

– Действия – да, матершинину – нет.

– Так вот, Феоктистов, с пережитками прошлого кончаем. Я этого не потерплю, – Прокудин хлопнул ладонь по столу.

– Я тоже не терплю. Но, у каждого свой метод работы.

– За этот метод он может выскочить из органов.

– Да? Уже? – Феоктистов криво усмехнулся. – Не рановато ли товарищ майор вы такими кадрами начинаете разбрасываться? Потерпите...

Зазвонил телефон. Прокудин снял трубку и стал слушать.

– В каком районе? У ОКБА[1]¹... Так, понятно. – Он положил трубку и обратился к капитану: – Толя, узнай в дежурке, есть ли машина, и выезжай в Байкальск, к ОКБА. Там уже из первого отделения люди.

– Что там?

– Мокруха. В канализационном колодце труп. Впрочем, я сам в дежурку позвоню. – Стал набирать номер телефона. – Слушай, Силантич, это Прокудин. Найди срочно машину... Да какая подвернется. Срочно нужна! К тебе сейчас Феоктистов спуститься. Отправь его. – Бросил трубку и махнул на дверь. – Давай, Анатолий, дуй.

Феоктистов заглянул в кабинет к следователям.

¹ Опытно-конструкторское бюро автоматизации.

– Миша, слетай в ЖЭК, там должны были подготовить справку по вчерашнему отключению горячей воды в вытряхвителе. И так поговори с местным населением. В тот же "хозяйственный магазин" загляни.

– Есть, ваше сиятельство!

– Андрюша, Сережа, съездите с ним, помогите. Походите по округе, поговорите с населением. А я не подъём. Возле ОКБА кого-то завалил.

– Хорошо.

26

ПМГ, напрягая свои старческие силёнки, шла по городу. Шофёр время от времени включал сирену. У поста ГАИ в двенадцатом микрорайоне машина свернула направо от Ленинградского проспекта и пошла по улицам 13,12,8,7,6-микрорайонов и въехала в деревянный массив поселка Байкальск. Перескочив трамвайную линию “Сангородок – НПЗ”, попетляв по узким улочкам, за кинотеатром “Октябрь” ПМГ выехала на асфальтовую улицу, ведущую к высокому зданию ОКБА, огороженному белой железобетонной оградой. В конце улицы стояли три машины: криминалистов из прокуратуры, из первого отделения милиции и “скорой помощи”.

Феоктистова встретил капитан, дежурный первого отделения.

– Привет, Гоша. Ещё не сменился? – поздоровался Анатолий и пожал протянутую руку.

– Привет, Толя. Не успел, – ответил капитан.

– Что тут?

– С полчаса назад позвонили, вот... – кивнул Гоша на колодец.

– Кто звонил, не представился?

– Сантехники из ОКБА.

Подожли к колодцу. Колодец был неглубок и обложен кирпичом, сухой внутри. На дне его лежало бесформенное тело, над которым стоял фотограф из фотолаборатории, делал съёмку. Потом, когда он вылез, спустился сержант по скобам, вмонтированным в стены колодца, и стал обвязывать тело веревкой. Сверху два милиционера и водитель, который привёз Феоктистова, стали вытаскивать труп наружу. К ним на помощь подошли капитан и Феоктистов.

Тело уложили на траву возле люка, и над ним склонилась врач. Анатолий, присматриваясь к трупу, старался разглядеть лицо убитого. Оно было посиневшим, изуродованным. Один глаз наполовину выкатился из глазницы.

– Убит, похоже, два-три дня назад, – докладывала врач. – Убит ударом по затылку и множественными ударами по лицу чем-то тупым, твёрдым, возможно, палкой, трубой.

“За что же его так? – подумал Анатолий. – И на Шпарёва не похож как будто”. Перед глазами предстало заплаканное личико Ани, и у него от жалости к ней защемило в груди.

Анатолий достал из нагрудного кармана рубашки фотографию.

– Гоша, ну-ка на, посмотри. Похож, нет? – подал фото капитану.

Гоша долго присматривался, то к фотографии, то к трупу. Пожал плечами и вернул фото.

– Сейчас его и мать родная не узнает. Какие-нибудь приметы есть?

– Нет.

Фотограф сделал несколько снимков трупа на земле, после чего сержант стал производить осмотр одежды. Документов не было. В карманах костюма и брюк извлек начатую, но сильно измятую, пачку папирос и немного мелких денег.

Феоктистов спросил у доктора:

– Вы куда его, в сангородок?

– Да, городской морг ещё закрыт, – ответила та и обратилась к милиционерам: – Принесите носилки.

Сержанты уложили труп на принесенные ими носилки и отнесли в “скорую”.

Колодец находился почти на перекрестке двух улиц, но ближе к одноэтажному бревенчатому дому, вокруг которого в буйной зелени стояли кусты черемухи, калины, малины и крапивы. Полынь и крапива выходили за палисадник и в них копошились куры. Место получалось затененное, глухое. За домом в метрах трёхсот проходила трамвайная линия, идущая на НПЗ, дальше, за ней, пустырь и скотобойня.

Оглядывая местность, Феокистов пытался представить, что же здесь произошло, и почему труп оказался в колодце? То, что в колодце, понятно – концы в него и шито-крыто. А что до этого?..

Он стал прохаживаться вблизи дома, кустов, травы, присматриваться к рельефу земли, к возможным на ней следам преступления. Хотя за трое суток те же куры их давно загребли. Куры паслись тут же, деловито высматривая в траве следы своих жертв.

Криминалисты и ПМГ с дежурными милиционерами уехали, зеваки стали расходиться. Феокистов направился к людям.

– Одну минуточку, товарищи! – поспешил он к небольшой группе, направляющейся к дому, от которого он шёл. – Скажите, кто из вас проживает здесь?..

Опрос жителей ничего не прояснил, лишь один из них сказал, что где-то в полночь, слышал лай собаки.

"С собаки свидетельские показания брать не будем", – усмехнулся он.

Поблагодарив за участие, Анатолий прошёл к своей машине.

– В прокуратуру, Коля, – сказал он водителю.

Кто бы это мог быть? По костюму если судить, то... Но Юрий Максимович пропал пол-месяца назад, а тут – три дня. Хотя, убить могли и сейчас. Тогда где он был? У кого?.. У кого и кто?..

27

Проехав по проспекту у Карла Маркса, свернули на улицу Горького и остановились у прокуратуры.

– Коля, я ненадолго. Тут же поедим дальше, – сказал Феоктистов, выходя из машины.

– Силантич просил не задерживаться, – напомнил водитель.

Быстрым шагом Анатолий вбежал по ступенькам входа в здание и скрылся за высокими дверями. Мягкие дорожки встречали посетителя, начиная от дверей вестибюля, и расходились по коридорам направо и налево. Внутренняя отделка помещения была сработана под дерево из щитов ДСП, и люстры придавали торжественность и респектабельность помещению. Важность разместившихся под одной крышей учреждений: суда и прокуратуры.

Кабинет следователя прокуратуры шире и просторнее, чем у следователей уголовного розыска. В нём было всего два стола – следователя и секретаря, который пустовал по причине беременности последней, о чем Феоктистов знал.

В стену встроены шкафы для одежды. В простенке между окон полированный шкаф с юридической беллетристикой, внизу за закрытыми дверцами – чайная посуда, сладости и кое-какая женская принадлежность. У стола следователя невысокий сейф, как и у них в кабинете, только не облупленный и не оцарапанный.

И ещё была одна отличительная особенность, подчеркивающая принадлежность помещения женщинам – цветы. До такого не всякий мужчина дойдёт, пусть даже их четверо на маленькой территории.

За столом сидела следователь Малина, молодая женщина, лет тридцати. Симпатичная, даже красивая, но статус учреждения и внутренняя дисциплина, отразились на её внешности, и не только на форме одежды, но и на лице – оно было непроницаемым, казалось холодным, что заставляло не только посетителей, но и друзей, держать с ней дистанцию.

Она была в костюме, под ним белая блузка с отложным воротничком и на бархатной коже лежал маленький золотой медальон в виде сердечка, уголком направленный на впадинку груди.

На стульях у стены сидели работники медвытрезвителя: старший лейтенант Бахашкин, сержант Галимханов и медработник Глотко. При появлении Феоктистова троица переглянулась и на их лицах появилась растерянность.

– Здравствуйте! – поздоровался сразу со всеми Анатолий и обратился к Малиной: – Светлана Ивановна, мне срочно надо с вами переговорить. Дело безотлагательное.

– Здравствуйте, Анатолий Максимович! – ответила Малина и кивком головы сделала присутствующим знак: выйдите, – и те, гуськом друг за другом, по старшинству, направились за двери.

– Что у тебя, Толик? – спросила она с некоторой живостью, карие глаза её несколько потеплели. Пальцы длинные с розовым маникюром закрутили карандаш, она постоянно в руках что-нибудь держала. Поведя головой из стороны в сторону, она закинула за плечи густые вьющиеся волосы.

Феоктистов, приставив к противоположной стороне её стола стул, сел.

– Слушай, Свет, что происходит? – навалился он на стол, положив на него руки, как школьник на парту.

– А что происходит? – не поняла она.

– Ты, почему у меня дело забираешь этих?.. – кивнул на двери.

Малина усмехнулась.

– Ну, а зачем его разрывать?

– Ты понимаешь, что там не только должностное преступление, но и уголовное?

Светлана наклонила голову и пристально стала смотреть на пальцы, на предмет, которым они играли.

– Толя, я всё понимаю. И кое-что, похоже, более твоего. – ("Ой ли!") – Поэтому прошу тебя, предоставь это дело прокуратуре. По секрету: им заинтересовались... – показала глазами на потолок, дескать, высшие инстанции. – Оно выходит из ряда проходных. Ты понял меня?

Феоктистов посмотрел на её пальцы, потянулся к ним и вытянул из них карандаш. Тоже закрутил им.

– Хорошо, Светик, – согласился он. – Я тебе передам его готовеньким, испеченным, пальчики оближешь. Но, только дай мне время до завтра, хотя бы до утра.

– Тебя в нём что-то заинтересовало?

– Да. Убийца.

Малина вскинула на него удивлённый взгляд и отобрала карандаш.

– Поиграл и будет. Что, конкретный?

– Конкретный.

– И кто?

– Галим.

Малина недоверчиво хмыкнула.

– Он что, сам признался?

– Вот этого я и хочу добиться от него. Ибо у меня есть в том твёрдая уверенность.

– А Мизинцев тогда кто?

– Такой же соучастник преступления, как Бахашкин и Глотко.

– Ты что же, хочешь новый следственный эксперимент привести и поймать Галимханова за руку на вентиле?

– Разумеется, хотелось бы. Но я его поймаю на другом. Кстати, какие тебе дал показания бедолага Мизинцев по поводу своих травм?

– Я с ним пока не занималась. Он в больнице. Но вот по показаниям его коллег: запнулся о кушетку, упал на пол, на кафель...

– ...и бился головой об него до посинения и ссадин. И ты веришь этой галиматье, Света?

– Да это разве главное?

– А ты считаешь: избиение подчиненного, с нанесением ему тяжких телесных повреждений – это не главное?

– Откуда ты знаешь?

– Первое – глянь на кулаки Шалыча. Второе – собственное признание потерпевшего, и третье – заключение травматолога.

– У тебя что, есть письменное показание Мизинцева?

– Письменного нет. Но он мне рассказал, что произошло в их вытряхвителе, как в народе говорят.

– А-а, Толя, – отмахнулась она, – они сейчас как дети, один на другого валят.

– И завалят. Втроем одного – завалят. Исковеркают жизнь пацану.

Малина посерьезнела, карандаш в руке стал торчком.

– Успокойся, Толик. Никто никому не позволит коверкать жизнь. Каждый получит то, что заслуживает. – При этом пристукивая по столу торцом карандаша, как бы расставив точки. ("Какая самонадеянность!") А твоя работа этому только поспособствует. И прими мою искреннюю благодарность за помощь.

– Светлана Иван-на, так вы мне даёте время?

– Ну, хорошо, – она улыбнулась. – До утра. Цени мое к тебе расположение.

– Спасибо, Светик! И ещё. Об этом им, – кивнул Анатолий на двери, – ни слова. Пусть знают, что их крутят с обеих сторон и понервничают. Договорились?

Феоктистов положил свою широкую руку на её изящные пальчики. В ответ Малина едва заметно кивнула, не поднимая глаз.

– Ну, вот и ладошки.

Феоктистов благодарно пожал ей руки и поднялся.

– Так до завтра, Светлана Ивановна?

– До завтра, Анатолий Максимович!

Она с той же шуткой отвечает ему, которая прослушивалась в его голосе. Но в её голосе едва заметно прозвучали нотки, не то разочарования, не то сожаления об их короткой деловой встрече.

В коридоре на жёстком деревянном диване, лавке со спинкой, сидели Бахашкин, Галимханов и Глотко, о чём-то негромко переговаривались. На стук двери обернулись – из кабинета вышел Феоктистов.

Анатолий обвёл троицу насмешливым взглядом и остановил его на Галимханове.

– Ну что вы, гули, приуныли, клювики повесили?

Но шутка его осталась без ответа.

– В общем, так, убивцы, – посмотрел на часы на руке, – сейчас девять. Через час-полтора, то есть к половине одиннадцатого я жду вас у себя в управлении. Поняли?

Бахашкин и Глотко заерзали, Галимханов пренебрежительно хмыкнул. Феоктистова это задело.

– А тебя, Галим, я приглашаю в первую очередь.

Промелькнула та же ухмылочка.

– Ну, вот и договорились.

Анатолий поспешил по коридору к лестничному маршу, и троица взглядами провожала его до сворота.

– Сашька, ты пошто с ним так, а? Поговорить с ним надо, по-дружески, ага. А ты, ишь как зыркаш, – недовольно проговорил Шалыч.

– Поговорим... Придёт время, поговорим, попожжа...

– Ну, смотри. Будет те потом попожжа.

Чувствовалось, что Галимханов не терял в себе уверенности, которая больше походила на бесшабашность.

28

Феоктистов сбежал со ступенек крыльца и открыл дверцу ПМГ.

– Вперед, Коля! В сангородок.

Машина прошла по улице Горького, затем свернула на Мира. Проехав минут пять, пересекла Восточную улицу и нырнула в проулок между приземистыми одноэтажными коттеджами поселка Северный и из него вывернула на площадку перед сангородком. Перескочив трамвайную линию, остановилась на площадке у поликлиники среди легковых автомобилей.

– Жди, Коля, я скоро.

– Толя, Толя, – водитель постучал ногтем по стёклышку часов на руке.

Феоктистов согласно кивнул: понимаю, – и захлопнул дверцу. Направился к металлической калитке. Поднырнул под верхнюю грань и пошёл по тропинке зелёного газон к приёмному отделению.

Анатолий был раздражён, шагал быстро. Его разбирало недоумение: ну почему прокуратура? У них что, больше заняться нечем? А перед глазами стояла ухмылочка Галимханова. Уж больно что-то Галимка смел, самоуверен. Ну, ладно, посмотрим. Посмотрим в одиннадцать часов, как он будет изворачиваться? Давим на психику!..

Бердюгин встретил Анатолия радушно.

– А, Анатолий Максимович! – подался он на встречу.

– Здравствуйте, Игорь Васильевич! – пожал доктору руку.

– Пришли продолжить сеанс с обваренным?

– Не только...

– Что же ещё? Да вы присаживайтесь.

Феоктистов подсел к столу.

– Игорь Васильевич, у меня сложность возникла.

– Какая же?

– Служебного характера... У меня забирают дело по медвытрезвителю и передают прокуратуре.

– Отчего же? – забеспокоился Бердюгин.

– Тут, похоже – это моё сугубо личное, интуитивное предчувствие, – этим делом кто-то заинтересовался лично, или подключены заинтересованные лица с чьей-то стороны... Скажем, со стороны подозреваемых. Мне же осталось последнее – допросить Галимханова. Сегодня я запланировал с ним и прочими, провести последнюю беседу, допрос, если хотите. Но, как факт, официального следственного заключения по этому делу я дать не смогу. Вернее, могу, и будет, но не подтвержденное судебным постановлением. Дело будет инициировано прокуратурой. Конечно, копии судебного решения я получу, через ту же Малину. Но как мы сможем потом это увязать с ультрафеном?

Бердюгин в задумчивости поджал губы и пальцем почесал переносицу.

– Но... – Феоктистов сделал паузу, как бы призывая доктора к вниманию. – Мне думается, Игорь Васильевич, не всё потеряно.

– То есть?

– У меня есть предложение. Только не спешите опротестовывать, выслушайте. Я предлагаю подключить к нашему эксперименту Малину? Я ей передаю дело.

Игорь Васильевич нахмурился.

– Ну... Полагаю, преждевременно.

– Ладно, подумайте. А сейчас продолжим эксперимент.

– Хорошо, – сказал Бердюгин и поднялся.

В холодильнике Феоктистов навёл прибор вначале на обваренного. Над ним было серебристое облако. Но слабее. Из груди, из “сердца”, оно чадило, словно дымок из остывающей головешки. Наконец и он источился. В холодильнике послышался тихий звук, напоминающий стон.

Феоктистов на мгновение обернулся, словно отыскивая источник этого звука. Бердюгин кивнул, показывая взглядом наверх: смотри туда.

Анатолий поднял ультрафен и нашёл шар, напоминающий голову в оранжевой кудели. Эта голова, с интервалами в несколько секунд, поднималась к потолку, и остановилась в углу на стыке между стеной и потолком. Во взгляде, вполне уловимом, сожаление, похоже, по всему земному и грусть.

Зачарованный, Анатолий следил за ней и тихо шептал:

– Да-а, Игорь Васильевич, удивительно!..

– Теперь вы верите в существование душ? – спросил тихо Бердюгин.

– После такого!..

Феоктистов направил ультрафен на труп из Байкальска, над ним ничего не было.

– А этот уже без души?

– Да, душа его, наверное, уже переселилась в какое-нибудь насекомое или растение. А может и в нового человека. Он умер более трех суток назад.

– Игорь Васильевич, я разыскиваю одного человека, – Анатолий достал из записной книжки фотографию, и подал её Бердюгину. – Посмотрите, может, вы опознаете?

Игорь Васильевич принял фото и подошёл ближе к покойному. Всматриваясь, отрицательно покрутил головой.

– Трудно по такому обезображенному лицу узнать кого-либо. Может по особым приметам? У вас они есть?

– Нет. Но я могу сейчас привезти жену того, чья фотография.

– Да, пожалуйста, так и придётся сделать.

– В таком случае, я побежал. Мне машину дали ненадолго. Прямо беда. Мы как пасынки. В прокуратуре чуть ли не у каждого прокурора, следователя машина, а тут? ПМГ взял на время, и то торопят вернуть.

Феоктистов, ворча на свою нелегкую судьбу, то есть на службу, с её неорганизованностью, помогал Бердюгину разбирать ультрафен.

29

Анатолий быстрым шагом подошёл к ПМГ и, открыв дверцу, сказал:

– Коля, срочно на комбинат. Человека на опознание доставить надо.

– Толя, с отделения дежурный матюгами кроет, машина нужна, – ответил водитель.

– Вот чёрт! – Феоктистов снял трубку с переговорного устройства. – Силантич, это Феоктистов.

– Слушай, граф, имей совесть хотя бы ради приличия. А то соберу собрание и графский титул с тебя состругаю. Верни машину!

Феоктистов улыбнулся на его шутку, но загорячился.

– Силантич, дорогой, минут через двадцать-тридцать, а? Срочно нужно человека на опознание доставить в морг. Привезём, и сразу домой. Потерпите?

– Вот навязались вы на нашу голову. Не могу! Срочно надо вести задержанного на суд из предварилочки. Опознание твоё подождёт, мёртвым спешить некуда.

– Но, Силантич, позаимствуй у других отделений.

– Нету. Всех обзвонил. Давай так договоримся. Завтра, я тоже буду служить, долг отрабатывать сменщику. Задолжал тут по делам семейным. Так вот, я тебе машину зафрахтую на полдня. Катайся, развлекайся, а сегодня не могу. Через пятнадцать минут я урку должен доставить в суд. Всё!

– Эх!.. – Анатолий с досады выругался.

– И не смейте эфир засорять, ваша графская... Постыдитесь, вашу мать...

– Ладно, товарищ майор. Чтобы не обескураживать вас своим поведением, повинуюсь.

Но на завтрашний день – ловлю на слове.

– Лови, лови, а сейчас машину верни.

Феоктистов бросил трубку и с неохотой полез в кабину.

Водитель завёл машину и сдал назад. Развернулся, и ПМГ, перескочив трамвайные линии, побежала через весь город в квартал “А”.

В пути Николай с сочувствием спросил:

– Что, Толя, худо без машины?

– Ай, Коля, не то слово. Как нарочно... – ответил с негодованием Феоктистов, и хотел было излить свою горечь на начальника отдела, но унижать достоинство того посчитал неуместным, сдержался.

30

В управление на этаже Феоктистова ждали Бахашкин, Галимханов, Глотко.

Он кивнул им и прошёл к себе в кабинет. В кабинете сидел один Михалёв.

– Привет. Давно они тут? – спросил он.

– Минут десять. Привет.

– Ну, давай принимать. Берись за ведение протокола.

– Не извольте беспокоиться, ваша светлость. – Михаил достал из стола несколько листов бумаги и сверху положил ручку. – Готов.

– Зови Галима.

Феоктистов вынул из сейфа папку и положил на стол перед собой. Открыл и быстро перебрал нужные для дознания бумаги.

– Из жэка взял справки?

– И не только, – Михаил достал из стола три листочка, подал.

Феоктистов бегло прочитал бланк из жэка и опросы, взятые с бригадира сантехников и с жильцов из близлежащих к медвытрезвителю домов.

– Так, хорошо. Зови Галима.

Михалёв прошёл к двери, открыл на полураспах и сделал в мягком поклоне приглашающий жест.

– Галимханов, будь ласка, зайди, пжа-алста.

Саша нехотя оторвался от подоконника, возле которого стоял вместе с коллегами, и прошёл в кабинет. Михаил закрыл за ним дверь.

Феоктистов показал Галимханову на стул возле своего стола.

– Проходи, Саша, садись. Ты, как мне помнится, именно так хотел со мной побеседовать? – Следователь закрыл папку и отодвинул на угол стола, противоположный от посетителя.

– Никак я не хотел, – ответил Галимханов, садясь.

– Ну, значит, мне показалось, – безразличным тоном проговорил Феоктистов. – Да, чтобы тебе в процессе допроса было всё понятно, вот, следователь Михалёв, будет вести протокол. Когда наша беседа закончится, ты его подпишешь. И ещё. Ты сейчас не на суде, поэтому можешь врать, изворачиваться, вешать нам лапшу, макароны, спагетти – не стесняйся. Вешай это всё на всё, что здесь стоит, весит, лежит. И если твоя стряпня нам понравится, мы её стряхивать не станем. Но если будет пресная, сухая, то уж извини... – развёл в стороны руки. – Мы люди разборчивые, со вкусом.

Галимханов усмехнулся.

– Чо мне врать? Чо было, то и расскажу. Чего не было, чо плести?

– Вот и договорились. Кстати, хочу по-товарищески, напомнить, что чистосердечное признание смягчает тяжесть наказания и облегчает следствие. А то скажешь потом, что не предупредил, не советовал, обижаться будешь.

– Ладно, граф, валяй, не тяни за душу.

– А она у тебя есть? – усмехнулся Феоктистов, на что Саша дернул губами в усмешке, но промолчал. – Ну что же, все формальности соблюдены. Поехали...

Феоктистов наклонился к папке и, едва приоткрыв, вынул из неё три листа, рапорты работников медвытрезвителя.

– Твой? – показал на рапорт Галимханова.

– Мой.

– С чьей головы составлен? Кто автор?

– Каждый писал сам по себе.

– Хм. Все три написаны, как под копирку... И так, к тебе вопрос: когда, в каком часу, до минут, ты взял в сквере “Пионеров” человека предполагаемого пьяным?

– Толя, я всё указал в рапорте.

– Саша, тебе ещё раз повторить вопрос?

Галимханов отвёл от следователя глаза, как от докучливого преподавателя.

– В одиннадцать, кажется.

Феоктистов поморщился.

– Врёшь, Саша. И в рапорте, и сейчас. Вот рапорта патруля. Ознакомься, – Феоктистов подал листы Галимханову.

Саша начал читать и невольно заелозил на стуле.

– Так, когда ты его привёз?

– Ну... Ну, обшибся малость, – оговорился он, не то в растерянности, не то, пытаясь пошутить.

– А эти тоже обшиблись? – передразнил Феоктистов и показал на рапорта его коллег.

– Дык, в журнале так... Как в журнале было записано, так и мы...

– Вы журнал-то, когда заполнили? Когда вам паром самим уши в трубочку свернуло. Нет, Саша, как ты подсказал Шалычу, так он и записал. У этого костолома в башке одна солома. Ты же сам его так характеризуешь. Так как?

– Дык не помню, как чево было...

– Ты мне тут склеротика не разыгрывай. Так? – я тебя спрашиваю.

У Галимханова лицо стало потеть, ему становилось жарко. Он расстегнул рубашку на две пуговички.

– Душно у вас, парни. Как вы тут сидите? – сказал он, пытаясь, разговор перевести на непринужденный дружеский лад.

– Да это тебе от своих спагетти, а нам ничего, терпимо.

В голове Галимханова металась лишь одна мысль: как подойти к вопросу о взятке? Он знал одно и сам жил этим постулатам – деньги берут все, деньги делают всё. Но тут был Михалев... Эх, надо было в прокуратуре, там надо было к графу с этим подкатить. Взял, куда бы он девался? Чем он лучше? Теперь придётся на двоих делить. Не то составят протокольчик...

В идею Шалыча Саша не верил: у прокуратуры своих заморочек хватает, и, чтобы она взяла на себя ещё какого-то сержанта... – это мало вероятно. Надо надеяться на себя. И, может быть, на Валеру, на его связи. Галимханов неуверенно наклонился в сторону Феоктистова.

– Толя, а можно... – в полголоса заговорил он, – Толя, давай с глазу на глаз? Предложение есть.

Феоктистов вскинул на него удивлённые глаза, посмотрел подозрительно, боком. Затем отрицательно закрутил головой.

– Поверь, Саша, у меня много ещё дел. Очень много. И на пустопорожнюю болтовню нет времени.

– А откуда ты знаешь? Может и не попусту. Может как раз о том, отчего тебе всё ясно станет и понятно? Просто, по-товарищески.

– По-товарищески?.. Хм, так ты ж уже пытался со мной по-товарищески, у меня до сих пор поджилки трясутся, застрашал до нервных колик. Давай, Сашок, не будем тут создавать интимную ситуацию. Давай работать.

У Галимханова погас свет надежды в глазах, первый подход не получился.

– Ну чё же, анан сагаям, – проговорил он глухо. – Смотри...

– Не ругайся, Саша, это тебе не на пользу. Так как было на самом деле? Журнал заполняли после чепе, так?

– Ну, допустим, – с вызовом проговорил Галимханов и вальяжно уселся на стуле.

– Ну, если бы было иначе, вы б и фамилию клиента записали, и нам не пришлось бы сейчас разыскивать родственников. Ваш медработник его осматривал?

– Осматривал.

– Да ну?.. А почему же он тогда не установил степень опьянения пациента?

– А я почём знаю?

– Ладно. А кто включил горячую воду?

Галимханов вновь заёрзал на стуле. Поднял на следователя глаза и тут же опустил их.

– Не помню. Он же не давался, матерился. Да и горячая вода могла сделаться и сама. Жэк может, отключил холодную воду, ремонт делал и отключил. Вот и стала в кране одна горячая...

– Жэк, значит, виноват. Вот черти! Как на грех. – Феоктистов достал из папки листочек и подал Галимханову. – НÁ, ознакомься. Это справка из ЖЭКа.

Галимханов принял листочек, руки его подрагивала.

– Так это... Они счас понапишут. Как услышали, что произошло в вытрезвлюхе, так и это... справки.

– Ну да?.. А вот другая, – подал ещё листочек. – В ней конкретно указывается, где, когда и чем занимались в тот злополучный час слесаря-сантехники. Прочёл? Подписи мастера и бригадира ясны?.. Конечно, Саша, тут круговая порука: начальник ЖЭКа, мастера, бригадира. Как услышали, что вы мужика сварили, сбежались, и давай алиби строчить. И тоже, как вы, под диктовку, или под копирку.

Галимханов пожал плечами.

– А что, вполне возможно.

– И жители близлежащих домов, и продавцы из хозяйственного магазина. НÁ, почитай и их показания. И, обрати внимания, кто эти показания собирал. Эти люди, я полагаю, не вызовут у тебя подозрения.

– Ну, как же, я с ними одним миром мазан, – подал голос Михалёв.

Галимханов бросил листок на стол.

– Ну, теперь ты со всеми документами ознакомлен, давай, говорить серьёзно. А меня интересует лишь один вопрос: кто включил горячую воду?

– Н-не помню.

– Не помнишь? Ну, тогда более мягкий вопрос. Сколько раз ты съездил пациенту под дых и по печени?

– Ты што?! Я его и пальцем не трогал! – воскликнул Саша, чуть ли не подпрыгнув на стуле.

– Верю! Вот этому я поверю. Так пальцем не ушибешь. Здесь принимаю твою лапшу, – усмехнулся Феоктистов. – Но отчего тогда при вскрытии у пострадавшего были обнаружены кровоподтеки в означенных местах. Вот, ознакомься, заключение медэкспертизы. Ты же у Бердюгина просил его.

Галимханов впери́л взгляд в лист, но, кажется, ничего не видел. Лицо его стало потным, потемневшим, как будто покрылось дополнительным загаром.

– Итак, – следователь забрал листок, – кто включил кран с горячей водой?

– Да... да... да не помню! Граф, ей-Богу, не помню!

– Ну вот, и до Бога дошли. А ведь сам недавно отвергал и Бога и Аллаха. Неужто уверовал?.. Хм, как человек может быстро менять свои убеждения.

– Это свойственно сучонкам, – подал реплику Михалёв.

– Ну ладно, Саша, не темни. Конкретный к тебе вопрос, жду конкретного ответа. Ибо знай, на любой твой ход, я тебя буду давить фактами. Итак, повторяю: кто включил горячую воду?

– Граф, но не помню! – Саша стукнул себя в грудь. – Хоть расстреляй.

– Ну, расстрельными делами заниматься не в моей компетенции. Жду ответ.

– Н-не помню...

– Как же не помнишь, если вот тут, в твоём рапорте, чёрным по белому написано: горячую воду включил Мизинцев. Так? Это твоя подпись? – Феоктистов пододвинул к Галимханову его рапорт.

– Моя...

– Так кто включил горячую воду? Ты или он?

– Он... кажется.

– Опять кажется. Кому кажется, тот крестится. Может ты и впрямь, верующим стал? Так крестись, мы не будем осуждать. Так кто: ты – он?

– Он... Мизинцев.

– Ну вот, наконец-то разродился! – не выдержав, воскликнул Михалёв.

Феоктистов отклонился на спинку стула, как человек потерявший интерес к собеседнику.

– Эх-хе. Вот ведь, Миша, какая в человеке мелкая душонка, – обратился он к Михалёву. – Стоит запахнуть жареным, он тут же подведёт своего товарища под дыбу, как говаривали в старину. Эх, Саша, Саша. Только что о Боге вспоминал и тут же согрешил. Неужто в душе у тебя ничего не дрогнуло?

– А что у него там может вздрагивать? – отозвался Михаил. – Разве что кусок дерьма и то жидкого. Покажи штанишки, не намокли?

Галимханов вспылел. Соскочил со стула и забежал по кабинету.

– Да не помню я! Анан сагаям! Не помню!

Следователи переглянулись, их взгляды выражали удовлетворение: нервы у Галима сдают!

– Ну, если не помнишь, так зачем было писать в рапорте на товарища? – спросил Феоктистов.

Какое-то время молчали, наблюдали за подследственным. Не выдержал Михалёв.

– Сядь, не разноси дерьмо по кабинету! – бросил он.

– Ладно, Саша, успокойся. Садись, продолжим.

31

Утро выдалось под стать Анечкиному настроению, – солнечное, тёплое, весёлое. Анечку три дня не покидает какое-то внутреннее возбуждение. И сегодня она часто напевает песенки. Но иногда вдруг остановится и чему-то грустно улыбнётся. Она подходит к телефону, смотрит на него с ожиданием чьего-то звонка, но тот молчит. Вот так всегда! Вот как нарочно!..

Порой сама берёт трубку и тут же поспешно кладёт, словно та оказывается горячей. Аня то принимается читать книгу, то откладывает её. То включает телевизор, но почти сразу же выключает, потому что показывают не то, что ей хотелось бы видеть. С недавних пор её стали больше интересовать детективы и детективные романы. Порой она разговаривает и, как ей кажется, мысленно.

– А чтобы и не позвонить?.. Что тут особенного? Спросить о папе, как идёт поиск? Это ж так естественно. Мы ведь тоже волнуемся. Я ведь имею права узнать о судьбе своего папы?.. Имею! – Убеждает она себя, и, в конце концов, решительно подходит к телефону. – Ну почему бы ему самому не позвонить? Может, у нас у самих есть новости о папе.

– Ты чего там бормочешь? – подаёт голос из другой комнаты брат. – Бормочет и бормочет. Или у тебя песни такие: на что смотришь, о том и пою?

– А тебе-то, какое дело? Хочу – пою, хочу – бормочу! – голос брата отгоняет её от телефона.

– Ох-ох-ох!

– Вставай лучше. Уже время к обеду, а он все ещё в постели, лежебока.

– А мне почему-то не хочется.

– Ну и лежи голодный.

Аня включает телевизор. На экране японская рок-группа исполняет японскую песню на русском языке.

*И солнце светит и для нас с тобой,
Целый день поёт прибой...*

Смысл песни и её ритм Ане по сердцу, и она подпевает:

*Гляжу на залив, и ничуть не жаль,
Что вновь корабли уплываю вдаль.
Дельфины, дельфины другим морям
Расскажите, как счастлива я-а...*

– Ну вот, теперь запела, – проворчал Максимка, выходя из спальни.

– Иди-иди! Мойся, да жракать садись.

– И чего распелась? – Максимка угрюмый со сна проходит в ванную.

Девушка, оставшись одна, стала танцевать что-то похожее на чарльстон.

Песня кончилась. Японцы раскланиваются. Аня кланяется им и, выключив телевизор, уходит на кухню, чтобы покормить брата.

– Ты своим обалдуям скажи, что за Мульку я им чупруны-то повыдираю. Слышишь?

– Угу.

– Угу. Кто её камнями с дерева сбивал? Только вот поймаю...

– Смотри-ка как страшно. И не камнями вовсе, а шишками сосновыми.

– Ага, шишками. Так и скажи им, со скальпами ходить будут.

– Ох-ох-ох...

Позавтракав, Максимка убежал на улицу. К тем, кому чупруны носить до первой встречи с хозяйкой кошки Мульки.

Аня остается одна, и на неё вновь набегают фантазии, волны чувств, и она не находит себе места, не знает, чем заняться, чтобы успокоить себя, остудить свои фантазии.

32

Звонок телефона. Феоктистов снимает трубку.

– Да.

Молчание, но в трубке слышится чьё-то дыхание.

– Вас слушают. Кого вам надо?

– Феоктистова, Анатолия Максимовича...

– Я слушаю.

– Это вы?.. Это я вас... Это Аня Шпарёва вас беспокоит.

– Анечка! Рад тебя слышать, – обрадовался Анатолий. Лицо его стало мягче, озарённое, морщинка между бровей разгладилась. Он отвернулся от присутствующих.

– Анатолий Максимович, я... Вы извините, пожалуйста.

– Уже извинил и с удовольствием тебя слушаю.

– Да я... Я хотела с вами поговорить. То есть хотела узнать о папе...

Феоктистов посерьёзnel. Вздохнул.

– Анечка, пока ничего утешительного я тебе сообщить не могу. Могу только сказать, что занимаюсь этим делом, и теперь вплотную.

– Спасибо.

– Не за что, Анечка.

– А вы... Вы сами можете нам позвонить, если что?

– Конечно. А тебе в первую очередь и обязательно.

Девушка замолчала.

– Анечка, у тебя всё?

– Да.

– Тогда до свидания. И звони, не стесняйся. Договорились?

– Хорошо. Я буду звонить. Обязательно. До свидания! – в голосе прослушивались нотки радости.

Феоктистов положил трубку, на миг призадумался. Затем повернулся – Галимханова на месте не было. Он стоял, склонившись над столом Михалёва, и о чём-то нашептывал тому вполголоса. У Михаил от его шёпота поблескивали глазки: не то от смеха его распирающего, не то отчего-то ещё, что Галим смог в нём возбудить.

Феоктистов сказал:

– Ну что же, начнём?

Галимханов нехотя вернулся на место.

– У детей горе, отца потеряли. Может быть вот такие, как ты, отупевшие от власти мерзавцы, затащили его в вытряхватель или какое-нибудь подобного рода заведение и вытрясли из него душу. – И резко сказал: – Хватит, Галим, давай заканчивать! Горячую воду включил ты?

Галимханов, оглядываясь на Михалёва, словно заручившись его поддержкой, пожал плечами и с натянутой улыбкой ответил:

– Нет. То есть, не помню. Может Мизинец...

– Опять! Опять плетёшь на парня?

Заговорил Михалёв.

– Слушайте, граф Феокт, тут от Галима предложение поступило, может, выслушаем, а?

– Что ещё за предложение?

– Кусок обещает нам отстегнуть на двоих.

Феоктистов с Михалёвым перевели взгляды на Галимханова.

Саша заёрзал на месте, и проговорил с хрипотцой в голосе, похоже, смутившись взгляда следователя.

– А чо? Конкретно... Сторгуемся.

Феоктистов закрутил головой из стороны в сторону, словно выражая несогласие с предложением или с его постановкой.

Галимханов заволновался.

– Чо мало? Сколько?..

Михалёв усмехнулся.

– Да, граф, дешёво вашу милость оценивают. Дёшево.

– Видишь ли, Шурик, я тебя вынужден огорчить: ты не в ту лавочку попал. Мы ведь не в вашем вытряхвителе и со своих клиентов мзду не берём. Так что, замнём этот разговор для ясности. И скажи этим, – Анатолий показал указательным пальцем на двери, – что не тот адрес. Давай к делу. Время дорого.

Галимханов насупился и замолчал.

– Граф Феокт, да бросьте вы с ним возиться! – не выдержал молчания Михалев. – Пусть идёт по групповой. – И к Галимханову: – Ты думаешь, тебе от этого лучше будет? Да тебя за такую дешёвку там, если не Мизинец, так фраера опустят. Живо из тебя Сашеньку сделают, – и пропел: – Плакала Саша, как целку ломали... А что, Саша, ха-ха! Весьма заманчивая перспектива, а? Выйдешь на свободу беременным...

Галимханов заметно сник, на лице появилась заискивающая улыбка.

– Саша, я вызываю наряд из капезе и определяю тебя на заслуженный отдых. Пока на трое суток, а потом по ходу следствия ещё продлим на недельку... Феоктистов протягивает руку к телефону.

– Это ещё почему? – воскликнул Галимханов.

– А что ещё с тобой делать? До выяснения хода следствия определяю тебя под арест, как опасного преступника. Подпиши протокол допроса.

Михалёв развернул листы и продвинул их по столу к Галимханову. Саша стал читать, платком стирая с лица пот.

Феоктистов крутил диск телефона, и взгляд его не сходил с лица подследственного.

– Они что там, уснули что ли? – сказал он с досадой.

– Сейчас время обеда, – вспомнил Михалёв. – Полу гражданам – полу товарищам разносят жратву. Ха! А ты, Галим, – выделил губами звук “прр”, – без обеда останешься. Ну не беда, ты, вон, какую шею наел в своём вытряхвителе. Ха-ха! Твоих соцнакоплений тебе хватит на неделю без ущерба фигуре.

Феоктистов нажал на рычаг. Набрал номер снова, не упуская из вида состояния Галимханова. Ну же, Саша, ну! Ты же готов! Гонорок-то уже облетел, пора.

Галимханов растерянно прочитал, скорее, просмотрел протокол. И вдруг, бросив листки на стол Михалева, взорвался.

– Ладно, граф! Ладно! Анан сагаям, куя барасом! Топи своих! Топи!

Феоктистов положил медленно трубку на телефон, откинулся на спинку стула и глянул на Михалева.

– Кто включил горячую воду? – сухо спросил он.

– Не помню! Ну, может быть, и я!

– Вот, это уже теплее. Отсюда – поподробнее. Так кажется, или ты?

– Ну, я! Я! – едва не вскричал Галимханов. – Чо, легче стало? Топи, бей своих, может орденоч получить?

Михалёв притянул к себе протокол обратно и дописал показания Галимханова.

– Ладно, Саша, успокойся. Не рви душу, – проговорил Феоктистов. – А показания твои мне нужны были, вернее, даже не мне, а правосудию, чтобы не пострадал другой человек.

– НÁ, Галим, подпиши, – подал протокол Михалёв. – И хватит лаяться.

Галимханов почти выдернул из его руки ручку и сделал под листками показаний закорючки. Он ни на кого не глядел. Лицо тёмное от природы, почернело ещё более, глаза блестели. Саша старался сдержать в себе бешенство. Ворчал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.